

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

МИР КРИСТИНЫ

повесть

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

МИР КРИСТИНЫ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 216.

Как часто всё самое главное начинается со случайной и не очень удачной встречи. Любовь выпрыгивает из-за угла, словно убийца с кривым ножом. Но раны любви благодатны. Правда, удар любви нужно заслужить, особенно, если любовь — это Кристина, девушка с тайной.

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Первый среди вторых в столичной тусовке очень продвинутый художник-портретист Майк Кустофф выпал из обоймы. До последнего времени в его жизни, набитой под завязку ежедневными встречами и контактами с десятками самых разных людей все обстояло более чем. И вмиг все рухнуло. Рассыпалось, как карточный домик.

Три дня назад Майк сбил на зебре симпатичную девушку. Вернее, едва не сбил. Если быть совсем точным, успел остановиться в нескольких сантиметрах. Девушка, увидев надвигающуюся на нее огромную машину, от страха попятилась, и как-то неловко упала на бок.

С этого несостоявшегося ДТП все и началось.

Когда-то Майк был просто Мишей. И вовсе не Кустофф, совсем даже наоборот Мырдин. Миша Мырдин. Разве с такой фамилией пробьешься в искусстве? Еще учась в Строгановке, он постоянно ощущал некоторую, как бы, ущербность своей харизмы. До конца, осознав это, начал мучительно подыскивать себе новую фамилию и имя. Ведь чтоб выбиться из тисков совковой ментальности, необходимо кардинально изменить все.

Фамилию, имя, образ жизни, желательно даже внешность и привычки. В этом Миша Мырдин основательно преуспел. Усердие, как известно, все преодолевает.

«Хочешь быть красивым, поступи в гусары!». Хочешь стать успешным художником, будь неординарен, во всех ситуациях заметен. Но только на одной неординарности далеко не уедешь, это любому дворнику ясно,

как теория квантовой физики. Широкой известности не добьешься, не говоря уж о славе. Больших денег тем более не заработаешь.

А Мише Мырдину хотелось всего и сразу. И как можно больше. Потому, еще, будучи студентом, не мудрствуя лукаво, он напрочь отбросил все эти постмодернистские заморочки, которыми упивалась живописная московская тусовка того времени. Отрастил длинные до плеч волосы и ударился в Реализм. С большой буквы.

Реалистические женские портреты! В стиле конца девятнадцатого века!

«Налетай, не скупись! Покупай живопись!».

Два курса Майк, (тогда еще Миша), уныло отучился в Строгановке. Потом, перекрестившись в Майка, к немалому изумлению всех знакомых, побежал в престижную Академию живописи ваяния и зодчества к самому Илье Сергеевичу Глазунову.

— Майк? — нахмурившись, переспросил Глазунов.

Он задумчиво пожевал губами, будто пробовал это имя на вкус.

— Почему Кустофф!?

Майк стоял на фоне своих расчетливо отобранных студенческих работ. Все они были в эдаком славянском духе. Церкви, монастыри, портреты верующих. Спрятав руки за спину, он изо всех сил пытался произвести на Глазунова хорошее впечатление. В Москве каждой собаке было известно, Илья Сергеевич Глазунов по убеждениям монархист и народник. На дух не переносит всякую «американщину». А тут, здрасте, я ваша тетя, «Майк!».

Майк очень рисковал. Но риск его как, оказалось впоследствии, оправдался. Контраст между именем, и стилем представленных на суд мастера работ сработал.

— Вы что, иностранец? Иноземец, инородец? — мрачно допытывался Глазунов.

Большого красноречия стоило Майку убедить Илью Сергеевича в обратном. Мол, у них в Строгановке иначе никак. Будешь белой вороной, подвергнут остракизму и все такое. Мол, возьмете под свое крыло, отрекусь от «Кустоффа», вернусь к истокам. Дескать, православие и народность у меня в крови.

Что-то, очевидно, Илья Сергеевич в нем все-таки увидел или что-то такое нафантазировал. Как бы то ни было, Майк очутился сходу на третьем курсе в престижной по живописным меркам Академии. Глазунов в дальнейшем упорно называл его «Михайло».

Наверняка, возлагал на «Михайло Мырдина» определенные надежды.

Майк Кустофф никаких надежд Глазунова не оправдал. Сразу после диплома бросился писать исключительно портреты. Всяческих эстрадных и киношных знаменитостей женского пола. И жен популярных политиков. Крутился, как белка в колесе, заводил полезные знакомства, расточал фейерверком комплименты и улыбался, улыбался... Всем женщинам подряд. Постоянно. Те отвечали ему взаимностью. И помогали.

Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь! Майк улыбался, но постоянно был начеку. Знал, у большинства представительниц прекрасного пола под прической бьется одна, но пламенная мысль, «как залететь от потенциального олигарха от живописи?». Майк подходил для этого

идеально. Высокий, худой, с белокурыми длинными до плеч волосами и темными выразительными глазами. Эдакий мачо с обложки гламурного журнала. Кое-кто находил в нем даже сходство с великим Карлом Брюлловым. Чисто внешнее, разумеется.

Улыбайтесь, господа! Фортуна в ответ непременно улыбнется вам!

«Элитные жены»! Так и назвал свою первую персональную выставку Майк Кустофф. Журналистки, вспышки, интервью для телевидения. В тесный зал на Октябрьской улице, что незаметно приютился в Марьиной роще, народищу сбежалось, не продыхнешь! Кажется, вот она, госпожа Удача! Ухватил Жар-птицу за хвост! Но, увы!

До Никаса Сафронова все равно было как до звезды. До Шилова, кстати, тоже.

Майк Кустофф, кроме женщин и живописи всерьез не увлекался ни чем. Читать книги перестал сразу после окончания десятилетки, телевизор смотрел крайне редко, да и то, одним глазом. Политикой не интересовался вообще. Ни в буддизм, ни в христианство, ни в кулинарию не впадал. Мураками, караоки, экибаны обошли его стороной. Ни Борхес, ни Маркес, ни Коэльо не затронули души его. Да и вряд ли он их читал.

Долгое время он вел целенаправленный тусовочный образ жизни. Что, кстати, в любой тусовке московского разлива не так и сложно. Выучил с десятков слов. «Гламур, адреналин, ментальность, адекватность, толерантность!». Не задумываясь, вставлял их время от времени в разговор в любой компании и был... «весь в шоколаде!».

По работе — заказы, договора, устные и под диктовку нотариусов, бесконечные второй свежести лица жен чем-то там знаменитых людей, холсты, подрамники, краски, кисти... Раз в год небольшие выставки портретов с претензией на помпезность. Раз в месяц корпоративные вечеринки похожие на картинки из мыльных сериалов.

К тридцати годам Майк Кустофф обрел ту успешность и завидное стабильное благополучие, к которым так стремился в студенческие годы. Конечно, в глубине души он осознавал. Великим Гэтсби ему не стать. Его работа куда менее творческая, нежели, скажем, поиски любимым медиком новой вакцины от петушиного гриппа или коровьего сумасшествия. Но благополучие, как известно, не последняя вещь в этом мире. Живем один только раз.

Все было. Квартира, мастерская, загородный дом, две машины, ежегодные персональные выставки, молоденькие любовницы, сменяющие одна другую с периодичностью времен года. Не было чего-то самого главного. Простого и ясного.

Как в том анекдоте времен кузькиной матери? «Сижу в Президиуме! А счастья нет!». Короче, до сияющего где-то там, высоко-высоко астрала так и не добрался. Карма его нуждалась в постоянной подпитке, чакры в срочной чистке. Майк и сам сознавал, (увы, увы, увы!) великий Гэтсби ему, действительно, не светит ни при каких обстоятельствах.

Так было до тех пор, пока на перекрестке в узком переулке около Самотечной эстакады не возникла хуленькая фигурка девушки. А через мгновение она не

оказалась лежащей под капотом его джипа. В нескольких сантиметрах от бампера.

Кристина очень торопилась попасть в Третьяковку. Надо было успеть, пока не набегут стада школьников. Кристина всегда куда-нибудь спешила.

Легкой стремительной походкой изящная стройная девушка ежедневно пробегала не один километр по бульварам, переулкам, коридорам и лестницам разнообразных учреждений своего микрорайона. Работала сразу в двух местах, но никогда никуда не опаздывала. В Доме детского творчества «Логос» была педагогом организатором праздников для малышей. Плюс еще в магазине «Электроника» работала курьером, разносила сотовые телефоны заказчикам на дом и в офисы.

Есть такая профессия – капризы богатых клиентов ублажать!

Кристина была точна, пунктуальна и исполнительна. Начальство очень ценило эти ее качества. Всегда весела, всегда в радостном приподнятом настроении.

Стук ее каблучков очень естественно гармонировал со стуком ее доброго сердца.

Такой ощущала себя сама Кристина. Именно такой должны были воспринимать ее окружающие. Если б не одно обстоятельство, которое каждому бросалось в глаза.

При ходьбе Кристина довольно заметно припадала на левую ногу.

Когда сидела или стояла, никому и в голову не влетало, что она инвалидка. Ежедневным аутотренингом она заставляла себя не думать об этом физическом не-

достатке. И ей это удавалось. Почти. Никто даже не подозревал, какого фантастического напряжения сил ей стоила стремительная летящая походка, доброжелательная открытая улыбка.

Поверхностные натуры, из числа сварливых баб, что свою вечность проводят на скамейке у подъезда пятиэтажки, где жила Кристина, с детства характеризовали ее однозначно:

— Легко живет! Убогенькая!

Где им, поверхностным натурам, знать, какие подчас ураганы бушуют в душе этой, невзрачной на первый взгляд, девушки! Какие высоты человеческого духа ей доступны! В какие глубины подсознания она иной раз погружена!

Правда, иногда она срывалась.

Поводом всегда становился какой-нибудь сущий пустяк, нелепица. Злобный взгляд или случайно брошенная бестактная реплика. Лицо ее покрывалось красными пятнами.

— Господибогмой! — восклицала она. Эти слова она всегда произносила слитно, на едином дыхании. И вкладывала в них чрезвычайно разнообразные смыслы. От угрожающего проклятия во веки веков, до восторженного восхищения чем либо.

В лицо любой из подвернувшихся под руку сварливых баб у подъезда, сорвавшись, она швыряла чаще всего злые, резкие, но, по сути, справедливые слова.

— Ничтожества! Злобные, завистливые ничтожества!!!

Потом, поднявшись в крохотную однокомнатную квартирку, она плашмя бросалась на аккуратно застеленную тахту, и долго горько рыдала.

— Господибогмой! — шептала она.

Но никто и никогда не видел ее слез. Никто и никогда.

Восемнадцать лет назад четырехлетнюю Крисию сбил юный пьяный мотоциклист. Прямо на детской площадке, где она играла в классики. В одиночестве. Подружки в тот роковой вечер все куда-то подевались. Мать Криси учительница начальных классов, жарившая на кухне оладушки, поглядывая в окно, видела одну и ту же картину. Дочь, сосредоточенно глядя под ноги, прыгает с одного квадрата на другой. За кустами во дворе тарахтел мотоцикл. Где-то справа от детской площадки. Внезапно тарахтение мотоцикла смолкло.

Потом тарахтение резко возобновилось и затихло уже за углом дома на улице.

Мать в очередной раз выглянула в окно кухни и увидела Крисию лежащей неподвижно в центре детской площадки прямо на земле.

«Скорая помощь», милиция, соседи, сочувственные всхлипы, гневные выкрики.

С неотвратимой беспощадностью завертелось бесконечное колесо событий, незнакомых лиц, незнакомых медицинских терминов. Одна больница, другая, похожая на предыдущую, как две капли. Бесконечная череда белых халатов.

Первая операция прошла неудачно.

— Мамочка! Ножка болит!

Молоденькая учительница чуть с ума не сошла. Ни на секунду не отпускала руку дочери. Спала на раскладушке прямо в палате рядом с постелью дочери. Сама возила ее на все процедуры. И с каждым днем все меньше и меньше доверяла белым халатам.

Врачи в один голос твердили, нужна еще операция. Иначе, инвалидность на всю жизнь.

— Мамочка! Ножка болит!

Вторая операция, уже в третьей больнице, только ухудшила положение.

И молоденькая мама, возненавидев всех врачей на свете, завернула ребенка в байковое одеяло и унесла домой. Самостоятельно освоила профессии медсестры, няни и массажистки. Традиционные сезонные детские заболевания, простуды, ОРЗ, лечила исключительно сама. Исключительно гомеопатией. Беззаветно верила только в крохотные белые шарики.

Спустя три года молодая учительница совершила невозможное. Добилась в министерстве высшего и среднего образования разрешения учиться дочери в обычной школе. В ее первом классе. Под ее неусыпным надзором. Наравне с остальными здоровыми детьми.

Исключая уроки физкультуры, разумеется.

Сегодня Кристине было просто необходимо пообщаться со знаменитой «Всадницей» Карла Брюллова. Подпитаться созидательной энергией, волнами исходящей от этого неувядающего шедевра. Раз в месяц Кристина непременно устраивала себе свидание именно с этим полотном. У нее уже давно сложился тайный своеобразный ритуал.

Сначала она торопливо проходила мимо. Якобы, в другой зал. Бросала на «Всадницу» мимолетный взгляд. Потом, будто вспомнив нечто важное, останавливалась, медленно возвращалась и застывала в изумлении перед любимой картиной. Будто видела ее впервые.

— Господибогмой! — едва слышно шептала она.

Более всего на свете она боялась, как бы в одно из посещений Третьяковки ее не постигло разочарование.

Но, слава Богу, нет! Никогда скромный шедевр Карла Брюллова ни в малейшей степени не разочаровывал. Кристина всегда испытывала одно и то же шоковое состояние. В ее ушах звучал мелодичный цокот копыт могучего коня и ветер трепал локоны ее волос. Она привыкла к этому состоянию, как наркоман привыкает к дозе определенного наркотика.

В тот день Кристина едва слышно мурлыкала себе под нос «Изабе-ель! Изабе-ель! Мон амур!» и очень торопилась.

Кстати, у Кристины кроме страсти к художнику Брюллову, была еще большая тайная любовь, оставленная ей в наследство матерью. Она трепетно и нежно пронесла ее в душе через всю сознательную жизнь. Где-то начиная с седьмого-восьмого класса. Она любила тайно, глубоко и безнадежно французского композитора и шансонье Шарля Азнавура.

«Изабелла», «Я люблю Париж в мае», «Ты была слишком красива», «Старое пианино».

Шарль Азнавур и Карл Брюллов. Брюллов и Азнавур. Два гения, воспевающие в своем творчестве бессмертие души и всепобеждающую силу любви.

Два великих столпа. На них незыблемо покоился хрупкий мир Кристины.

«Изабе-ель! Изабе-ель! Мон амур!»

Майк заметил ее еще издали. Мысленно прикинул, она успеет перейти, если прибавит жару. Он проскочит перекресток на своем джипе, не сбивая скорости. Но девушка оказалась инвалидкой. Она довольно заметно припадала на левую ногу. Другая на ее месте давно бы перепорхнула на ту сторону. Это Майк успел понять только в последние доли секунды, когда с ужасом увидел, он просто наезжает своей громадиной на хромоножку.

Зажмурив глаза, Майк изо всей силы надавил на тормоз. Раздался пронзительный визг, будто одновременно заорали все коты всего микрорайона. Джип, как вкопанный остановился в нескольких сантиметрах от девушки.

Майк чертиком из табакерки выскочил из машины, наклонился над девушкой.

— Простите! Девушка, милая! Простите! Виноват! Вы не ушиблись?

Девушка, опиралась одной рукой об асфальт, другой поправляла прическу и, молча, сверлила его ненавидящим взглядом. При этом она как-то странно прерывисто дышала. Как ныряльщик, поднявшийся на поверхность из глубин мирового океана.

— Простите меня, ради Бога! — бормотал Майк.

— Господибогмой! — переведея дыхание, протяжно произнесла девушка.

— Вы в порядке?

Она с трудом, неловко заваливаясь на один бок, поднялась с асфальта. Майк бестолково вертелся рядом, заходил то с правой стороны, то с левой.

Девушка брезгливо отпихнула от себя протянутую руку Майка. Одернула кофточку, закинула сумку за спину и начала отряхивать юбку. Размеряно, с педантичной аккуратностью, с какой обычно женщины перебирают от нечего делать свой гардероб. Недовольно морщась, она даже снимала с юбки невидимые миру былинки. На Майка не обращала ни малейшего внимания. Будто его не было вовсе.

Майк с облегчением выдохнул. Могло быть значительно хуже.

Откуда ему было знать, стоящая перед ним девушка панически боится автомобилей. Все движущее, таляхящее, гудящее вызывает в ее душе животный страх. Чтоб справиться с этим страхом ей ежедневно приходится собирать всю волю в кулачок. Для нее каждый выход со двора на улицу испытание. Каждый переход улицы на перекрестке почти подвиг. После подобного происшествия ей нужны, как минимум несколько минут, чтоб прийти в норму.

— Вы в порядке? — растерянно переспросил Майк.

— Оказывается, не все на джипах скоты и хамы, — сильно выдохнув, сказала она.

— В смысле? Не понял!

Лицо девушки стало еще более строгим и абсолютно неприступным.

— На джипах по городу ездят только скоты и хамы, — жестко заявила она.

— Вы в этом уверены?

— Господибогмой! Не прикасайтесь ко мне!

Майк нервно оглянулся по сторонам. Узкие улочки перекрестка были совершенно пусты. Мистика какая-то! Это почти в самом центре столицы. В двух шагах от Самотечного бульвара. Ни единого прохожего, ни одной машины. И тишина-а!

Только чуть в стороне от перекрестка на тротуаре в тени уже распустившегося раскидистого тополя стояла старая бомжиха с мешками через плечо. Прикрыв глаза и едва заметно покачиваясь из стороны в сторону, она пела:

«В лунном сиянии, снег серебрится,
Вдоль по дорожке троечка мчится.
День-день-день! День-день-день!
Колокольчик поет...»

Голос у древней старухи был поразительно молодым, высоким, сильным и чистым. У Майка возникло ощущение, бомжиха только раскрывает беззубый рот, поет кто-то другой, спрятавшийся за ее спиной.

Девушка продолжала сосредоточенно чистить от невидимых миру пылинок свою юбку.

— Вы в порядке? Вам помочь?

— Я всегда в порядке! — не поднимая головы, ответила она, — Если бы еще не такие, как вы, окончательно и абсолютно была бы счастлива. И не трогайте меня!

Весь ее нескладный облик, скромная юбка, дешёвенькая кофточка, причёска, как у мальчика подростка, отнюдь не производили впечатления «абсолютно счастливой». Майк впервые за долгие годы вдруг почувство-

вал в груди щемящее чувство неловкости, стыда и еще что-то непривычное и тревожащее.

— Все дело в моей машине, — забормотал он, — Я ее купил совсем недавно и еще не окончательно освоился...

— Ваша машина вне-до-рож-ник! Господибогмой! — вдруг резко вскинув лицо, по складам жестко отчеканила девушка. — Вне-е! Там, где нет дорог! А вы носитесь на них по улицам и проспектам и давите всех, у кого нет машин! «Шире грязь, навоз ползет!».

Все это девушка выпалила с таким праведным гневом в очах, что Майк опешил. Вот уж не думал, что лично он вызывает такой поток отрицательных эмоций.

«Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!

Колокольчик поет...» — старательно выводила рулады бомжиха.

— Простите! Может, это... Вас подвезти? — спросил Майк.

— Зачем еще!? Нет уж! Как-нибудь сама.

— Но я хочу, типа... компенсировать...

— «Типа-а!», «В натуре-е!» — передразнила девушка, — Пошел вон!

— Извините, простите! Вообще-то, я никуда не спешу. Могу...

— Вы совсем тупой? Господибогмой! Слово «Нет!», означает «Нет!».

— Я не тупой! — обиделся Майк, — Почему вы отказываетесь? Я не маньяк и не насильник. Всего-навсего.... Можем заехать в травмпункт. Кстати, как вас зовут?

— Давайте договоримся сразу!

Этой фразой «Давайте договоримся сразу!» Кристина начинала любое общение с окружающими. Хотя, откровенно говоря, ни с одним субъектом в этом мире ни о чем «договориться» по-настоящему ей не удавалось.

— Мы живем в разных измерениях! — тоном строгой учительницы начальных классов продолжала Кристина, — Каждому свое. Буду чрезвычайно признательна, если вы и вам подобные, хотя бы изредка сообразовываете останавливаться на красный свет. В таком случае я смогу спокойно перейти улицу. И оставьте меня, любезный, в покое!

Все это Кристина выпалила прямо в лицо этому сытому самодовольному типу. И с чувством выполненного долга резко повернулась к нему спиной. Не оборачиваясь, она перешла узкую улочку, ступила на тротуар и направилась в сторону Садового кольца.

«ДТП — не повод для знакомства!» — мелькнуло в голове Майка.

«Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!

Колокольчик поет...» — доносилось с тротуара.

Майк решительно рванул вслед за девушкой, через секунду нагнал, остановился на ее пути и обаятельно улыбнувшись, раскинув руки в стороны, загородил дорогу. Майк тут же пустил в ход на полную катушку свое испытанное оружие. Очень заело, что эта юная особа никак не реагирует на его неотразимое обаяние.

Девушка, молча, стояла перед ним.

Майк Кустофф, разумеется, не избегал девушек. Наоборот. С ними отношения всегда развивались по отработанной схеме. По сценариям, написанным лихими

парнями где-то в Голливуде. Точнее, по одному единственному сценарию, в который были втиснуты все реплики, жесты и поступки из множества других сценариев, похожих один на другой, как две пачки сигарет. Девиц, с которыми Майк общался в последние годы, это устраивало. Они назубок знали свои роли, поскольку с детства смотрели только американские фильмы по подобным сценариям. Знали как себя вести в стандартных ситуациях. Как улыбаться, как отвечать, как молчать, как задавать вопросы. И никогда не выбивались из схемы.

С этой юной особой с самого начала все пошло как-то... враскосец. Она не соблюдала никаких правил, никаких мизансцен. Может, просто не смотрела американских фильмов? И не знала, как следует себя вести. Как отвечать, как улыбаться, как конфликтовать.

В свои тридцать лет Майк относился к инвалидам с легкой брезгливостью. Понимал, это нехорошо, не похристиански, надо испытывать сострадание, милосердие и все такое. Но ничего не мог с собой поделать. Разумеется, никогда не высказывал это вслух, но преодолеть это поганое чувство в себе не мог. А эта юная особа...

Лицом девушка менее всего походила на инвалидку. В ее больших выразительных глазищах не было и тени ущербности. Скорее наоборот. Какое-то снисходительное сочувствие к окружающим. С таким, слегка ироничным пониманием взрослые умудренные наставницы смотрят на неразумных воспитанников.

Просто какая-то «Неизвестная» Крамского. Собственной персоной. Гордо вскинутая голова, прямая спина. Если бы не легкая хромата, красotka, одно слово.

Слегка прибарахлить, подкрасить, подмазать, мужики табунами будут бегать.

С первой же секунды это стало Майка дико раздражать. Он и сам не понимал, почему? Не успев, как следует подумать, пошел в наступление. По привычке. Обаятельно улыбнулся и, заговорщически понизив голос, спросил:

— Послушайте! Как вас зовут?

Она вздрогнула и резко вскинулась. В ее глазах пульсировало неподдельное изумление.

— Что-о!?

— Как вас зовут? — неотразимо улыбаясь, повторил Майк.

— Господибогмой! Зачем это вам? — еще больше изумилась девушка.

— Ну...Как-то, вроде, якобы, так принято. Когда люди между собой, типа, общаются...

— Кристина! — машинально ответила она. Но, спохватившись, тут же добавила, — И забудьте навеки мое имя!

Она еще раз одернула юбку, поправила волосы, переложила в другую руку помятый полиэтиленовый пакет и, сильно выдохнув, заявила:

— Вы никогда более не увидите моего лица!

«Вона-а... как!» — пронеслось в голове Майка.

Девушка разговаривала каким-то вычурным образом. Так выражались выпускницы Смольного института исключительно в романах девятнадцатого века. В представлении Майка, разумеется. Поскольку романов девятнадцатого века он не читал.

— «Никогда не говори – никогда!» — автоматически брякнул Майк.

— Что-о!?

— Фильм такой был. Американский. Не видели?

— Не хожу в кино. И не стойте, пожалуйста, на моем пути истуканом!

Самое неприятное для Кристины заключалось в том, что этот наглый самодовольный тип был чем-то неуловимо похож на великого Карла Брюллова. Не до конца, конечно, отдаленно, но все-таки! Бывают же такие нелепые игры судьбы!

«Господибогмой! Просто возмутительно! Какая-то дикая пародия! Наверняка этот тип даже не догадывается об этом!» — мысленно негодовала она.

Кристина обошла Майка как столб, неожиданно возникший на ее пути, и, не оборачиваясь, поспешила в сторону Самотечной эстакады.

Майк стоял на тротуаре и смотрел ей вслед.

— Зря вы обидели свою жену! — неожиданно услышал он за спиной.

Майк вздрогнул и резко повернулся. Перед ним стояла старуха с мешками через плечо и, улыбаясь беззубым ртом, сверлила его абсолютно безумными белесыми глазами. Майку впервые за долгие годы стало не по себе. Он даже передернул плечами.

«Жену-у!?» — вихрем пронеслось у него в голове.

— Она достойна лучшего мужчины! — верещала она.

«Какого черта!? С какого перепуга старая ведьма решила, что эта прихрамывающая невзрачная девчонка, уходящая вдаль переулка, моя жена?».

Майк еще долго стоял на тротуаре в оцепенении. То смотрел вслед девушке, то переводил взгляд на бомжиху. Тогда он так и не понял, что именно случилось.

А случилось то, что перевернуло всю его жизнь.

Он стоял и смотрел. Девушка быстро уходила все дальше. Но Майку казалось, она движется как в рапиде, как в замедленной съемке. Потом она скрылась за углом переулка.

И вдруг... внезапно по его спине волной пробежали мурашки. Почему-то вспомнилась одна из последних поездок на природу в вологодскую область. От Вологды до Светлогорска надо было добираться по воде «Ракетой». Потом до заброшенных деревень на попутках.

На причале случилось неприятное происшествие. На выходе из «Ракеты» Майк оказался первым из пассажиров. Он поставил сумку на палубе к ноге, закинул за спину этюдник и начал вглядываться в серые невзрачные дома на берегу. Вахтенный матрос как-то неудачно кидал канат. Только с третьего раза попал петлей на причальную тумбу. Потом долго, как бы, нехотя тянул сквозь круглое отверстие в борту «Ракеты» канат на себя.

Майк решил не дожидаться конца этой сложнейшей операции и шагнул одной ногой на доски причала. Другой ногой остался стоять на самом краю борта катера. В тот момент, когда он потянулся рукой за сумкой, узкая темная полоса между катером и причалом внезапно начала увеличиваться.

Майк не среагировал, упустил всего какую-то долю секунды, не успел шагнуть второй ногой на причал. Так

и остался стоять враскоряку. Одной ногой на причале, другой на краю борта катера. Черная полоса холодной воды внизу между ногами медленно и неотвратно увеличивалась. Майк бестолково топтался, перебирал ногами, не решаясь двинуться ни туда, ни сюда. По его спине волнами забегали мурашки.

— Мать твою!!!

Вахтенный матрос одной рукой за шкирку, как нашкодившего кота, втащил Майка обратно на катер. Перед Майком заколыхалось красное, как у мясника разъяренное лицо. Пахнуло крепким перегаром.

— Больше всех надо, да!? Сидеть за тебя я буду, да!? Москвичи-и... мать вашу!

Потом Майк долго стоял в узком коридоре «Ракеты» и никак не мог перевести дыхание. Бесконечно одергивал куртку, приглаживал волосы. Только в эти минуты до конца осознал, из-за своей глупой поспешности он был на волосок от гибели.

Сейчас на него почему-то опять неотвратно навалилось ощущение беспомощности, которое он испытал в Светлогорске, когда одной ногой стоял на палубе катера, другой на причале и расстояние между ними внезапно начало увеличиваться. А внизу угрожающе темнела полоса черной воды.

— Эта девушка достойна лучшей жизни!

Майк вздрогнул. На него вопросительно смотрела все та же безумная особа.

Каких только личностей не шляется нынче по вокзалам, проспектам и бульварам многомиллионного мегаполиса. С Востока и Юга, из ближнего зарубежья и далеких континентов. Бегут люди, бегут. И цель у всех и

каждого одна единственная – выжить. Не сладко им там, у родных очагов.

Майк всегда сочувствовал бомжам. «От сумы и от тюрьмы...», всем известно. Подавал нищим и «мадоннам» с явно чужими краденными детьми на руках. И одноногим, якобы, только-только из очередной горячей точки. Понимал, его дурят, но ничего не мог с собой поделать. Конечно, он не Соррес, не Билл Гейц, подавал немного, копейки, мелочь, но никогда не проходил мимо.

Майк достал из кармана брюк всю мелочь, что была, сунул ее в руки бомжихе и, не оглядываясь, направился к джипу.

С этого мгновения почти каждую ночь Майку в его сюрреалистических снах постоянно являлась эта девушка с глазами, словно два бесконечных тоннеля. Как наваждение, как укор, как призыв к чему-то. К чему именно призыв Майк не понимал. Ни тогда, ни после.

Кристина знала о Брюллове все. Все стены ее однокомнатной квартиры были увешаны репродукциями с его картин. И его портретами разных размеров. В рамках и без оных. В книжном шкафу на самом почетном месте красовались три коллекционных альбома. Она вполне могла бы читать лекции или водить экскурсии школьников по залам Третьяковки. Она знала о Карле Брюллове даже то, чего не знал никто.

Знала тайну создания полотна «Гибель Помпеи».

Каждый вечер, как только за окнами сгущались сумерки, она включала старенький проигрыватель, оставшийся от мамы, и ставила на иглу одну из пластинок

Шарля Азнавура. И на нее тут же накатывало необычайное состояние. Руки и ноги начинало покалывать, будто мелкими иголками. Сердце билось гулко, размеренно и четко, как метроном. Она опускалась в кресло, рядом с тумбочкой, на которой стоял проигрыватель, закрывала глаза и перед ее мысленным взором возникали чередой, одна за другой, ясные и четкие картины.

— Господибогмой! — беззвучно шептали ее губы.

Каждый вечер она будто смотрела некий многосерийный фильм. В ее восприятии провалов никогда не было. Вечером следующего дня она видела очередной эпизод, следующую сцену, буквально с того места, на котором прервалась вчера.

Никто не был посвящен в эту тайну Кристины. Никто даже не догадывался.

Если бы она хоть кому-то рассказала, если бы поделилась своей тайной...

Если бы, если бы...

2

...Извержение Везувия было назначено на последнюю пятницу восьмого месяца. Конкретное число знал только один человек в Помпеях. Он сам его и назначил. Вернее, вычислил. После долгих наблюдений и кропотливых расчетов, астролог и городской сумасшедший Деций пришел к неутешительному выводу. Любимому городу осталось процветать всего ничего. Каких-то полтора месяца.

Более всего старика Деция поражало и даже чудовищно раздражало, поведение самих горожан. Никто из

них и внимания не обращал на то, что земля под ногами периодически трясется мелкой дрожью и гудит, как расстроенный улей. Хотя, чему удивляться. В Помпеях увидеть на улице трезвого человека такая же редкость, как встретить пингвина в полдень посреди пустыни Сахара. Курортный городок на берегу лазурно-бирюзового залива был центром виноделия. Своим знаменитым «помпейским» славился по всему Средиземноморью. И даже далеко за его пределами.

В Помпеях пили все, начиная с крохотных младенцев и кончая дремучими старцами. Пили рыбаки, перед выходом в лазурный залив и после возвращения на берег. Пили торговцы, разложившие свои товары прямо на берегу и вдоль всех центральных улиц города. Пили рабы и их надсмотрщики, знатные дамы и служанки, гладиаторы и зрители... Пили даже домашние животные, собаки, кошки, петухи, индюки. Стоило любой нерадивой хозяйке чуть зазеваться, как какой-нибудь кувшин с вином, которых повсюду в изобилии, опрокидывался, и вся свора домашних четвероногих и пернатых бросалась утолять жажду.

В любом дворе можно было увидеть умильную картинку. Расположившись где-нибудь в тени раскидистого дерева, молодая мамаша, кормит орущего младенца отнюдь не грудью, она меланхолично вливает ему в рот малыми дозами «помпейское» из миниатюрного кувшинчика. Налакавшись, тот, естественно, успокаивался.

Самое поразительное, дети росли здоровыми, веселыми и почти никогда не болели. О стариках и говорить нечего. Они доживали до глубочайшей старости,

сохраняя, ясность ума и веселость нрава, коим отличались все жители Помпей.

Хотя, исключения все же были. Астролог Деций был по всеобщему признанию человеком мрачного мироощущения. Вечно ему мерещились катаклизмы, катастрофы и прочие напасти. Жители Помпей его слегка недолюбливали и старались избегать общения с ним. Многие даже, увидев его на улице, заблаговременно переходили на другую сторону. Или попросту сворачивали в ближайший переулок.

Астролог Деций был небольшого роста. Со спины вполне мог сойти за щуплого подростка. В толпе, только обогнав его и оглянувшись, увидев седую бороду и густые, нависшие над горящими глазами брови, прохожий понимал, перед ним глубокий старик. Лет пятидесяти пяти, никак не менее.

Недостаток роста природа сполна компенсировала ему задиристым характером и взрывным темпераментом. Деций постоянно ввязывался во всевозможные склоки, скандалы и частенько ходил с внушительным синяком под каким-нибудь глазом.

Но напрасно лохматый старик, сделав своё открытие, пытался вразумить бестолковых жителей Помпей. Втолковывал каждому встречному и поперечному: мол, надвигается страшное землетрясение и извержение, какого еще мир не видывал. Мол, погибнут все, кто не успеет во время покинуть город и его окрестности.

Деция никто не слушал. Горожане пили, пели и веселились, кто во что горазд. Им было глубоко наплевать, о чем там бормочет лохматый старик с горящими глазами.

— Бараны равнодушные!

— Пустоголовые ослы!

Такими эпитетами, а порой и похлеще, награждал астролог Деций жителей Помпей. Правда, некоторые относились к нему с пониманием.

— Ну, выпил старик лишнего! Со всяким бывает.

На второй день после своего открытия Деций решил действовать более продуктивно и целенаправленно. На центральной площади Помпей располагался храм Зевса. Самое внушительное и монументальное здание города. Его стены горожане издавна использовали как доску объявлений.

Чего тут только не было...

«Продается коза дойная. Зовут Профурсета. Молока дает, сколько хочешь. Обращаться в имение Тория, налево за мостом».

«Виргула! Ты разбила мне сердце! Я имею полное право расквасить тебе нос и переломать все ребра! Готовься!».

«Кто проголосует против нашего правителя Полибия, у того вырастут ослиные уши!».

«У тебя уже выросли!».

Деций выбрал самое видное место на стене храма и начертал самыми крупными буквами, насколько позволяла длина рук.

«До извержения Везувия осталось 42 дня! Жители Помпей! Спасайся, кто может! Покидайте город!.. Деций».

Но уже на следующее утро какой-то шутник приписал впереди цифру «9». Получилось, «...осталось 942 дня!».

Увидев приписку, Деций впал в глубокое уныние и назначил себе внеочередной «рыбный день».

Будучи вдовцом, Деций устраивал себе «рыбный день» раз в месяц. В рыбацком районе города выбирал самую крупную девицу, (чтоб была на полторы головы выше его, не меньше!), и заваливался в ближайший кабачок. Там, среди рыбаков, старых гладиаторов, беглых рабов и торговцев, он чувствовал себя, как рыба в воде. Завсегдатаи знали, лучше не заглядываться на очередную подругу Деция, можно схлопотать кувшином по голове.

«Рыбный день» довольно часто заканчивался скандалом или дракой. Крепко выпив, Деций начинал пророчествовать. Ему никто не верил. Поначалу Деций раздражался на человеческую тупость. Потом гневался. Под конец вечера обычно впадал в откровенную ярость. Бросался с кулаками на собеседников.

В тот вечер Деций сидел в углу кабачка тише воды, ниже травы. Напряженно морщил лоб и тяжело вздыхал. Очередная подруга никак не могла растормошить его. Деций отмахивался от нее, как от надоедливой мухи и лицо его выражало титаническую работу ума.

До извержения Везувия оставался сорок один день.

Правитель Помпей не принял астролога. Весь следующий день лохматый старик провел в приемной. Ему было объявлено, Гай Юлий Полибий работает с документами. Но Деций не привык отступать и решил ждать до последнего. Уселся прямо на пол в центре на шикарный ковер и весь день всем своим видом демонстрировал, он не собирается никуда уходить. Пусть его хоть на куски режут.

Вокруг сновали слуги, шастали какие-то девицы, все бросали на Деция удивленные взгляды и презрительно пожимали плечами.

Только ближе к вечеру, когда на город уже опустились сумерки, правитель Помпей соблаговолил принять астролога.

Как и предполагал Деций, «документами» оказались сразу три полуголые девицы. Из тех, что вечно отираются возле казарм гладиаторов на окраине города.

Полибий не был назначенцем из Рима. Его выбрали жители Помпей открытым голосованием, как «своего гражданина». Гай Юлий Полибий оправдывал высокое доверие в полном объеме. Как он при этом умудрялся еще и городом руководить, оставалось только удивляться.

— Мы про тебя совсем забыли! — радостно сообщил Полибий, едва лохматый старик возник на пороге.

Правитель Помпей возлежал на широком ложе, в окружении девиц и кувшинов с вином. Лицо его и раньше не отличалось особой бледностью, теперь же вполне могло соперничать с багровым закатом.

— У меня две новости. Хорошая и плохая, — откашлявшись, сказал Деций, — С какой начать?

— Переходи сразу к третьей, — ответил Полибий. И громко захохотал. Ему всегда нравились собственные шутки.

Полуголые девицы в три голоса поддержали своего обожателя.

Деций молчал. Исподлобья смотрел на правителя обреченного города, стараясь всем своим видом вну-

шить ему всю серьезность положения. Или хотя бы для начала, заставить того перестать хохотать.

Наконец Полибий перестал смеяться. Глубоко вздохнул и даже попытался нахмуриться, но с лица его не сходила глупая ухмылка.

— Ладно, давай. Что там у тебя?

Деций решил не откладывать дела в долгий ящик.

— Скоро будет сильнейшее землетрясение. Эпицентр находится как раз в центре нашего города.

Полибий несколько мгновений помолчал, пожевал губами.

— А какая хорошая? — равнодушно спросил он.

— Это и есть, хорошая! — начал тихо звереть Деций. — По окончании землетрясения начнется извержения Везувия. Город погибнет. Потоки раскаленной лавы зальют улицы, град огромных камней будет сыпаться на крыши домов, на головы жителей, вспыхнут пожары... С небес польются потоки воды, поскольку разразится гроза...

— И гроза затушит пожары... — неожиданно подхватил Полибий.

Увлечшись рассказом, Деций только сейчас заметил, что правитель Помпей откровенно насмехается над ним. И не верит ни единому слову. Насмешек над собой, как и всякий человек невысокого роста, Деций не переносил ни в каких формах и проявлениях. Оскорбившись, он мог наговорить любому, даже самому высокому начальству, много такого, о чем потом сожалел, но ничего не мог поделать со своим взрывным характером и неистовым темпераментом. Но на сей раз он почему-то, стиснув зубы, сдержался.

— Деций сделал свое дело, Деций может уйти! — мрачно произнес он и направился к двери. — Мой долг предупредить.

— Катись! — поморщившись, бросил ему вслед Полибий.

Не успел астролог покинуть шикарный дворец, как услышал у себя за спиной новый взрыв хохота. И голос Полибия.

— Слуги! Подайте ему осла! — не унимался правитель Помпей. — Ты достоин чести проехать через весь город на осле! — хохотал Полибий, появившись в окружении девиц на ступеньках дворца.

— Передай ослу свою должность, — сдерживаясь из последних сил, ответил Деций. — От него будет больше пользы.

Деций продолжал спускаться по ступенькам дворца, но его опять окликнул Полибий:

— Эй! Деций! А какая из новостей хорошая? — хохотал на ступенях своего дворца правитель. — Землетрясение или извержение? Я так и не понял!

— Землетрясение, пустая твоя башка! — рассвирепел Деций. — При землетрясении еще можно спастись, убежать...

Гай Юлий Полибий продолжал хохотать на ступеньках своего дворца. Схватившись за живот обеими руками, он постанывал, икал и раскачивался из стороны в сторону, чуть не падая на колени. Визгливые девицы поддерживали его под руки.

— А по мне... ха-ха... Что в лоб, что по лбу-у!!!

— Тебе на башку упадет самый крупный камень! — пообещал Деций и, не оглядываясь, скрылся в сумерках.

Сквозь ветки лавра и густые заросли терновника, перекрывая оглушительный стрекот цикад, до него еще долго доносился залиvistый смех правителя Помпей.

Всю ночь астролог не смыкал глаз. Бесцельно бродил по городу, будто прощался с ним.

Под утро он сидел на берегу лазурно-бирюзового залива, тяжело вздыхал, со злостью швырял в воду камешки и мысленно вяло переругивался со всеми Богами сразу...

...Спустя 1800 лет приблизительно на том же месте у моря сидел русский художник Карл Брюллов. Тоже швырял со злостью в воду камешки и смотрел на расходящиеся круги.

«Тридцать лет! И ничего для бессмертия!». Уже который день вертелась у него в голове эта пустая напыщенная фраза. Карл даже неоднократно встряхивал головой, но вытрясти оттуда эту риторическую бессмыслицу не мог.

Художник находился в глубоком творческом кризисе.

Карл Брюллов уже несколько лет проживал в Италии. Лучший ученик петербургской Академии художеств, в силу каких-то унылых интриг в ректорате, на стажировку был направлен лишь на скудные средства Общества поощрения художников.

Еще несколько лет назад он выставил для отчета «Нарцисса». И все поголовно в Академии, без тени иро-

нии, начали величать его, ни много, ни мало, Великий Карл. Его мощный талант признавали все, и однокурсники, и профессура.

В Риме же Великий Карл влачил довольно жалкое существование. Если б не старший брат Александр, который постоянно помогал ему материально, Карл от постоянных недоеданий подхватил бы какую-нибудь серьезную внутреннюю болезнь.

За два года Карл успел написать и отправить в Петербург две поистине незаурядные картины. «Итальянское утро» и «Полдень». И еще целую кучу набросков, эскизов, копий с полотен итальянских мастеров. Но Обществу поощрения все было мало...

Оглушительный успех «Итальянского утра» и «Полдня» ничуть не менял положение вещей. И Карл начал выдыхаться, терять перспективу, впадать в уныние. И тут явилась Она...

Выручила Карла, как уже бывало неоднократно, графиня Юлия Самойлова. Первая петербургская красавица объявилась в Риме, как снег на голову и мигом вывела из оцепенения.

— Господибогмой, Карл! Вы опять в меланхолии! — вскричала Юлия, едва переступила порог его убогой комнатенки. Эти слова она всегда произносила слитно, на едином дыхании, вкладывая в них все восклицания, какие только знала. Даже во французский и итальянский, которыми владела свободно, она тоже умудрялась вставлять свое, ставшее знаменитым уже по всей Европе, «Господибогмой»!

Во-первых, Юлия категорически объявила, что «окончательно» порвала с мужем. Хотя Карл по опыту

знал, в понимании графини Юлии «окончательно», еще не значит «бесповоротно». Она уже неоднократно порывала с мужем. Их бурные семейные сцены были предметом обсуждения всего Петербурга.

Во-вторых, графиня заплатила все долги художника и даже перевезла вещи Карла в более приличную, чистую и светлую квартиру. С прекрасным видом из окна.

В-третьих, объявила, они завтра уезжают в Неаполь. Карлу просто необходимо подышать морским воздухом. И еще необходимее увидеть развалины Помпей.

У нее есть одна «идея»...

Тут графиня Юлия многозначительно улыбнулась. Карл еще больше помрачнел. За долгие годы их отношений он убедился, все «идеи» графини приносили одни только расходы и неприятности. Впрочем, расходы Юлия всегда брала на себя. Неприятности доставались Карлу. Такое сложилось у них распределение обязанностей.

И еще Карл знал, если Юлия что-либо решила, спорить с ней совершенно бесполезно. Еще кто-то из великих сказал:

— Спорить с красивой женщиной, совсем уж... уродом быть!

Уродом Карл не был. Напротив. Большинство считали его красавцем. Стройный, с гривой белокурых вьющихся волос и темными, пронизательными глазами, он производил неизгладимое впечатление. Женщины сходили от него с ума. Графиня Юлия была ему под стать.

Темноволосая, темноглазая богиня, которой надоело стоять на своем мраморном пьедестале. Вот она и соскочила с него.

Великий Карл и Прекрасная Юлия были ошеломительной парой. Ими любовались, им завидовали, пересказывали фразы, вскользь брошенные каждым из них.

Их представили друг другу на балу у графини Разумовской в Петербурге. Любовь, как молния, вспыхнула мгновенно, едва они взглянули в глаза друг другу. Юлия протянула ему руку, Карл осторожно взял ее, да так и не смог выпустить.

Вокруг дефилировали пары, кто-то подходил к ним, задавал какие-то вопросы, исчезал... Карл и Юлия стояли посреди залы и смотрели друг другу в глаза. Окружающим было совершенно очевидно. Они ничего не слышат и никого вокруг не видят.

Звучала музыка, вокруг уже танцевали пары... они все стояли посреди залы и с какой-то настороженностью и удивлением рассматривали друг друга. Порой по их лицам одновременно пробегала странная улыбка. Безусловно, они уже встречались раньше. И не раз.

Но в другой жизни.

Теперь они сидели в небольшом летнем кафе в Риме на Монте-Квиринале, что возле папского дворца.

Карл хмурился и даже не притрагивался к чашке кофе, которая стояла перед ним. Графиня Юлия, напротив, была весела, и все окружающее бесконечно радовало ее.

— Вы слышали, как погибли Помпеи? — неожиданно спросила графиня.

— Так, краем уха...

Как каждая женщина, Юлия иногда задавала чудовищно наивные вопросы. Слышал ли он? С раннего детства деспотичный отец вдавливал ему в голову Древнюю историю. Вместо сказок на ночь, полуграмотная няня читала маленькому Карлу легенды и мифы Древнего мира, сама порой, восхищаясь и ужасаясь прочитанному.

Уже потом, в Академии художеств, куда маленького Карла как особо одаренного отдали учиться в десять лет, приобщение к древности продолжилось в полном объеме. Карл свободно мог бы читать лекции на эту тему.

— Вы должны написать «Гибель города Помпеи»! Я так хочу!

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!» — промелькнуло в голове Карла, но он только пожал плечами.

— Сделайте это для меня. И для человечества! — невозмутимым тоном сказала она.

Прекрасная Юлия мыслила исключительно глобальными категориями. Карл хотел было в очередной раз что-то съязвить насчет своей исключительности и благодарного человечества, но промолчал.

Прекрасная Юлия без всякого преувеличения считала его гением. И постоянно везде открыто объявляла об этом. Чтоб стать злейшим врагом Юлии, достаточно было в любом из салонов Петербурга что-либо сказать небрежное о живописи Карла. Охотников находилось мало. Ее беспощадного, острого языка опасался даже сам Государь.

Карл, напротив, относился к своей «гениальности» довольно прохладно. Не упускал случая иронизировать

над самим собой. Что еще более привлекало к нему женщин и дружески располагало мужчин.

— Я увожу вас в Неаполь! — завершила беседу Юлия.

Поскольку, как уже сказано, спорить с Прекрасной Юлией было совершенно бесполезно, Карл вздохнул и, молча, кивнул головой.

И вот теперь он сидел на берегу лазурно-бирюзового залива, со злостью швырял в воду камешки, смотрел на расходящиеся по воде круги и чувствовал себя совершенно опустошенным, никчемным и несостоятельным художником.

Посещение развалин Помпей ничуть не вдохновило его.

В тот же день вечером Карл и Юлия сидели на маленьком диванчике в уютном гостиничном номере. Вокруг горели свечи.

Прекрасная Юлия, зачем-то оглянувшись по сторонам, показала художнику маленький медальон и прошептала:

— Загадайте желание. Непременно исполнится.

Большой алый камень, величиной с голубиное яйцо, был вставлен в изящную оправу. Графиня часто носила его на шее.

По абсолютному убеждению Юлии, камень принадлежал когда-то китайскому императору и обладал исключительными свойствами. Мог исполнять любые желания. Во всем мире таких было всего-то штук пять-шесть. Не больше.

Графиня всерьез верила во всю эту мистическую чепуху, постоянно участвовала в спиритических сеансах

и возила с собой по всей Европе кучу всяческих амулетов.

Совсем недавно на одном из таких мистических сеансов, который проводил в Петербурге всемирно-известный гипнотизер и шарлатан по имени Круиз, графиня Юлия, загадала желание увидеть Помпеи за несколько дней до извержения. Гипнотизер выставил на стол стеклянный шар, испускающий странный бледный мерцающий свет. И попросил всех присутствующих сосредоточиться.

Юлия совершенно явственно увидела в светящемся стеклянном шаре лицо лохматого старика, который стоял посреди какой-то площади, полной спешащего по делам народа и, потрясая в воздухе кулаками, гневно восклицал:

- Бараны равнодушные!
- Пустоголовые ослы!
- Спасайся, кто может!

Но его явно никто не слушал. Изображение было не очень четким, разглядеть детали графиня Юлия не сумела, но гневный лохматый старик заполнился надолго...

Теперь графиня решила приобщить любимого Карла к своему видению, для того и понадобился алый камень.

— Господибогмой, Карл! Давайте же... загадывайте!

Она сняла с шеи цепочку с медальоном и слегка придвинулась к Карлу. Лицо ее было совсем близко.

Карл почему-то подумал; «Побывать в Помпеях» и нацелился на губы Юлии. Они были явно привлекательнее любого алого камня. Со всех точек зрения.

Прекрасная Юлия строго нахмурилась.

— Камень! Камень! Три раза!

И Карл слегка коснулся губами алого камня. Три раза.

Остаток вечера они провели в бесконечных разговорах.

Еще не проснувшись, на зыбкой грани сна и бодрствования, Карл почувствовал какой-то странный запах. Пахло чем-то... чем-то вроде серы. Художник довольно часто в своих фантастических снах видел не только яркие краски, но и ощущал запахи. Правда, чаще всего на утро, ничего не помнил.

Не открывая глаз, Карл пробормотал:

— Юлия! Чем так противно пахнет?

И в ту же секунду получил оглушительную затрепщину!

3

Центр детского творчества «Логос» в двадцати минутах езды от метро «Савеловская». И всего в двух минутах ходьбы от автобусной остановки. Двухэтажное здание, когда-то бывшее детским садом, скрыто от посторонних глаз сплошной зеленью кустов и раскидистых лип. До заключительного в этом сезоне представления «Здравствуй, лето!» осталось всего три дня. А у Кристины дел не перечесть.

Еще на остановке Кристина нацепила на нос очки. С простыми стеклами. Для строгости и солидности. Специально заказала в магазине «Очки для Вас».

Как только она вошла в вестибюль подскочила Машенька Лукьянова, самая маленькая в группе. Неделю назад впервые в жизни Машеньку вывезли на дачу. Судя по искрящимся глазам, окружающая природа вогнала ее в шок.

— КрисИванна! Я стиш написала! Сама!

— Читай! — распорядилась Кристина. В общении с малышами, она всегда принимала решения мгновенно.

Прикрыв глаза, и слегка покачиваясь, как заправская поэтесса, Машенька начала.

— Стиш! — громко уточнила она. И опять прикрыв глаза, продолжила:

— Вот однажды Жук летел

И на розочку присел.

А на розе мудрый Жук,

Да еще один Паук.

Посидел, послушал он,

Как боролся Жук с Котом.

Вдруг увидел под кустом

Кошку с рыженьким хвостом.

Жук почти уже взлетел,

Но от страха весь вспотел.... Все!

И Машенька раскинула руки в стороны. Как эстрадная певица в конце выступления.

— Замечательное стихотворение! — мгновенно отреагировала Кристина.

— Правда?

— Замечательное. Передай бабушке, пусть запишет его на бумаге. Осенью отнесу его в какой-нибудь журнал. В «Мурзилку» или в «Веселые картинки».

Городская Машенька впервые в жизни провела несколько дней совсем в другом мире. Зеленом, до жути интересном. Незнакомый бесконечный зеленый мир напоял сразил девочку. Естественно, вспотевшие жуки и сражающиеся с котами пауки сами собой поперли из юной поэтической души.

— КрисИванна! Я еще другое наизусть выучила! Они не хотят, чтоб я читала, смеются, дураки. А я целый день учила. Почему им можно, мне фиг с маслом. Я что, хуже? Мама говорит, замечательное стихотворение. Мне тоже лучше всех нравится. Я тоже хочу!

— Какое стихотворение? Кто автор? — спросила Кристина.

В общении с малышами Кристина придерживалась самых строгих правил. Никому не давала поблажек. С этим неуправляемым племенем надо ухо держать востро, мигом сядут на шею. Переступая порог центра, Кристина застегивалась на все пуговицы, и на лицо надевала маску строгой недоступности. Но дети безошибочно чувствовали ее добрую душу и не обращали никакого внимания на ее строгости и запреты.

— Автор этот.... Ну, который... забыла фамилию! Мама говорит, очень замечательное стихотворение. Можно?

— Читай! — распорядилась Кристина.

Машенька опять закатила глаза к потолку и, скороговоркой, затараторила:

— «Гололедица, гололедица!

И не идетя, и не едятся,
Но зато отлично падается!
Почему народ не радуется?»

Кристина нарочито глубоко вздохнула, посмотрела на часы.

Девчушка замолчала, выпучила на Кристину свои и без того огромные темные глазищи. В них пульсировала целая гамма чувств. Затаенный восторг от свершившейся победы над своей застенчивостью, ощущение надвигающегося публичного выступления, бесконечная радость в связи с этим и затаенный страх перед возможным отказом. Все в одном флаконе.

— Машенька! Давай договоримся сразу! Сейчас июнь. Начало лета! — строго сказала Кристина.

— Нельзя!? — испуганно прошептала Машенька.

— Можно. Даже нужно. Ты обязательно прочитаешь это замечательное стихотворение. Но не в этот раз.

— Почему нельзя!?

— Машенька! Ты уже взрослая умная девочка. Стихотворение не совсем по теме.

— Всегда так. Им можно, мне никогда!

— Поговорим после занятий!

Кристине предстоял очередной вызов на ковер к начальнице.

Посещая высокий кабинет, Кристина нацепляла на лицо маску нейтральной доброжелательности. Хотя внутри у нее все бурлило и кипело. И само собой возникло конкретное и вполне четкое желание. Схватить со стола самый увесистый том К.Маркса и изо всей силы треснуть им по башке начальницу Ларису Васильевну.

Та это чувствовала, и допросы ее становились все изощреннее, вызовы на ковер все чаще.

Том К.Маркса явно тосковал в бездействии.

— Нам необходимо найти консенсус!

Сурово глядя поверх очков, заявила Лариса Васильевна, едва Кристина переступила порог ее кабинета. При этом Васильевна стала до чертиков похожа на супругу вождя мирового пролетариата Надежду, свет, Константиновну Крупскую. В свое время Лариса на дух не приняла перестройку с ее гласностью. Последовавший затем либерализм с демократией, тем паче, люто возненавидела.

Суть конфликтности Ларисы с внешним миром заключалась, скажем так, в закоренелости ее сознания. Воспитанная райкомами и горкомами, резолюциями и постановлениями, приказами и установками сверху, выйдя на пенсию, не найдя своему могучему общественному темпераменту достойного применения, Лариса возглавила «Центр детского творчества». Коммунисты, как известно, погибают, но не сдаются.

Лариса, свет, Васильевна набрала себе группу из особо неблагополучных детей, личным волевым решением повязала на немые шеи красные галстуки. И принялась вколачивать в их пустые головы идеалы светлого коммунистического завтра.

Короче, линейки, горны, барабаны, стихи о детстве вождя, звонкие песни про отряд, который «шел по берегу, шел издалека. Шел под красным знаменем командир полка».

Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих!

Как ни странно, поколению «Пепси», уже нюхнувшему клея «Момент» и хлебнувшему пива «Клинское» и не только его, все это до чертиков понравилось. Бомжующих при живых родителях детей в этом возрасте можно повернуть в любую сторону. Красные галстуки орда Ларисы не снимала, даже сшибая мелочь возле метро у прохожих после занятий.

Амбициозная Лариса мечтала пригласить на одну из линеек самого Зюганова. А там и до посещения Мавзолея рукой подать. Чем черт не шутит.

Таковой вкратце была группа отроков Ларисы, свет, Васильевны.

Кристина мечтала найти богатого спонсора, который купил бы всей ее ватаге билеты в Большой театр. Само собой, на «Щелкунчика». Или, в крайнем случае, на «Конька-Горбунка». Малолетки, под ее чутким руководством, приобщались исключительно к образцам высокого искусства. Сказки Андерсена под музыку Моцарта, Шуберта. Мазурки, «Сударыня! Позвольте вашу ручку!», полонезы и все такое.

Естественно, отроки постоянно перебегали из группы в группу. Любознательность у них в крови в этом возрасте. Кристина относилась к исчезновению «своих» и появлению в ее группе «чужих», спокойно. Как взрослая мудрая женщина. Лариса же, свет, Васильевна тихо зверела. И постоянно вызывала Кристину на ковер. Для разборок.

— Нам необходимо найти консенсус!

Кристина вошла в кабинет, прикрыла за собой дверь, но садиться к столу не стала. Осталась стоять, ру-

ки за спину, около двери. Лариса этого будто не заметила.

— Наши разногласия носят идейный характер!

— Господибогмой! У нас нет никаких разногласий!

— Между прочим, бога нет!

— Существуют различные точки зрения.

— Учения Ленина единственно верно, потому что оно правильно!

— Господибогмой! Давайте договоримся сразу!

— Ревизионизм не пройдет! — рявкала Лариса Васильевна.

— Историю не повернуть вспять! — парировала Кристина.

Так они пререкались почти ежедневно. Раз в неделю — обязательно. Остальные педагоги, воспитатели и прочая обслуга в конфликт двух «воркующих субъектов» не вмешивалась. На фиг нужно, себе дороже.

В этот раз Кристина выкинула фортель в духе фильмов ужасов. Не дослушав, молча, повернулась, открыла дверь, вышла из кабинета и изо всей силы захлопнула дверь за собой. Наверняка, над столом Ларисы задрожала люстра. А возможно, даже посыпалась с потолка штукатурка.

«Карл Брюллов так бы не поступил!» — почему-то подумала Кристина.

О чем думала в этот момент Лариса, можно было только догадываться.

Майк начал сходить с ума. Во всяком случае, самому себе последние дни он, как попугай мысленно талдычил только одно.

«Ты сходишь с ума, придурок!».

Из головы не вылезала эта, изящно хромающая девчонка с красивым надменным лицом. Дважды трижды в день он приезжал именно на этот перекресток у Самотечной эстакады. Остановливался где-нибудь чуть в стороне. И, не вылезая из машины, ждал у моря погоды. Но ситуация, естественно, не повторялась. Ни девчонки с манерами выпускницы Смольного института, ни беззубой голосистой бомжихи не наблюдалось. Иначе можно было бы расспросить древнюю певунью, вдруг она знает адрес девушки. Но нет. Перекресток был, как и прежде, пустым. Изредка промчит какая-нибудь заблудившаяся иномарка. Или прошаркает по асфальту старушка в соседний магазин за творогом. Тишина-а!

Майк сам от себя не ожидал подобной прыти. Это он, который долгие годы и трех минут не мог спокойно просидеть на одном месте. Он, который каждый вечер объезжал все ночные клубы и самые модные тусовки. И это он теперь сидит в пустой машине и, как баран на новые ворота, смотрит в одну точку. Кому скажи, не поверят!

Может, она городская колдунья? Загипнотизировала его за то, что чуть не сбил на переходе? Наслала проклятье, «Будешь думать обо мне всю жизнь! Пока не умрешь от тоски!». Как ни смешно, в глубине души Майк верил во все эти заклятия, проклятия и прочую муру. Сторонился гадалок и особенно цыганок. И вот... на тебе! Какая-то хиромантия, извините за выражение. И что делать, неизвестно!

Посидев истуканом минут двадцать, Майк ехал по делам.

Который день он мотался по хозяйственным магазинам и ярмаркам. Закупал линолеум, обои, краски, побелку, провода, розетки. Голова кругом!

В последние дни госпожа Фортуна демонстративно повернулась спиной. Не ладилось и не клеилось буквально все. Неделю назад в мастерской полетели сразу два импортных крана, и за ночь весь пол покрылся слоем воды в ладонь толщиной. Естественно, залило соседей снизу. Каких-то энергичных кавказских людей, с явно криминальными замашками. Более того, все холсты, стоящие на полу, размякли и набухли. Стало быть, ремонт, ремонт. Деньги, деньги, баксы! Хуже всего, испорченными оказались два женских портрета, которые он, (кровь из носа!), должен был сдать заказчицам через два дня. Обе заказчицы, целюлитные жены очень крутых бизнесменов. Такие отсрочек не терпят. А работы, по самым скромным подсчетам, на две недели. Не меньше. Вот тут и вертись.

И Майк вертелся. Но думал только о худенькой хромающей девушке.

Нахохлившийся воробей, объявивший непримиримую войну всем окружающим пернатым и заодно лохматым и хвостатым. Гневный беззащитный воробушек.

Что в ней такого? Откуда абсолютная уверенность в своей правоте? Снисходительная категоричность. С утра до вечера и с вечера до поздней ночи Майк непрерывно вел с ней мысленный диалог. Точнее сказать, мысленно пререкался. Само собой, в этих словесных поединках всегда последнее слово, ясное, четкое, аргументированное оставалось за ним. Но, встряхнувшись, Майк понимал, это лишь фантазии.

Он был сильно уязвлен и выбит из седла этим воробушком.

Мужчины в большинстве своем живут исключительно стереотипами, примитивными штампами. Отпечаталось в мозгу в далеком детстве, вот эта девушка – красивая! Мне тоже нужна такая. И на всю оставшуюся жизнь. Хочет он, не хочет, до пенсии будет искать, и находить только этот тип. Не обращали внимания, у многократно женатых все жены на одно лицо. Каждая последующая повторяет предыдущую. Варианты незначительны.

И не вырваться беднякам из этого порочного круга.

Майк в этом смысле был абсолютным исключением из всяческих правил. У него вообще не было никаких штампов, стереотипов. Уникум, одно слово. Скорей всего, он просто никогда никого не любил. Но сия тайна покрыта мраком. Вот потому и шарахнула бревном по башке случайная встреча с необычной девушкой.

Курьер Кристина всегда торопилась. Сегодня надо успеть после занятий, доставить какому-то привередливому клиенту сразу две новых модели сотовых телефонов «Нокия». На выбор. Не позже пяти часов дня. Он так и заявил оператору, принимавшему заявки:

— Любую навороченную «Нокию». Цена не имеет значения.

— Вас устроит... — начала, было, Марина, сидевшая в тот день на заявках.

— Меня устроит любая навороченная «Нокия». Не позже трех часов дня! Моя фамилия Кустофф. На конце два «Ф»!

Кристина не любила богатых клиентов. Такие всегда капризничают, требуют доставить на дом сразу несколько дорогих аппаратов. А это небезопасно. Преступники так по улицам и шастают. Курьер Кристина для подобных негодяев являлась привлекательным объектом. Беззащитная, хромающая девушка. Откуда им, негодяем всех мастей знать, что Кристина отнюдь не беззащитна. В кармане куртки у нее газовый баллончик. В полиэтиленовом пакете и того страшнее, миниатюрный электрошокер, подарок молодого местного участкового милиционера. Правда, ни то, ни другое ей пускать в дело еще не доводилось, Бог миловал, но тем не менее. Надо быть настороже.

Фамилия клиента ей сразу не понравилась. Кустофф! Что это за фамилия такая? Иностранец? Русского происхождения? Почему два «ФФ» в конце?

Кристина подошла к двери подъезда шестнадцатипэтажного дома, сверилась с адресом по бумажке и нажала на кнопку переговорного устройства.

— Курьер из магазина «Электроника». Откройте, пожалуйста.

В ответ услышала невнятное бурчание, замок щелкнул, она вошла в подъезд. И сразу почувствовала себя некомфортно. Все стены, разумеется, были сплошь расписаны местными любителями наскальной живописи. Пошлые, грязные надписи. Скотские, оскорбляющие нравственность рисунки! Как людям самим не противно? Зачем надо жить в свинарнике?

В своем подъезде Кристина вела беспощадную борьбу не на живот, а на смерть с подобными проявлениями бескультуры и откровенного бытового хамства.

Раз в неделю стиральным порошком оттирала стены всех четырех этажей. Собирала в мешок пустые бутылки и выбрасывала их в мусорный контейнер. На два-три дня в подъезде становилось относительно чисто, хотя бы терпимо. Домашним веником и совком Кристина убирала шелуху от семечек вокруг скамейки у входа в подъезд. Но к концу недели надписи, похабные рисунки, пустые бутылки и шелуха от семечек возникали вновь.

Конца и края той войне не было. Но сдаваться Кристина не собиралась.

Часть соседей из числа примитивных поверхностных натур, почему-то воспринимали эту деятельность Кристины как должное. Считали, она просто заискивает лично перед ними. Другая часть, были уверены, девушка подрабатывает в их подъезде уборщицей. Почему бы и нет. Сейчас времена тяжелые, денег всем не хватает. В конце концов, любой труд почетен. Все лучше, нежели воровать или рыться по помойкам.

Кристина не стала заходить в лифт шестнадцатитажки. По опыту знала, там не только надписи и рисунки, там еще и запахи! Зажав нос платочком, быстро поднялась по лестнице на третий этаж, и нажала на кнопку звонка.

Как только распахнулась железная дверь квартиры, и Кристина встретила глазами с хозяином, на нее тут же накатила волна неприязни. На пороге в измазанном красками халате, надетом явно на голое тело, стоял тот самый тип, который неделю назад чуть не сбил ее на перекрестке своей уродливой машиной.

«Господибогмой! Сегодня – не мой день!» — пронеслось у нее в голове.

Кристина невольно передернула плечами, поморщилась от неприятных воспоминаний.

У него не машина, катафалк какой-то на колесах. У этих новых богатых ни малейшего представления о красоте и гармоничности. Сами уроды и машины подбирают себе под стать. Денег девать некуда, вот и пускают друг другу пыль в глаза.

— Вы!?! — изумился клиент. — Вы... меня не узнаете?

Кристина, разумеется, сразу узнала этого типа. У нее прекрасная зрительная память. Но не подала и вида. Едва заметно кивнув, она прошла в квартиру.

— Мы с вами уже, типа... сталкивались. Не помните? А я искал вас.

Кристина остановилась в центре довольно просторного холла. Быстро осмотрелась.

Собственно, это была никакая не квартира, а мастерская. Этот противный тип, оказывается, еще и художник. Во всяком случае, считает себя таковым. Бегло осмотрев картины, (в основном женские портреты), висящие по стенам и стоящие в беспорядке на полу, Кристина мгновенно пришла к категоричному выводу. Хозяин мастерской человек малоодаренный, коммерческий. С большими амбициями. До Левицкого и Боровиковского ему, разумеется, как до звезды. О Карле Брюллове и говорить нечего. Однозначно!

В мастерской во всю бушевал ремонт.

«Любопытно, он сам делает ремонт? Наверняка, нанял каких-нибудь белорусов» — почему-то подумала Кристина.

— Вы меня не узнаете? — повторил тип, — Мы с вами... в прошлый раз...

Кристина резко повернулась, бросила на него сдержанный, но уничижающий взгляд.

— Давайте договоримся сразу! — привычно выпалила она, — Вы клиент, я курьер. И ничего личного. Вы выбираете телефон, оплачиваете и... всего наилучшего!

Несколько секунд Майк молчал.

Потом, усмехнувшись, тоном официанта предложил:

— Чай? Кофе? Соки? Может, что-нибудь покрепче?

Теперь несколько секунд молчала Кристина. Сверлила этого неприятного типа своими огромными глазами, мысленно пытаясь поставить его на место. Чтоб держал себя в рамках приличий. И оставил раз и навсегда эту пошлую амикашенскую панибратскую манеру общения. Но этому наглому типу все, как с гуся вода. Совершенно очевидно, привык общаться исключительно с легко доступными девицами.

В восприятии Кристины этот тип вписывался исключительно в интерьеры баров и ночных клубов. На фоне картин, холстов и мольбертов он никак не смотрелся.

— Господибогмой! Вам, в самом деле, нужен сотовый аппарат или... так?

Кристина неопределенно повертела перед собой пальцами.

— Как это, так? — усмехнувшись, спросил Майк.

Усмехался этот тип как-то беспредельно пошло. Наверняка, был убежден, все женщины и девушки, прямо-таки, с ума сходят от его внешности.

— Это уже переходит все границы! Господибогмой! — гневно повышая голос, сказала Кристина.

— Простите, милая! Не понял? Какие границы? Кто переходит?

— Бывают, знаете ли, такие примитивные типы, — сдерживаясь, сказала она, — готовые любое серьезное дело превратить в пошлую шутку или нелепый розыгрыш! Если вы, любезный, из их числа...

— Ни в коем разе! — испуганно заявил тип. И даже в некотором страхе отшатнулся.

— Перестаньте паясничать! В противном случае я буду вынуждена...

— Извините! Простите! Никогда! Ни под каким видом! Я все лишь, предложил вам чувствовать себя в моей мастерской как дома! — усмехаясь, затараторил он.

— И не подумаю! У меня есть свой дом. Вы сделали заказ...

— Был грех!

Кристина вздрогнула, непроизвольно опять напряглась.

— Что вы хотите этим сказать? Вам не нужен сотовый телефон? Решили просто развлечься? Познакомиться с какой-нибудь девушкой? Или, того хуже...

— Ни, Боже мой! И в мыслях не было! — опять с наигранным испугом, заявил неприятный тип! — Мне действительно крайне необходим новый сотовый. Мой вчера какая-то сволочь сперла в баре, пока я... впрочем, это неважно. А что касемо знакомства с девушками?

Откуда я мог знать, что заказ выполните именно вы, незабвенная Кристина!

«Господибогмой! Он запомнил мое имя!» — пронеслось у нее в голове.

Хозяин мастерской, между тем, одним движением скинул с круглого обеденного стола какие-то бумажки, почеркушки, карандашные наброски, приставил к нему старый венский стул, предварительно смахнув с сидения рукавом халата невидимую пыль, и широким театральным жестом пригласил Кристину присесть.

Оказать ему честь, так сказать. При этом ни на секунду не закрывал рот:

— Обычно курьерами работают юношы бледные со взорами горящими. К юношам лично я, милая Кристина, совершенно равнодушен. А тут такое везение. Являетесь именно вы. Перед которой я испытываю, типа, некоторую виноватость. Все-таки, я тогда причинил вам, как бы, неудобства. Выбил вас из привычной колеи, так сказать.

— Оставим это! — сдержанно ответила Кристина, — Я давным давно забыла.

— Я, увы, нет! К счастью, нет! — с готовностью выпалил Майк.

Кристина невольно поморщилась, присела на край стула, аккуратно положила справа от себя сумку, слева полиэтиленовый пакет.

Оформить сотовый телефон не так просто, как может показаться на первый взгляд. Нужно заполнить в двух экземплярах два бланка и две квитанции. Без ошибок и без помарок. Только после этого вручить клиенту сим-карту. И получить оплату.

Все это Кристина и собралась проделать со свойственной ей педантичностью и аккуратностью. Вытащила из сумки две коробки с аппаратами, бланки квитанций, шариковую ручку и портмоне с деньгами. Чтоб было чем сдать сдачу клиенту, если потребуется.

Майк неподвижно стоял чуть в стороне в позе официанта, готового в любой момент исполнить любой каприз гостя.

— Ваш паспорт, пожалуйста!

— Сей секунд!

Майк сорвался с места, начал метаться по мастерской. Открывал ящики старого комода, выворачивал карманы брюк и курток, раскиданных повсюду в беспорядке.

— Куда я его засунул? Между прочим, милая Кристина, я думал о вас постоянно. Паспорт, паспорт! Где же этот чертов паспорт? Посмотрите пока мои работы?

— Уже осмотрела.

Не переставая метаться по мастерской, тип бросил на нее оценивающий взгляд.

— Да? Судя по суровому выражению вашего лица...

— Вы не ошиблись. Я невысокого мнения о ваших работах.

Майк остановился, как вкопанный посреди мастерской. Даже искать паспорт перестал.

— Что так? — склонив голову набок, заинтересованно спросил он.

— Ваша живопись лишена индивидуальности, — жестко ответила Кристина.

— Даже так!? — ужаснулся Майк.

— Кроме того, вам не хватает аристократизма. Вы совершенно очевидно потакаете пошлым вкусам нынешних толстосумов.

— Толстосумов? — переспросил Майк.

— Именно! Пишите на потребу! Это, по меньшей мере, стыдно. Недостойно творческой личности, если вы себя таковой считаете.

— Между прочим, вы не успели ни одну из моих работ рассмотреть, как следует, милая Кристина! — искренне обидевшись, пробормотал Майк.

— Я вам не «милая»! Я курьер, лицо официальное...

— При исполнении, так сказать, — с серьезной миной на лице, вставил Майк.

— Именно так! Советую вам не забывать этого. И соблюдать дистанцию. А что касемо ваших работ, — продолжая заполнять бланк, сказала Кристина, — Достаточно и беглого взгляда, чтобы понять...

— Понять... что? — оживился Майк.

Кристина подняла на него свои большие темные выразительные глаза. Несколько секунд молчала. Взвешивала, стоит ли вообще продолжать этот пустой разговор. Или попросту прекратить. Хозяин мастерской напряженно ждал. Или, наверняка, только делал вид, что заинтересованно ждет ответа.

«Фигляр!» — про себя констатировала она.

— Стало быть, вам не нравятся мои работы? Категорически?

— Именно так! — с вызовом ответила Кристина.

— Нельзя ли поподробнее?

— Давайте договоримся сразу! Сначала предъявите паспорт! Без него я не могу.... И расплатитесь за телефон!

— Как прикажите! Как прикажите!

Кристина опять склонилась над столом, продолжила заполнять бланки и квитанции.

— Вот он, родимый! — неожиданно заорал Майк. И весело засмеялся.

Кристина вздрогнула, поморщилась. Потом укоризненно вздохнула и опять склонилась над бумагами.

Паспорт нашелся, действительно, в самом неожиданном месте. Лежал под чайником на небольшом столике в углу мастерской. Очевидно, хозяин использовал его как подставку. Майк потер обложку паспорта о полу халата, осторожно приблизился к столу. Положил паспорт на стол и медленным движением придвинул его к Кристине.

Та, казалось, просто не обращала внимания на все эти манипуляции хозяина мастерской. Взяла в руки паспорт, раскрыла его, внимательно сравнила фотографию с оригиналом.

— Простите, милая Кристина, боюсь совершить трагическую ошибку. В каком объеме вы берете на чай? Этого достаточно? — вкрадчиво спросил Майк.

Он покопался в карманах халата и осторожно положил на стол перед Кристиной несколько бумажек. Разного достоинства. И одну купюру чуть в стороне.

— Знаете, что-о!? — гневно сказала Кристина. Она даже порывисто привстала из-за стола. Щеки ее запылали, глаза и без того темные, потемнели еще более.

— Что-то не так? — испуганно спросил Майк.

— Вы эти тупые купеческие замашки бросьте! Не все в этом мире продается.

«Ни фиги себе-е! Или дура, или...» — промелькнуло в голове Майка.

— И в ваших унижительных подачках я не нуждаюсь! — тем же обличительным тоном, продолжила Кристина, — Мне вполне хватает зарплаты.

— Сколько платят, если не секрет? — вырвалось у него.

— Господибогмой! Вас это совершенно не касается!

— Извините, простите! Никогда более! Ни под каким видом!

Несколько секунд оба продолжали глазеть друг на друга. Как зверушки. Собачки, кошки и прочие лохматые хвостатые. У людей есть такая детская забава, кто кого пересмотрит. Кто первым отведет глаза, тот и проиграл. Тот, стало быть, слабее. Майк и Кристина тоже явно вознамерились сыграть в эту детскую игру.

— Кристина-а! Кристина-а! — улыбаясь, задумчиво протянул Майк. — Красивое у вас имя.

— Не могу ответить вам тем же, Михаил! — с достоинством ответила она.

Оба продолжали сверлить друг друга взглядами. Майк с едва заметной усмешкой. Кристина с вызовом, готовая на любые происки и посягательства дать решительный отпор.

Все-таки, первой отвела глаза Кристина. Но вовсе не потому, что почувствовала себя побежденной. Ей просто необходимо было завершить заполнение блан-

ков. Работа, прежде всего. Она пододвинула к себе стул, опустилась на него и склонилась над бумагами.

— Стало быть, вы разбираетесь в живописи? Это в вашем-то юном возрасте?

Кристина промолчала. Майк счел ее молчание знаком согласия.

— Позвольте полюбопытствовать, милая Кристина, кто, в таком разе, ваш любимый художник? Небось, сам Никас Сафронов? Илья Глазунов? Или кто-нибудь из этих новомодных придурков, авангардистов, сюрреалистов, концептуалистов? Восторгаетесь, небось, как и все «Черным квадратом»? Малевич, Кандинский?

— Не тратьте порох, Михаил! — с ударением ответила Кристина.

Она действительно почему-то не любила это имя. Блатное какое-то! «Мишка, Мишка! Где твоя улыбка?» Хотя, с другой стороны, Михаил Булгаков. Михаил Кутузов.

— Мой любимый художник — Карл Брюллов! — неожиданно для себя закончила она.

— Солнышко-о! — вырвалось у Майка.

Он, покачивая головой, попятился назад, наткнулся на старый кожаный диван, не глядя, плюхнулся на него и, скрестив руки на груди, удивленно уставился на Кристину.

— Вы какое-то... доисторическое ископаемое! Думал, такие отошли в прошлое. Вместе с дирижаблями и двухместными велосипедами.

— Между прочим, это уже хамство, — сдержанно констатировала Кристина.

— Ваш Карл Брюллов был придворным лакеем, — не слушая, продолжил Майк, — Вот уж кто был только и озабочен тем, как бы угодить вкусам, так называемого, «высшего света». Всю жизнь пресмыкался перед властями всех мастей.

Кристина побледнела, перестала писать. Потом медленно поднялась из-за стола и вдруг... в ярости шваркнула об стол шариковой ручкой. Та, как резиновая, подскочила вверх и, описав замысловатую дугу, упала куда-то в дальний угол мастерской.

Майк удивленно вскинул брови.

Стоящая за столом юная особа с темными выразительными глазами, одной рукой придерживала себя за горло, пальцем другой руки грозно трясла в направлении лица Майка.

При этом жадно хватала широко раскрытым ртом воздух.

— Не смейте-е!!! — яростным, гневным шепотом выдавила она, наконец. — Не смейте чернить своим грязным языком величайшего живописца всех времен и народов! Вы его и пятки не стоите!!! Вы слышите, не смейте!!!

4

Еще не проснувшись, на зыбкой грани сна и бодрствования, Карл Брюллов почувствовал какой-то странный запах. Пахло чем-то... чем-то вроде серы. Художник довольно часто в своих фантастических снах видел не только яркие краски, но и ощущал запахи. Правда, чаще всего на утро, ничего не помнил.

Не открывая глаз, Карл пробормотал:

— Юлия! Чем так противно пахнет?

И в ту же секунду получил оглушительную затре-
щину.

Карл открыл глаза и увидел... прямо перед собой разгневанную молодую женщину, поразительно похожую на графиню Юлию Самойлову. Наметанным глазом художника Карл сразу же подметил маленькую родинку над верхней губой. У Юлии никаких родинок никогда не было. Да и вообще!

Чертами лица женщина, конечно, походила на Прекрасную Юлию, но глаза были довольно пустоваты и на шее уже наметились преждевременные морщины.

«Простолюдинка!» — машинально отметил про себя Карл и опять закрыл глаза, чтоб досмотреть до конца этот нелепый сон.

Но это был не сон.

— Юлия!? Значит, так зовут потаскушку, к которой ты шляешься каждый вечер! — заверещала женщина противным скрипучим голосом.

Карл открыл глаза. И тут же получил еще одну затре-
щину. Теперь по левой щеке.

Это было уже слишком! Левая щека Карла была неприкосновенна. Еще в далеком детстве деспотичный отец так ударил его за отказ рисовать кубы, что мальчик оглох на левое ухо и всю оставшуюся жизнь почти ничего им не слышал.

Карл рывком приподнялся с ночного ложа. Женщина отшатнулась.

— Ты кто!? — рявкнул Карл.

Женщина испуганно отступила на пару шагов и заплакала.

— Совсем с ума сошел!? Уже не помнишь, как собственную жену зовут! — начала рыдать она. — Что с тобой происходит, Кайл?

«Кайл!?!» — молнией пронеслось в голове Карла. «Кажется, я схожу с ума! Только этого не хватало!».

Женщина продолжала верещать своим визгливым, противным голосом что-то о пьянстве и распутстве ее мужа, о несчастных детях, о долгах соседям... Карл почти не слушал. С изумлением и страхом он оглядывался по сторонам. Комната была ему незнакома.

Убогая обстановка производила удручающее впечатление. Здесь явно жил художник, явно в нищете и явно быстрыми темпами пропивал свой талант.

Неблагополучие просто бросалось в глаза.

— Как тебя зовут... несчастная? — тихо спросил Карл.

— Ливия, — плача, ответила женщина. В ее огромных, почти «самойловских» глазах, пульсировало неподдельное горе.

«Карл и Юлия... Кайл и Ливия... Ничего себе, шуточки!» — почему-то пронеслось в голове художника.

Он рывком поднялся с постели и направился к окну, чтоб глотнуть свежего воздуха. В комнате отвратительно пахло серой.

Карл подошел к окну, поднял глаза и... застыл от ужаса!!!

Перед его взором, вдали возвышался Везувий! Но без кратера!!!

На месте привычного углубления возвышалась вершина горы.

Стало быть, никакого извержения еще не было!? Стало быть, он, в самом деле, каким-то неведомым образом переместился в Помпеи!? Стало быть, алый камень... Стало быть, его легкомысленное желание исполнилось!? А как же... Юлия!? На Карла навалился животный, панический страх. Каким образом немедленно вернуться обратно!?

Схватив какую-то одежду, Карл опрометью выскок из душной спальни на улицу.

В городе по-прежнему пахло серой. Даже легкий ветерок со стороны залива не разгонял этот противный запах. Карл заметил, из-под камней мостовой, из трещин почти на каждой улице, тут и там, выбивались с громким шипением струйки явно ядовитого газа. Но многочисленных прохожих это ничуть не беспокоило.

В одном переулке маленький мальчик даже играл со струей газа, накрывал его ладошкой. И отпускал. Газ с еще более громким шипением вырывался из-под земли. Мальчик смеялся.

Некоторое время Карл бесцельно бродил по узким улочкам окраины города. Ослики катили свои тележки, доверху нагруженные овощами и фруктами. Громко горланили рыбаки, разложившие ночной улов прямо на земле в больших корзинах. Мелкие торговцы ласково зазывали в свои бесчисленные лавочки хозяек, вышедших прогуляться до обеда. Повсюду с криками и визгами носились вездесущие дети...

Город жил своей обыденной жизнью.

Немного придя в себя от потрясения, Карл нащупал под мышкой свой походный блокнот, и облегченно выдохнул. За долгие годы привычка повсюду таскать его с собой переросла в инстинкт.

Хорошо было бы все это зарисовать.

И художник Карл Брюллов направился к центру города.

Более всего его поразило, что стены общественных зданий, храмов и многочисленные колонны сплошь расписаны надписями...

«Сбежал пес по кличке Нерон! Нашедшему вознаграждение!».

«А Люцилла извлекает из своего тела звонкую монету!».

«Желаю тебе, соблазнившему мою девушку, чтоб тебя сожрали в горах дикие медведи!».

— Варвары! Дикари! — шептал Карл, разглядывая надписи.

Уже на подходе к самому центру города, Карла вдруг поразило одно обстоятельство. Он не только отлично понимает окружающих, но и сам вполне сносно может объясниться на древне-итальянском диалекте, хотя никогда не изучал ничего подобного.

— Кайл! Как поживаешь? — радостно-тревожным голосом обратилась к нему молодая женщина с лицом графини Юлии Самойловой.

«Еще одна!» — подумал Карл и непроизвольно попятился.

Но женщина, улыбаясь, подошла совсем близко и почти приперла Карла к стене какой-то лавочки.

За руки женщина держала двоих маленьких детей.

— Если б ты женился на мне, а не этой своей... Они были бы твоими детьми...

Дети были, конечно, очаровательными. Спорить было глупо.

— Ты счастлив, Кайл? — допытывалась женщина.

Карл понятия не имел, счастлив Кайл или нет. Скорее всего, нет. Достаточно вспомнить эту... как ее? Ливию. Ту, которую он оставил рыдать в душной спальне. Но причем здесь он.

Карл недоуменно пожал плечами и направился к центру города.

На узкой улочке напротив дверей кабачка «Белый слон» внимание Карла привлекла странная группа. Двое мускулистых юношей, закинув руки отца себе на плечи, осторожно вели его по дороге. Старик еле передвигал ногами, но глаза его поразили художника своей абсолютной ясностью и даже ироническим прищуром.

— Помру, что будете делать? Лентяи, бездельники...

Сыновья не отвечали. Видимо, знали монолог отца наизусть.

— Бездельники... Оболтусы, ветрогоны... А надо работать... работать... работать...

Троица поравнялась с художником, старик все талдычил:

— Надо работать... работать...

Самое поразительное, старик умудрялся каждое слово произносить все с новыми и новым интонациями. Заметив художника, старик бросил на него быстрый взгляд и неожиданно незаметно подмигнул.

Троица начала удаляться по улочке, старик гнул свое:

— Работать... работать... работать...

Карл еще долго смотрел вслед, пока они не скрылись за поворотом на следующем перекрестке.

«Какой великий артист погибает!», невольно подумалось Карлу.

Улицы Помпей во многих местах были перегорожены большими камнями. Очевидно, чтоб воспрепятствовать проезду колесниц.

Возле храма Зевса Карл остановился, как вкопанный. Будто наткнулся на невидимый столб и больно ударился головой. Сам храм был так себе. Ничего особенного. Обычное подражание Риму. Да еще с некоторой провинциальной претензией.

Карл увидел надпись...

«...До извержения Везувия осталось 942 дня! Деций!».

Вокруг Карлу уже вертелся какой-то лохматый старик. Заходил то справа, то слева, пытаясь заглянуть в глаза.

— Послушайте, старец! Где мне найти этого... Деция?

— Ты кто будешь? — подозрительно прищурился старик, осматривая Карла с ног до головы. — Приезжий?

— Все мы в этом мире проездом, — уклончиво ответил Карл.

— Деций... я и есть! — с какой-то неожиданной злобой ответил старик. И добавил. — Одолжи пару денариев.

— Насчет извержения, ты написал?

— Будешь насмеяться, получишь в глаз! — мрачно предупредил Деций. И тяжело вздохнул.

Некоторое время художник и астролог оценивающе присматривались друг к другу.

— Где-то я тебя видел, — наконец изрек Деций. И хлопнув себя по лбу, воскликнул. — Ты брат беспутного художника Кайла!

«Я и есть, Кайл!» — чуть было не брякнул Карл, но во время прикусил язык. Во-первых, его самого испугало, что он уже считает себя каким-то «Кайлом». Во-вторых, объяснять почтенному старцу, что он художник Карл Брюллов и прибыл неведомым образом совсем из другого времени, из другого мира, дело заведомо безнадежное. Тем более, Карлу и самому было не до конца все ясно.

— В гости приехал. К Кайлу, — понимающе покивал головой Деций. — Умные люди сейчас уезжают из Помпей. А ты... Брата навестить. Ему уже не поможешь. Пропил свой талант. Одаренным юношей был. Подавал надежды... Ты тоже художник?

— Разумеется, — ответил Карл. Что было абсолютной правдой.

Возле храма было довольно многолюдно. Карла и Деция постоянно кто-нибудь толкал и, не извинившись, шел дальше. Вообще, понимание вежливости и уважительности в Помпеях сильно отличались от петербургских и даже римских. Но горожане об этом явно даже не догадывались, спешили каждый по своим неотложным делам.

— Послушайте, старец! Действительно, до извержения осталось девятьсот сорок... — начал выпрашивать Карл.

— Девятьсот!?! — резко перебил его Деций. — Всего сорок! Время уже можно пересчитать в минутах!

Деций удручающе помотал головой и опять глубоко вздохнул.

— А что власти? — возмутился Карл. — Почему бездействуют?

— Работают с документами, — криво усмехнулся Деций. — У нас любой человек у власти становится негодяем, мерзавцем, вором, лжецом, тупицей, обжорой, глупцом...

— Стало быть, никто не знает? — решительно перебил его Карл, видя, что Деций собрался перечислять все пороки человеческие.

— Почему? — искренне удивился старик. — Все знают. Но никто не верит. В самое худшее не хочется верить.

Художника и астролога вконец затолкали на площади перед храмом. В какой-то момент Деций не выдержал и даже дал пинка под зад наглому мальчишке, наступившему ему на ногу. Тот, даже не обернувшись, продолжал свой путь.

Карл и Деций, не сговариваясь, двинулись в сторону залива.

Весь день Деций, как заправский гид, водил художника по городу Помпеи и, со смешанным чувством гордости и горечи, показывал достопримечательности.

А таковых было немало...

Малый Форум... Главный Форум, окруженный с трех сторон колоннами... Храм Юпитера... налево трибунал... Напротив него Пантеон... Театры... храм Венеры для молодежи...

Не желая огорчать старика астролога, Карл преувеличенно восторгался и восхищался. Хотя в действительности был крайне разочарован. Вся архитектура города была излишне помпезной, порой даже нелепой в своем провинциальном желании перещеголять Рим или хотя бы сравниться с ним, встать на один уровень. Подражательность местных архитекторов раздражала. Копия, как известно, всегда хуже оригинала.

Поздним вечером, уже на улице Изобилия в кабачке Азелины, Карл явно перебрал «помпейского» и отобилия дневных впечатлений и чудовищной усталости, положив голову на руки, уснул прямо за столом...

5

Покорить любую женщину не фокус. Надо ежедневно бомбардировать ее букетами. Желательно с самого раннего утра. Представляете, картинку? Сонная девушка в ночной сорочке, босые ноги в стоптанных на пятках тапках, взлохмаченные волосы, еще и чайник на кухне не вскипел. И тут – бац!

Звонок в дверь! На пороге улыбающийся посыльный с букетом цветов.

Недели две, от силы три. И черствое женское сердце дрогнет.

Можно к сему присобачить телеграммы или эсемэски, типа: «Мое сердце вдребезгах!». Или «Моя душа в пятке. Я хромаю по Вам!». Не бойтесь небольшой доли юмора. Женщины оценят сию приправу к чувствам по достоинству.

Утренний звонок застал Кристину врасплох. Она заметалась, не успела даже накинуть на плечи халатик, подошла к входной двери, заглянула в глазок и увидела огромный букет роз. Целая клумба ярких, пестрых роз заполняла собой всю крохотную лестничную площадку. Разглядеть сквозь заросли ярких, невозможно красивых цветов самого визитера решительно не представлялось возможным.

«Ошиблись дверью!» — решила Кристина. «Или подъездом».

— Кто там? — суровым голосом громко спросила она.

— Курьер из магазина «Цветы в подарок». Девушка Кристина здесь живет?

«Кто-то из родителей моих малышей?» — успела подумать Кристина.

Секунду поразмыслив, она сняла цепочку, щелкнула замком и слегка приоткрыла дверь. Не до конца распахнула, до половины, не более. Но этого оказалось достаточно, чтоб целая цветочная клумба роз втиснулась в дверь, и заполонила собой весь узкий коридор. Квартира тут же наполнилась всеми ароматами Аравии. У нашей девушки закружилась голова.

Кристина произвольно слегка попятилась. Клумба клумбой, просто она увидела поверх гигантского букета знакомую физиономию Майка. На голове у него

красовалась фирменная кепочка магазина «Цветы – в подарок!».

«Опять этот настырный тип!» — пронеслось у нее в голове. «Он просто преследует меня! Это уже возмутительно!»

Несколько секунд оба пялились друг на друга, будто увиделись впервые в жизни.

— Предъявите ваш паспорт! — с нейтральным выражением лица изрек тип.

— Зачем это? — изумилась Кристина.

— Я должен удостоверить вашу личность.

Как каждая законопослушная гражданка Кристина автоматически повернулась и направилась в комнату. К письменному столу, где лежали все документы, справки и бумаги. Но тут же вернулась обратно в коридор. По пути, кстати, успела накинуть на плечи халатик. И подвязаться в талии поясом.

Клумба по-прежнему стояла в неподвижности.

— От кого цветы? — резко спросила Кристина.

— Не могу знать. Не в курсе дела. Мое дело сторона. Я курьер, лицо официальное. Мне приказали, я исполняю. И никакой самодеятельности. Предъявите паспорт.

— Не подумаю! И давайте договоримся сразу!

— Вы нарушаете закон! — мрачно сказал Майк, — И вдобавок лишаете лично меня дополнительного заработка. А это нечестно.

— Вы лжете!

— Только по четвергам и пятницам. А сегодня, к вашему сведению, милая Кристина, вовсе понедельник. Паспорт, предъявите паспорт!

— Перестаньте паясничать! От кого цветы? — голосом следователя из районной прокуратуры спросила она. Хотя сама, разумеется, уже догадывалась, от кого.

— Секрет фирмы. Коммерческая тайна.

— Я вам не верю. Вы не можете быть курьером.

— Это еще почему? — искренне обиделся

Майк, — Глубочайшее заблуждение! Ваше представление о доходах бедных художников, об истинном их материальном положении основано на информации из глянцевого журналов. Просто обидно, честное слово. Глянцевые журналы, милая Кристина, вовсе не для чтения. К вашему сведению, солнышко, они исключительно для рассматривания картинок.

— Паспорт не дам! — жестко заявила Кристина.

— Отчего же, почему же!? — недоумевал Майк-курьер.

— Господибогмой! Я вам не доверяю!

— И напрасно! Я лицо официальное. При исполнении, так сказать.

— Мало ли что у вас на уме.

— Значит, не покажите?

— Ни под каким видом.

— Мне бы только одним глазком. Данные переписать, — уныло попросил Майк. И скорчил при этом очень умильную физиономию.

Но Кристина была тверда, как скандинавская скала, как линия Манергейма, если кто помнит историю.

— Не покажите? Окончательно и бесповоротно? Категорически?

— Именно так! — непоколебимо заявила Кристина.

— В таком разе принесите хотя бы ведро. У вас в ванной, наверняка, имеется какое-нибудь пластмассовое ведро, верно?

— Имеется, — подтвердила Кристина.

— Тащите его сюда! — распорядился Майк.

Самое смешное, Кристина подчинилась. Ноги сами понесли ее в ванную, потом принесли обратно в комнату. Прямо перед ясны очи настырного возмутительно наглого и самоуверенного типа под названием Майк Кустофф.

Некоторое время они стояли посреди скромной малогабаритной квартиры и уже привычно сверлили друг дружку пронизывающими (по возможности!) взглядами.

— Особа женского пола с пустым ведром в руках — плохая примета! — как бы, между прочим, заметил Майк.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ведро неплохо бы наполнить водой. Во избежании. Эдак, на три четверти. Не больше. Цветы, стало быть, чтоб поставить было куда. Чтоб красиво в помещении стало. Благоуханно и гармонично. Осилит эту операцию? Или как?

Некоторое время оба, молча, укрепляли клумбу в ведре с водой. Потом, так же молча, искали место, куда это бы ее поставить. Так, чтоб было гармонично и красиво.

Майк, конечно, заметил. Все стены квартиры увешаны репродукциями картин Брюллова и его портрета-

ми. Заметил так же несколько фотографий французского композитора и певца Шарля Азнавура. Но тогда он не придал этому значения. И очень напрасно.

Нам только кажется, эстрадные звезды где-то там, в лучах прожекторов, живут в другом измерении. Наивное заблуждение! Они такие же, как мы. Они связаны с каждым из нас незримыми, но прочными нитями. Они частица нас самих. Они воздействуют, влияют на наши судьбы иной раз самим фактом своего существования. А нередко довольно бесцеремонно ломают наши планы и устремления. Хотим мы того или нет.

Об этой манере эстрадных знаменитостей Майк никогда особенно не задумывался. Потому и не обратил должного внимания на большой портрет великого Шарля Азнавура. Пройдет совсем немного времени, и этот любимец всех женщин всех континентов преподнесет лично Майку очень неприятный сюрприз. Если не сказать больше.

Но случится это значительно позже.

— Решили таким неуклюжим способом добиться своего? — неожиданно спросила она.

— Дико извиняюсь, что вы подразумеваете под «добиться своего»? — спросил он.

— Добиться моей дружбы! — твердо заявила Кристина, — Зачем вам это?

— Дружбы!? Ни в коем разе! — в тон ей, твердо заявил Майк. И секунду помедлив, добавил, — Дружба между мужчиной и женщиной самый вредный миф. Существует исключительно в головах у старых дев. Я вам так скажу. Милая Кристина!

— Перестаньте называть меня «милая»! У вас это звучит как-то особенно амикошонски.

— Ами... как? — переспросил Майк.

— Амикошонски! Господибогмой! Ами – друг, кошон – свинья, друг – свинья.

— Жуть какая-то! — искренне возмутился Майк.

— Можно подумать, вы этого не знали.

— Ни сном, ни духом. Даже не догадывался. Если вы, таким образом, интерпретируете наши отношения...

— У нас нет никаких отношений! — повысила голос Кристина, — Перестаньте язвить и ерничать!

— Еще и ерничать!?! — ужаснулся Майк.

— Да, именно. Ерничать, язвить и фиглярничать! Я, кажется, не давала вам к этому ни малейшего повода.

— Сударыня! — строго заявил Майк, — В таком разе, прошу простить мои амикошонские манеры и фиглярские замашки. И позвольте откланяться!

Майк повернулся спиной и даже сделал вид, будто собирался уходить. Самым решительным образом. Бесповоротно, так сказать.

— Нет уж! Извольте остаться! И объясниться! — очень громко сказала Кристина, — Это возмутительно!

Майк нехотя повернулся, посмотрел на часы, вздохнул.

— Стойма объясняться будем? Может, это... проследуем на кухню? Чай, баранки, сухари и все такое. Вы любите сладкое?

Кристина, молча, жестом пригласила его проследовать в направлении кухни.

— Только после вас! — жестко ответил Майк.

Что собой представляет четырехметровая кухня в хрущевской пятиэтажке сведущим людям объяснять не надо. Крохотный стол, две табуретки, газовая плита, раковина и посудный шкаф в цветочек. Над головой плафон, на окне веселенькие занавески. Человеку средних габаритов одному тесновато, вдвоем, как ни странно, в самый раз. Парадокс российского быта. Чем меньше квадратных метров, тем теснее общение.

Телам тесно, мыслям и чувствам просторно.

— Присаживайтесь, Михаил! — светским тоном предложила Кристина, — Чай, кофе?

— Пивка бы... — мечтательно протянул Майк.

— Спиртного в доме не держу! — осадила его она.

— И правильно! Сухой закон – самое величайшее изобретение человечества. Второе, после изобретения женского корсета. До сих пор недооцененное, кстати. Была б моя воля... Я б всех этих алкашей собрал бы в одну кучу и... за полярный круг! Пустые бутылки из-под спирта собирать. Им дело привычное, экология опять же в выигрыше.

Кристина между тем, поставила на стол две чашки, сахарницу, вазочку с конфетами. Плеснула в чайник ровно две чашки воды и поставила на огонь.

— Итак! — повернувшись к Майку, резко спросила она.

— В смысле?

— Господибогмой! От кого букет?

— От инкогнито! — не моргнув глазом, ответил Майк.

— Как вы узнали мой адрес?

— От него же!

Два дня назад Майк и сам не заметил, как свернул с эстакады у Рижского вокзала и оказался на проспекте Мира. Автоматически развернулся под эстакадой у метро «ВДНХ» и через пять минут остановился у магазина «Электроника».

У него и в мыслях не было ничего такого. Искать девушку Кристину? Все произошло как-то само собой, на автопилоте.

Майк припарковал джип прямо у центрального входа и вошел в магазин. Повертел головой вправо-влево, увидел то, что нужно, и направился к стойке заказов.

За стойкой сидела какая-то невыразительная накрашенная девица.

— Я могу вам помочь? — стандартно улыбаясь, спросила она.

«Ты – нет!» — успел подумать Майк. Вслух, разумеется, произнес другое:

— Мне нужна девушка курьер по имени Кристина. У вас есть такая?

— Есть! — с готовностью кивнула девица, — Она вас обслуживала на дому?

— Можно и так сказать, — подтвердил Майк.

— У вас претензии? Какие-то проблемы? — спросила девица.

— Проблема одна. Она оставила у меня в мастерской свой лифчик и, сидя по всему, ключи от своей квартиры, — брякнул Майк.

У девицы от изумления глаза вылезли из орбит. И широко распахнулся рот.

— Кто... Криска-а!?

— Именно! Криска! — подтвердил Майк. И, понизив голос, добавил, — Только никому ни слова, идет? Пусть это останется строго между нами. Между мной и... вами! Сами понимаете, вмешиваться в интимную личную жизнь, как-то это... не того. Пойдут пересуды, сплетни! Никому ни звука, короче! — обаятельно улыбнувшись, закончил Майк.

— Ладно вам! — очнувшись от его гипнотической улыбки, заявила девица, — Чтоб Криска и.... Ни за что не поверю!

— Я и сам глазам не поверил на утро. Это надо, быть такой рассеянной! Дайте, солнышко, мне ее адрес. И по возможности телефон.

Девица за стойкой менее всего походила на «солнышко». Но Майка подобные мелочи никогда не волновали.

— Телефона у нее нет, — ответила девица.

— Ясное дело, — кивнул Майк, — Портной всегда без порток, одаривающий телефонами сам всегда без связи с внешним миром. Аксиома.

На кухне у Кристины засвистел чайник. Громко, как пригородная электричка.

— Господибогмой! От кого букет? — гневалась она.

— От инкогнито. Он, знаете ли, натура неопределенная, лица не имеет.

— Вы еще долго намерены издеваться надо мной!?

Майк ушел. Отвечать на риторические вопросы не его стиль. В самом деле, что можно ответить на вопрос: «Я царь или не царь?». Еще спросите, «Быть или не быть?». Или того хуже, «Где мои очки?». Риторические вопросы — это вопросы, устремленные в космическое

пространство. Отвечать на них следует существам из других галактик. Не нам, грешникам.

На пороге кухни Майк провернулся и отдал по-французски честь, приложив два пальца к козырьку фирменной кепочки. И скрылся за дверью. Кристина скорчила себе в зеркало какую-то неопределенную гримасу и пожала плечами.

Но это было только начало.

Каждое утро ровно в семь, (будь он неладен, этот возмутительный тип!), раздавался звонок и в проеме приоткрытой двери возникал очередной огромный букет роз.

Во второй раз, опять увидев в глазок цветочную клумбу, Кристина широко распахнула дверь и, не менее широко раскрыла рот, готовая высказать все, что накипело на душе.

— Давайте договоримся сразу! — выпалила она.

Но на пороге с букетом стоял молоденький парнишка, почти школьник, в такой же фирменной кепочке, что была на Майке в прошлый раз. Физиономия юноши была откровенно заспанной. Он мрачно поздоровался, сунул букет в руки опешившей Кристине, попросил черкнуть в блокнот какую-нибудь закорючку и был таков.

Потом была девушка. Потом средних лет тип с бельмом на левом глазу. Все в фирменных кепочках и все, естественно, с букетами. На вопрос, от кого цветы, пожимали плечами.

— Без понятия!

— Вам виднее!

— Спросите у начальства, вот телефон.

Первые три дня, вернее, три утра, Кристина по инерции негодовала. Слегка. Подозревала какой-то подвох, какую-то насмешку. С каждым разом негодования становилось все меньше и меньше. Потом незаметно для себя Кристина смирилась. В конце концов, каждая женщина достойна, как минимум, одного букета цветов в день. Чем она-то хуже? В этом нет ничего сверхъестественного. К концу недели она уже привыкла к утренним звонкам, как к данности. Букеты роз постепенно оккупировали квартиру Кристины.

Розы, розы, розы, розы! Букеты различались только размерами. И, разумеется, цветом. Такого буйства цветов и оттенков наша бедная Кристина, естественно, никогда вживую не видела. Даже не подозревала о таком многообразии. Ни один из букетов не повторял другого. К концу первой недели комната Кристины превратилась, то-ли в артистическую гримуборную популярной супер-звезды, то-ли в филиал цветочного салона средней руки.

Пришлось зайти в цветочный магазин, проконсультироваться. Как, каким образом их лучше всего сохранять? Как ухаживать, чтоб дольше не потеряли своей прелести? Возможно ли некоторые из них засушить на память? Как это делается?

Словом, забот и тревог у нашей Кристины заметно прибавилось. Если бы у нее был свой небольшой клочок земли! Маленький сад. Хотя бы, два на три метра....

Мечты, мечты.

Конечно, зловредные шипы внесли свою ложку дегтя. Пару раз с непривычки Кристина довольно больно укололась. До крови. Пришлось доставать на кухне

из аптечки йод, бинт и вату. Тщательно перебинтовывать указательный палец правой руки. И мизинец левой. Но это пустяки по сравнению с ощущением радости и затаенного восторга.

К началу следующей недели она уже сравнивала одни букеты с другими. Вчерашний был явно лучше сегодняшнего. Но менее выразителен, нежели позавчерашний.

Короче, вечерами она уже заготавливала банки с водой. И даже купила на рынке две симпатичные вместительные вазы.

Конвейер букетов работал бесперебойно, как сборка машин на автозаводе Форда. Соседи недоумевали и откровенно изнывали от любознательности. Высказывали различные предположения о происхождении букетов. Пересказывать их воспитание не позволяет.

Поток букетов кончился к концу второй недели. Точнее, в четверг утром. Кристина уже по привычке проснулась на пятнадцать минут раньше, привела себя в порядок и, поставив чайник на плиту, приготовилась ждать.

Звонка в дверь ровно в семь не последовало. Не было его и пятнадцать минут восьмого. И в половине восьмого тоже не было. В то утро в дверь Кристины не звонил никто.

Утром в пятницу история повторилась. В смысле, за дверью на лестничной площадке опять стояла привычная противная тишина.

За утренним чаем, Кристина неожиданно для себя слегка поплакала. Так, чуть-чуть. Просто стало очень

обидно. Она уже приготовила для очередного букета прекрасное место возле книжных полок.

Кристина окончила школу с золотой медалью. Но никуда не поступала. Не до того было. Внезапно умерла мама. Ушла утром в поликлинику к знакомой врачуше померять давление. И больше не вернулась. Потом, оставшись совсем одна, Кристина вспоминала. Мама часто держалась рукой за середину груди и массировала себе левую руку. Но никогда не жаловалась. Лекарств никаких не принимала. Кроме крохотных белых гомеопатических шариков.

Во время похорон и поминок Кристина не проронила ни слова. Сидела с каменным отстраненным лицом. Ни взглядом, ни жестом, ни единой слезинкой не выказала окружающим, что творится у нее на душе. Двоюродные тетки и многочисленные соседки обменивались многозначительными взглядами.

— Поплачь, детка, поплачь! Легче станет.

Но Кристина была замкнута и совершенно неконтактна. Тетки и соседки единодушно пришли к однозначному выводу. Девочка выросла эгоистичной, бесчувственной, надменной и вообще. Трудно ей будет жить среди нормальных людей.

Что правда, то правда. Девушке Кристине жилось трудно. Ничто не давалось ей просто так. На блюдечке с голубой каемочкой. Никаких подарков ей жизнь никогда не преподносила. Всего приходилось добиваться своим трудом, упорством и стоицизмом.

Ежедневно, скрупулезно, шаг за шагом, по кирпичику выстраивала девушка Кристина свой хрупкий мир. Записывала в дневник задания на день. Вечером сле-

дующего дня сама себе выставяла оценки. По пятибалльной системе. Была к себе строга, требовательна и очень объективна. Никогда ее оценки не превышали четыре с плюсом.

Подруг не было, друзей тоже. Двоюродные тетки и соседи по подъезду не в счет.

Букеты прекрасных роз единственное исключение. Вот теперь и они кончились.

Кристина допила чай, тщательно вымыла чашку под краном, аккуратно поставила на полку. На свое законное место.

Придется устроить внеплановый поход в Третьяковку. Другого источника для поддержания силы своего духа у нее не было.

Кристина даже и не подозревала, в Третьяковке на любимом месте, возле любимого портрета «Всадница» она нос к носу столкнется с Майком.

Вчера одна из заказчиц, копия располневшей Марыли Родович, учинила Майку унылый занудливый скандал. Если скандал вообще может быть унылым и занудливым. Майк изобразил заказчицу во всей красе, сидящей в саду на фоне загородного дома за столом. Самовар, чашки, плюшки, сплошное пышное изобилие. Легкий намек на Кустодиева. Старался, как мог, уменьшил формы этой особы. Скинул килограмм двадцать веса. Заодно лет пятнадцать возраста. И даже добавил талию. Хотя последней у жены владельца сети табачных магазинов и в помине не было.

Но этого оказалось мало.

— Майк! Милый! Не могли бы вы убрать эту... пафосность? Вы понимаете?

Майк кивнул, он понял. Предстоят переделки.

— Пафосность сегодня не в моде.

«В моде сегодня зеленые бумажки!» — подумал он.

— Вы лучше знаете. От меня будут шараться, как черт от ладана.

«Надо было изобразить тебя, идиотку, девочкой на шаре. В стиле Пикассо. Твоего мужа уголовника, цирковым акробатом!» — неожиданно со злостью подумал Майк.

Вслух, разумеется, начал уверенно бормотать нечто среднестатистическое, удобоваримое. Мол, хорошего человека всегда должно быть очень много. Мол, девяносто процентов мужчин любят исключительно полных женщин. Остальные десять процентов просто себе в этом не признаются. Мол, сами подумайте, кому они нужны, все эти вешалки, шатающиеся по подиумам. И тому подобную белиберду.

А про себя очень удивился. Никогда, никогда за все годы работы он даже мысленно не позволял себе оценивать внешний облик и моральные качества клиентов. Всегда был нейтрален, отстранен и внутри совершенно равнодушен.

Хозяин, барин. Вы платите, я выполняю работу. Спасибо, до свидания. Ничего личного. Время, деньги! Время, вперед. Деньги, на счет.

— Майк! Милый! Подарите мне праздник! Через месяц мне исполняется тридцать восемь! Мы с мужем пригласили друзей. Портрет – главная фишка вечера!

«Главная фишка, что тебе пятьдесят девять!» — думал Майк.

— Что вам стоит! Пару раз махнуть кисточкой!

Майк вздрогнул, напрягся.

«Дура! Клиническая дура! Пару раз махнуть кисточкой! Господи, с кем приходится общаться? Перед кем юлить и пресмыкаться!?».

Опять-таки, впервые в жизни у него возникло неудержимое желание схватить холст с мольберта и бить, бить, бить прямо по башке этой медузообразной особе.

— Я достойна лучшего портрета!

«Идиотка! В башке сплошь рекламные слоганы!» — подумал Майк.

И неожиданно мысленно обратился к самому себе с вопросом. Чего ранее тоже никогда за собой не замечал.

«А у тебя? У тебя самого-то в башке есть хоть что-то ценное? Неожиданное, яркое, оригинальное? Не криви душой, Мишутка. Если быть честным до конца, у тебя самого в голове сроду не заводилось ни одной стоящей мысли. А уж если совсем до донышка, у тебя в башке вообще никогда не было никаких собственных мыслей. Если что и вертелось, то так, нечто усредненное, взятое напрокат, услышанное от кого-то или заимствованное из очередного, как правило, недочитанного до конца популярного романа. Да, да, Мишутка! Ты пустышка! Ты и раньше не блистал обширным умом. Твоего убогого умишки хватало лишь на покупку модных шмоток».

— Что с вами, Майкл!?

Майк вздрогнул, очнулся. И только тут опять увидел прямо перед собой встревоженное лицо жены вла-

дельца сети табачных магазинов. Она, в самом деле, была до ужаса похожа на Марылю Родович.

— Я в порядке. А что? Что-то не то сказал?

— Вы не произнесли ни звука. Но у вас было такое лицо...

— Излишне творческое?

— Лицо человека, который заблудился ночью в незнакомом городе.

«Где-то я уже это слышал!» — подумал Майк.

— У меня всегда такое лицо, если в голову приходит очередная идея.

— Вы говорите неправду.

«Она не так глупа. Во всяком случае, не глупей меня. Что, кстати, в свете последних событий не так и трудно».

Под «последними событиями» Майк, разумеется, понимал исключительно две встречи с курьером Кристиной.

Дальше разговор с женой владельца табачных магазинов непредвиденно свернул с накатанной асфальтовой колеи на разбитую проселочную дорогу, с ухабами, ямами и колдобинами. Свернул его сам Майк.

— Вы любите мужа? — неожиданно спросил он.

До такой степени неожиданно для себя, что мысленно зажал одной ладонью рот, другой сам себе врезал по затылку.

— Да-а... — медленно ответила жена табачника.

Весь ужас состоял в том, что Майк начисто забыл ее имя. Бывает же такое!? Нагло заглядывать с настоль-

ный календарь или щелкать памятью мобильного, верх хамства. Заказчица мгновенно засечет, обид не оберешься.

Последние дни в общении с клиентами Майк допускал промах за промахом. Иной раз и сам не замечал этого. Встряхивался и возвращался в реальность только когда видел перед собой удивленно вскинутые брови и изумленные до крайности глаза очередной заказчицы. Все из-за этой девчонки курьера.

Кристина, Кристина!

«Именины у Кристины,

Полон дом гостей!»

Откуда это? Кажется, эту популярную песенку исполнял когда-то квартет «Секрет».

— Он меня бросает! — неожиданно всхлипнула жена табачника. — Портрет — моя последняя надежда. Я хочу напомнить ему... Он решил устроить мне юбилей и отправить обратно в Саратов.

«В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!» — некстати мелькнуло в голове Майка.

— Майк, милый! Вы кудесник, все можете. Хочу, чтоб муж увидел меня, какой я была, когда мы встретились. Хоть что-то в нем шевельнется, что-то человеческое осталось в нем. Не верю, чтоб все сожрали эти баксы проклятые.

«Только женских слез мне не хватало!» — уныло подумал Майк.

— Напишите, чтоб я была молодой и красивой.

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!» — некстати вспомнилось Майку.

— Понимаю, я уже не та. Чего я только не делала. Фитнес, подтяжки. Он даже не смотрит в мою сторону. Извините, Майк!

Жена табачника всхлипывала все громче. Вот-вот готова была разрыдаться.

— Не страшно. Художник сродни врачу. Мне доводилось слышать и не такие откровения. Я буду нем, как рыба. Из этих стен не выйдет ни слова.

Никто не знал самой большой тайны Майка Кустоффа. Внутри Майк панически боялся женщин. Если бы кто-то из его тусовки произнес это вслух, смельчака просто подняли бы на смех. Но это было сущей правдой. Именно потому всех позирующих заказчиц, надо — не надо, для начала он просил раздеться. Догола. Мрачно осматривал со всех сторон, просил, поднял вверх руку или согнуть в колене ногу. Потом, якобы, решив что-то крайне важное, небрежно бормотал себе под нос:

— Это вам будет стоить...

Далее он называл такую сумму в долларах, дух захватывало! Любая позирующая напрочь забывала о своей наготе и начинала судорожно умножать и вычитать в уме разные цифры. Через минуту начинала так же судорожно торговаться.

— Одевайтесь, — не глядя на «натуру», бросал Майк.

— Майк, милый! Понимаю, вы очень популярный талантливый художник. К вам очередь на три года вперед. Но нельзя ли... несколько... уменьшить...

— Обращайтесь к Никасу! — пожав плечами, равнодушно отвечал Майк, — Он слупит с вас раза в три

больше. Кисти и краски с холстами мне почему-то в салонах никто бесплатно не отпускает. Странно, правда?

Очередная заказчица, она же модель-натурщица-жертва, понимающе кивала.

— Жизнь такая! — вздохнув, обычно завершал беседу Майк, — Разумеется, если вы не согласны...

— Я согласна! — шептала жертва.

А что касаясь категорического требования непременно раздеться, тут дело гораздо серьезнее. Началось это не вчера, и кончится не завтра. Только со стороны может показаться – патология. В действительности...

В действительности заказчиц долго уговаривать не приходилось. Девушки и почтенные матроны всех весовых категорий с готовностью оголялись по первому его требованию. И чаще всего потом еще предъявляли претензии. Почему собираетесь писать не в полный рост? Ни слишком ли все задрапировано какими-то материями? Может, взять за образец классику? Например, эта... как ее? «Даная в золотом дожде»?

Майк приводил железные аргументы. Мол, портрет по природе своей ограничен, как бы, рамками жанра. Мол, главное – лицо, зеркало души. Мол, парадный портрет в полный рост, да еще в обнаженном варианте, вообще нынче не та фишка. Он чувствовал, его не слышат.

Доводы мастера отвергались с порога. Поджатые губы, узкие от обиды щелочки глаз, из которых, того гляди, брызнут слезы, глубокие вздохи, односложные ответы.

Ох, как он ненавидел в эти мгновения женщин!

Когда это началось? Откуда взялось?

— Мишутка! Вынеси мусорное ведро-о!

Каждый день, а то и дважды в день, своим пронзительным оперным голосом на весь двор ласково просила его мать. Окна их квартиры всегда настежь, мама любила петь на весь двор. Мишутка вздрагивал и съеживался. Несколько секунд сидел неподвижно на потертом кожаном диване и ждал чуда. Вдруг мать забудет, вдруг попросит соседку по коммуналке или, чего, кстати, никогда не случалось, вынесет ведро сама. Но, нет! Чудо никогда не происходило. Стиснув зубы, покраснев и хмуро глядя себе под ноги, Мишутка хватал на кухне из-под стола ненавистное мусорное ведро и, хлопнув дверью, под насмешливыми взглядами всего двора, волок это ненавистное мусорное ведро к ненавистному мусорному деревянному ящику. Через весь двор.

— Мишутка! Ты такой толстый, ты много ешь?

— Мишка, Мишка! Где твоя улыбка?

Мгновенно начинали дразниться и петь хором все девчонки двора. Забросив все свои прыгалки-скакалки. Они дразнились так, никаких сил не было терпеть. Но Мишутка терпел.

Только одна девчонка с большим бантом на затылке и темными глазищами, как две спелые вишни не участвовала в этой травле. Не смеялась над Мишуткой, не дразнилась, как все. Стояла неподвижно в стороне и сверлила его насквозь своими темными зыркалками. Мишутка почему-то был уверен, она и есть главная заводила. Она главное зло.

Оперная мама раз в неделю обязательно устраивала домашние концерты. При настежь распахнутых окнах

и приглашенных соседках пенсионерках. Чтоб весь двор слышал и наслаждался. Мишутку усаживала на стул у стены и после каждого номера заставляла изображать бурные и продолжительные аплодисменты. Плавно переходящие в овации.

Ох, как Мишутка ненавидел оперу, балеты, вообще театры и все, что с этим связано. Словами не передать. Любой звук из горла оперной мамы вызывал у него почему-то устойчивый зуд между лопатками. Почесаться нельзя, не дотянешься, руки короткие. Попросить маму прекратить петь и почесать ему спину, об этом и думать нельзя. Приходилось терпеть. До стиснутых кулачков, до слез на глазах.

Зуд проходил, как только оперная мама закрывала рот. Бывает же такое! Мишутка неистово изображать бурные и продолжительные. Ему уже легко дышалось. Хотелось сразу побежать во двор, повиснуть на турнике и болтать от переполняющей радости ногами. И что-нибудь орать при этом. Во все горло.

Оперная мама, естественно, не подозревала о процессах, происходящих в организме и душе мальчика. Стиснутые кулачки, слезы на глазах и восторженное состояние после исполнения очередной арии, относила исключительно на счет своего могучего оперного таланта. Кстати, глаза у оперной мамы были темными, жгуче темными, как у цыганки.

С того времени Майк на глубинном неосознанном уровне начал опасаться женщин с темными глазами. Всячески избегал их или сходу конфликтовал по принципу, «сначала я ей дал сдачи, чтоб знала свое место!». А тогда, в детстве...

Ох, как он ненавидел всех девчонок, девушек и вообще, всех женщин рода людского! Может, с тех пор сидит в нем эта самая обида? Сидит занозой, и никакими силами ее из памяти не выковырнешь! Отсюда пренебрежительное, настороженное и откровенно циничное отношение ко всем женщинам.

Вот и не верь после этого старику Фрейду.

Все наши комплексы родом из детства. Хотя, откуда родом им еще-то быть? Не из старости же, в самом деле!

— Мишутка! Вынеси мусорное ведро!

Оперная мама часто гастролировала. В основном, по отдаленным военным городкам и гарнизонам. Гастроли становились все чаще и длительнее. Пока однажды не закончились совсем. В смысле, из очередной поездки она вообще не вернулась. Мишутка остался совсем один, как перст. На попечении старенькой соседки, которая ласково называла его «внучок» и, несмотря на преклонный возраст, обувала его, одевала, отправляла в школу и даже сама выносила во двор ненавистное мусорное ведро.

Только став совсем взрослым, Мишутка, тогда уже студент Строгановки, случайно узнал то, о чем давно догадывался. Оперная мама в Хабаровском военном округе влюбилась в какого-то храброго сержанта и вышла за него замуж. Теперь у нее уже двое детей. Она руководит оперной студией при гарнизонном Доме культуры. Наверняка, поет дуэтом со своим сержантом.

Марыля Родович между тем распалялась все больше.

— И вы тоже хороши, Майк! — неожиданно злобно заявила она, — Я вам доверилась, отдала в ваши руки свою судьбу, а вы!? Что вы тут намалевали? Какая-то злобная карикатура! Я платить за эту мазню не собираюсь!

И вдруг Майка заклинило. Откуда-то изнутри, из желудка поднялось дикое раздражение. Некоторое время он еще сдерживался. Потом сорвался:

«Какого черта!? Почему я должен вилять хвостом и юлить перед этой...? Только потому, что у ее муженька сейфы лопаются от зеленых?».

— Знаете что, любезная! Идите-ка вы.... Понимаю ваше трудное положение, но я не пластический хирург! И не холуй! Я художник портретист!

— Вот и отлично! У нас договор! И будьте любезны...

— Договор расторгнут! Все!!! И пошла-ка ты... чушка с ушами!!!

Подобного хамства Майк Кустофф не позволял себе никогда. Марыля Родович побледнела. Потом лицо ее налилось красной краской и стало как молдавский помидор. Она резко повернулась и стремительно пошла к двери. Но на пороге, само собой, остановилась. Какая из женщин просто так уйдет? Не оставив за собой последнее слово.

— Вы меня оскорбили до глубины души! Предупреждаю, буду мстить! Безжалостно и бесконечно! Бойтесь гнева оскорбленной женщины, Майк Кустофф-фф!!!

Гневная Марыля, не иначе в порыве ярости вмазала в конец его фамилии, аж! целых три «Ф-Ф-Ф!». Никак не меньше.

Но Майк уже довольно спокойно смотрел на нее. Весь запал куда-то исчез, испарился. Ему было, даже слегка жаль эту стареющую женщину.

Марыля Родович вышла из мастерской и так шарахнула дверью, даже люстра под потолком вздрогнула. Майк только укоризненно покачал головой. Никогда не понимал людей, срывающих свое настроение, свои неудачи на предметах. Вещи-то при чем?

Он ничуть не пожалел, что выпер Марылю саратовского разлива из мастерской. Разорвал с ней договор. Черт с ней! В конце концов, он никому ничем не обязан.

Если б он знал, она в буквальном смысле – последняя его заказчица. Почти сразу после ее ухода поток заказов резко сократиться. А через неделю и вовсе сойдет на нет. Марыля разовьет феноменальную разрушительную деятельность. Создаст, благодаря своим связям и контактам, вакуум вокруг его персоны. И все его дела стремительно покатаются под горку. Если б он знал, вел бы себя совершенно иначе.

Был бы вежлив, как прежде, обаятелен, предупредителен, бесконечно улыбался бы и непрерывно сыпал комплиментами.

Если б знать, в какой люк упасть, на другую бы сторону перейти!

Кристина в это же время быстро цокала каблучками по переулкам Самотеки.

«Любите живопись, поэты!
Лишь единственной дано,
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно»,

«О, Господибогмой! Опять на перекрестке «красный»! Теперь ждать минут десять. Не менее. Машины так и катят потоком, так и катят. Бедным пешеходам остается стоять и маяться в нетерпении. Для кого город, в конце концов? Для людей или для машин?».

«Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас!»

«Все-таки, это возмутительно. Даже подло. Преподносить почти незнакомой девушке дорогие букеты, а потом... потом исчезнуть. Как прикажете это понимать? И все с какими-то намеками. Типичные замашки новых русских олигархов. Человеческое достоинство для них пустяк, нечто несущественное».

«Опять «красный»! Господибогмой! Скоро машин в городе будет больше пешеходов. Нет, уже «зеленый». Следовало бы зайти к этому типу в мастерскую в семь утра, когда он сам, наверняка, и глаза не продрал, и швырнуть ему прямо в лицо все его букеты! Только где взять столько денег? Нет, это не выход».

«Какой-то изощренный садизм. А может, он заболел? И попал в больницу? Нет, нет, нет. Подобные типы не имеют привычки болеть. Они даже в автомобильные аварии никогда не попадают. Нужно вычеркнуть его из памяти. Навсегда. Вместе с его букетами.

Хотя, некоторые из них были очаровательными. Жаль!

Любопытно, скольким женщинам дарил цветы Великий Карл?».

Весь день астролог Деций, как заправский гид, водил художника Брюллова по городу Помпеи и, со смешанным чувством гордости и горечи, показывал достопримечательности.

А таких было немало...

Малый Форум... Главный Форум, окруженный с трех сторон колоннами... Храм Юпитера... налево трибунал... Напротив него Пантеон... Театры... храм Венеры для молодежи...

Не желая огорчать старика астролога, Карл преувеличенно восторгался и восхищался. Хотя в действительности был крайне разочарован. Вся архитектура города была излишне помпезной, порой даже нелепой в своем провинциальном желании перещеголять Рим или хотя бы сравниться с ним, встать на один уровень. Подражательность местных архитекторов раздражала. Копия, как известно, всегда хуже оригинала.

Поздним вечером, уже на улице Изобилия в кабачке Азелины, Карл явно перебрал «помпейского» и отобилия дневных впечатлений и чудовищной усталости, положив голову на руки, уснул прямо за столом...

...очнулся Карл Брюллов в своем гостиничном номере, в просторной постели, с множеством подушек и холодным компрессом на лбу. Возле кровати восседала Прекрасная Юлия с выражением глубокого беспокойства на своем красивом лице. Подле нее, на маленьком столике, стоял кувшин с холодной водой и фарфоровая чаша для смачивания повязок.

За окном монотонно шумел и перекликался разными голосами Неаполь.

В дверях мелькала физиономия любопытной служанки.

— Господибогмой! Вы очнулись! — облегченно выдохнула Юлия.

Графиня Юлия отнюдь не была белоручкой. Еще в детстве на конюшне ухаживала за собственной пони. Потом и за взрослыми лошадьми. Чистила, запрягала, поила... Сменить холодный компресс на разгоряченном лбу любимого человека для нее было поистине подарком судьбы.

— Что с вами было, Господибогмой! — тревожно спросила Юлия. И понизив голос, прошептала. — Я так испугалась...

Сквозь пелену головной боли, Карл долго смотрел на прекрасное и бесконечно дорогое лицо отважной женщины. И молчал.

Наконец через силу проговорил:

— Я был... там!

Юлия мгновенно все поняла. Великий Карл побывал-таки в древнем городе Помпеи. Ее прекрасные темные глаза слегка округлились и, затаив дыхание, она ждала. Но любимый Карл не произнес больше ни слова. Художник погрузился в долгий и тревожный сон.

Италия, конечно, замечательная страна. Памятники архитектуры, соборы и все такое. Неаполь в свою очередь тоже замечательный город. Также много памятников и соборов. Но уж слишком много итальянцев! И все шумные, горластые, бесцеремонные. Услышать плав-

ную певучую русскую речь на улицах Неаполя случается крайне редко.

На следующее утро Прекрасная Юлия и Великий Карл сидели в уютном кафе, что расположено на улице святого Марка и по традиции пили кофе.

— Что там носят женщины? — начала допрос Юлия.

— Мужчины ходят кто в чем. В основном, в тогах. Довольно неудобное одеяние, надо сказать. Женщины, вообще... без ничего.

— Господибогмой! Совсем!? — восторженно প্রশেптала графиня.

— Абсолютно, — подтвердил художник.

— Вы шутите? — воскликнула Юлия. И уловив в глазах Карла ей одной заметные искорки смеха, разочарованно сказала. — Шутите!

— Жаль, что такой прекрасный город погибнет! — вздохнул Карл.

Вокруг шумела пестрая, горластая толпа Неаполя.

Творческие люди в большинстве своем, живописцы здесь не исключение, люди незащищенные, легкоранимые. Гордый взгляд, высоко вскинутая голова или угрожающего вида борода чаще всего скрывают детскую душу. Они, как никто другой, нуждаются в постоянной поддержке. Неосторожное слово или небрежный, неуважительный отзыв может их просто убить. Или травмировать на долгие годы.

Любящим женским сердцем Прекрасная Юлия чувствовала, Карл именно из этой породы людей. Разъяренной тигрицей она бросалась на защиту художника и не уставала по любому подходящему поводу, а подчас и

вовсе без всякого повода, твердить о его гениальности. Что, кстати, абсолютно соответствовало истине. Но полное удовлетворение она испытывала, только когда ей удавалось найти мецената для любимого Карла.

— Анатолий Николаевич Демидов!

— Карл Павлович Брюллов!

Графиня Юлия представила друг другу мужчин и, крайне довольная собой, легко опустилась в изящное кресло.

Карл в некоторой растерянности смотрел на Демидова. С огромной бородищей, тот смахивал на разбойника с большой дороги.

— Карл! Я рассказала Анатолию Николаевичу ваш гениальный замысел насчет написания картины, Господибогмой! О гибели Помпеи! И он, проявив истинную заинтересованность, любезно согласился заключить с вами контракт на покупку будущей картины, если вы, разумеется, ничего не имеете против! Господибогмой, Карл!

Графиня выразительно смотрела на Карла. Потом бросила не менее выразительный взгляд на Демидова.

Мужчины согласно закивали головами.

Знаменательная встреча состоялась в неказистом кабинете ресторана «Прибой» города Неаполя. И кто знает... Если б не беззаветная, преданная любовь графини Юлии... если бы не щедрость и мудрая дальновидность уральского промышленника Демидова, мир, возможно, никогда бы и не увидел гениального полотна Карла Брюллова...

Карл работал, как одержимый. Уже все стены, столы и стулья, и даже кожаный диван мастерской, которую графиня специально сняла для него, заполнили эскизы, наброски, зарисовки...

Художник даже не пытался восстановить ТЕ свои впечатления. Смутные воспоминания толкали его необузданную фантазию на создание все новых и новых образов... Какие-то новые лица, позы, глаза, детали быта, части одежд вспыхивали в его голове и тут же гасли, прежде чем он успевал перенести их на бумагу.

Карл уже несколько дней не выходил на улицу и на вопрос графини: «Какой вчера был день?», отвечал:

— День был без числа.

Только под напором неудержимой Юлии, не отрывая глаз от бумаги и не выпуская из рук карандаша, продолжая работать, Карл открывал рот, судорожно что-то глотал... что-то жевал из рук графини, чем-то запивал... Он был в каком-то деятельном полусне!

Но общего замысла не было. Разрозненные детали никак не желали складываться в какую-либо общую картину.

Посреди мастерской на мольберте стоял большой холст.

Но на нем не было ни единого штриха. Своей девственной белизной он просто давил на художника. Карл даже избегал смотреть в его сторону.

Наконец Юлия не выдержала. Почти силой вытащила Карла из мастерской и, усадив в свою карету, повезла к морю.

Карл и Юлия медленно брели по пляжу вдоль кромки воды. Море было зеркально неподвижным. Солнце слепило глаза. Невдалеке какой-то здоровенный детина, лежа на спине и подняв вверх голую ногу, покачивал на ней крохотную девочку. Вверх-вниз, вверх-вниз... Девочка отчаянно визжала и заливалась счастливым смехом. Ее тонкий голосок, колокольчиком, разносился по всему пляжу.

Карл почему-то подумал, ведь у него не было счастливого детства. Отец никогда не возил его к морю. И уж тем более, никогда не «катал» на своей вытянутой ноге.

— Карл! — неожиданно ласковым тоном произнесла Прекрасная Юлия. — Это моя идея, вы согласны?

— Какая-токая, идея? — поднял вверх брови художник. Хотя уже прекрасно понял, куда клонит графиня.

— Господибогмой! Насчет картины о Помпеях!

— Разумеется. Никто не отрицает.

— В следующий раз возьмите меня с собой. Я имею право!

— Следующего раза не будет! — категорически заявил Карл.

И, разумеется, ошибся. На следующее утро он опять был...

...на том же пляже. Открыв глаза Карл, увидел по-прежнему голубое, безоблачное небо. А, скосив глаза чуть в сторону, того же здоровенного детину, который на вытянутой ноге покачивал крохотную девочку. Девочка заливалась счастливым смехом.

Карл повернул голову в другую сторону и, увидев пологие склоны Везувия, без кратера, как ни странно улыбнулся.

Он опять был в Помпеях.

— Ты где пропадал? Я весь город исколесил...

Услышал над своей головой Карл уже знакомый, чуть сипловатый голос. И мигом поднялся на ноги.

Деций нетерпеливо переминался с ноги на ногу и, как обычно, раздраженно хмурился.

— Пошли! — приказным тоном произнес он.

Карл отряхнул одежду от песка и, подхватив подмышку свой походный блокнот, последовал за астрологом.

— Как тебя зовут? — не оборачиваясь, спросил Деций. — В прошлый раз ты так и не назвался.

— Карл.

Парочка направлялась напрямиком к городу.

— Странное имя. Откуда родом? — допытывался Деций.

— Я из разных мест, — уклончиво ответил художник.

Путь их пролегал через несколько спортивных площадок. Чуть в стороне возвышался храм Венеры, покровительницы молодежи.

Справа и слева от дорожки, по которой топали Деций с Карлом, молодые люди в коротких туниках с усердием наращивали мускулы. Метали, прыгали, боролись друг с другом и, обливаясь потом, поднимали большие каменные ядра.

— Метайте, метайте! — с неожиданным раздражением пробормотал Деций. — «В здоровом теле, здоровый дух!». На самом деле, одно из двух.

— Вы уверены? — изумился Карл.

— Научно доказанный факт, — пожал плечами Деций. — Боги на Олимпе всем поровну отмеряют здоровья. Хочешь быть здоров...

...дальше Деций понес какую-то околесину насчет того, что как раз наоборот, надо очень много пить вина. Что кислая среда внутри организма создает невыносимые условия для мельчайших микробов... и тому подобную бредятину. Карл перестал слушать.

Внимание художника привлекла тонкая линия грозовых облаков у самой линии горизонта. Угрожающе черные, с далекими яростными вспышками молний, они ровной траурной каймой окружали Помпеи, Везувий и все окрестности.

Карл никогда не видел ничего подобного. И потому поинтересовался у астролога. Давно ли в Помпеях была гроза? Как часто в последнее время шли дожди? И вообще, что означает эта ровная, черная линия грозовых облаков на горизонте?

Деций ничуть не удивился вопросу. Поморщился и раздраженно передернул плечами. Словно его спросили, каждое ли утро над Помпеями восходит солнце.

— То и значит, что скоро конец света! — не оборачиваясь и не сбавляя шага, ответил астролог.

Карл не стал уточнять, он понял. Черная полоса грозовых облаков на горизонте, со всех сторон окружившая город, самым непосредственным образом связана с надвигающейся катастрофой. На какое-то мгно-

вение ему стало страшно, по спине даже забегали мурашки, но, взглянув на шагающего чуть впереди Деция, который бодро бубнил себе под нос какую-то песенку, (одному ему известную!), Карл слегка приободрился.

Все-таки, извержение будет не сегодня. И не завтра. Еще есть время. Во всяком случае, лично у него.

Художник почему-то был убежден, Деций проживает в какой-нибудь захудалой хибаре. Вроде той, в которой обитал совсем пропащий художник Кайл. Но когда Деций привел его на улицу Изобилия и, распахнув внушительные ворота, пригласил во двор, Карл понял. Внешность, действительно, бывает очень обманчива.

Как выяснилось, Деций проживал в приличном двухэтажном особняке. Стены и веранды были сплошь увиты плющом и виноградом. Во дворе плавательный бассейн и огромный лохматый пес на цепи. Все как у приличных, зажиточных людей. Ремесло астролога, как видно, совсем неплохо оплачивалось.

Деций на ходу потрепал по загривку лохматого пса и, кивнув Карлу, направился по дорожке в дом.

— У меня есть план спасения Помпей! — на ходу бросил он.

Слева от дорожки на небольшой лестнице тянула руку к виноградной грозди пышнотелая девушка с ярким румянцем на обеих щеках. Увидев Карла, она приветливо улыбнулась ему, как старому знакомому и помахала ручкой.

«Чур, меня!» — пронеслось в голове Карла, и он вошел в дом.

Святая святых, кабинет астролога располагался на втором этаже особняка. Чего тут только не было! Карты

звездного неба с изображениями зверей и птиц, диковинные таблицы из цифр и вовсе непонятных знаков. Особое внимания Карла привлек письменный прибор стоявший на большом столе. Перья, явно из египетского тростника и чернильница с темной краской из сока каракатицы.

По всему кабинету, тут и там, стояли какие-то странные приборы, понять назначение которых было выше разумения Карла.

Деций разложил на столе несколько пергаменных листов и, грозно сдвинув брови, объявил Карлу:

— До извержения осталось двадцать четыре дня!

Художник развел руками в стороны. Мол, на все воля Богов.

— Читай! — приказал Деций. И не спуская с художника напряженного взгляда, присел чуть в стороне на скамеечке.

Карл подошел к столу и, не присаживаясь, начал читать.

При всей наивности и безрассудстве, план Деция оказался не таким уж глупым. Были даже неожиданные решения.

Например, «всем, оставшимся в городе, повязать на головы подушки или любые другие мягкие ткани, чтоб при падении камней, избежать особенных ушибов...».

Или еще... «Все общественные здания подпереть с четырех сторон большими бревнами, кои можно спилить с бесполезных мачт у судов, находящихся в заливе, и укрепить оные на распорках, чтоб удержать здания от разрушений...».

Или... «Прокопать вдоль улиц канавы, глубокие, чтоб раскаленная лава могла свободно стекать в залив...».

Или... «Заблаговременно обильно поливать крыши домов, во избежании загорания от горячего пепла...».

Закончив читать, Карл повернулся к Децию. Тревожное выражение абсолютно детских глаз астролога, конечно, слегка смутило художника, но, собравшись с духом, он сказал:

— План хороший, но невыполнимый.

Деций подскочил, как ужаленный.

— Не веришь!? — начал он раздувать ноздри.

Как каждая подлинно творческая личность, Деций не выносил даже малейшей критики в свой адрес.

— Как его претворять в жизнь? — мягко спросил Карл.

В этом вопросе для Деция явно не существовало никаких тупиков.

— Подниму восстание рабов! — невозмутимо заявил он.

«Он, мятежный, ищет бури!» — пронеслось в мозгу художника. И Карл отрицательно помотал головой.

— Был у вас уже один... Спартак. Кровь, насилие...

— Когда это было-то! — поморщился Деций. — Двести лет тому назад! И не надо со мной спорить! — неожиданно взвился он. — Я всегда прав! Твой Спартак был необразованным человеком! А я... я ученый! Государствами должны руководить ученые... А не всякие там... Художники, поэты-недоучки...

Кого имел в данном случае в виду астролог, Карл не понял, но предпочел не выяснять.

Деций мерял шагами взад-вперед свой кабинет и с откровенной неприязнью посматривал на Карла. Художник, согласившись, кивнул.

— Где нам, дуракам, чай пить.

— Что пить? — недоуменно переспросил Деций.

— Чай, чай. Есть такой напиток в... в диких странах.

Карл почувствовал, еще немного и они вдрызг разругаются с астрологом. Потому посчитал за лучшее забрать свой походный блокнот и направиться к двери.

— Жду вечером на ужин! — услышал он, спускаясь по лестнице.

Проходя по двору, он опять увидел пышнотелую, улыбчивую служанку. Она уже забралась по лестнице совсем высоко и, придерживая одной рукой юбку, предельно обнажила полные ноги. Разумеется, она опять улыбнулась. Еще приветливее.

Если бы у Карла не было опыта общения с натурщицами, он бы дрогнул. Любой бы на его месте, дрогнул. И как минимум, бросился бы помогать. Проявив себя воспитанным человеком, предложил бы помочь спуститься... И все такое.

Карл выдержал. Он нахмурился и решительным шагом направился к воротам.

Помпеи были как на ладони. Со склона соседней с Везувием горы отчетливо были видны все улицы, площади, большинство храмов и общественных сооружений города. Карл пристроился на небольшом камне, рядом с извилистой тропинкой, ведущей к заливу, и схематично набрасывал план. В прошлое «посещение»,

в силу стремительности событий, он не успел сделать ни единого штриха.

Теперь предстояло наверстать упущенное.

Неожиданно перед художником, загоразивая ему, вид на город, появилась юная всадница. Она резко осадилась своего могучего коня в двух шагах от художника и, с трудом удерживая его на месте, начала бесцеремонно рассматривать Карла.

На юной амазонке была туника с широкой пурпурной полосой, что означало: во-первых, она чья-то дочь из аристократической семьи, во-вторых, ей нет еще и шестнадцати. Впрочем, об этом можно было сразу догадаться, едва взглянув в лицо девочки.

— Что скажете? — после длительного молчания изрек художник.

— Ты не тот, за кого себя выдаешь! — был ответ. — Я знаю художника Кайла. Брала у него уроки. У него нет никакого брата.

— Стало быть, меня нет. Забавно, — усмехнулся Карл, внимательно рассматривая юную всадницу. — Забавно...

Самое забавное было в другом. Лицом юная особа тоже до боли напоминала графиню Юлию. Но Карл уже привык к подобным играм судьбы. Принимал их как нечто неизбежное.

— По городу ходят разные слухи, — подозрительно сообщила она.

— Например.

— Что ты лазутчик из далекой страны...

Карл понимающе кивнул.

— Проник в ваш процветающий город, чтоб украсть секрет приготовления помпейского вина?

— Не знаю, не знаю...

— Послушайте, амазонка...

— Я не амазонка! — выпалила всадница. — Я Джованна! Я дочь правителя Помпей Гая Юлия Полибия!

— Сражен! — опять усмехнулся художник. — И преклонен! Не могли бы вы, юное создание, слегка унять вашего скакуна и несколько минут посидеть спокойно.

— Для какой надобности?

— Хочу набросать ваш портрет.

— Как ты смеешь! Недостойный! — гневно воскликнула юная всадница. — Благодарю Богов...

И не договорив, бросив на художника взгляд, полный гнева и презрения, всадница, пришпорив коня, скрылась за кустами.

«Жаль!» — подумал Карл. «Мог бы получиться неплохой портрет. В девочке что-то есть... Что-то такое... эдакое...».

Поздним вечером художник опять был в кабинете у Деция. После обильного ужина его сильно клонило в сон. Вытянув ноги, он удобно устроился на кушетке.

Деций сидел за столом, перебирал свои бесконечные таблицы.

— Давай о себе... — приказал он. — Год, число, месяц...

— 24 декабря, тыся... — начал Карл и осекся. — Год не помню, хоть плач.

Деций, не оборачиваясь, мрачно бросил через плечо:

— Мне и не надо. Тебе около тридцати... Числа и месяца довольно.

И астролог углубился в свои расчеты. Чем глубже он углублялся, тем недоуменнее становилось выражение его лица. Несколько раз он даже сильно встряхивал головой.

Наконец бросил на Карла ошалелый взгляд.

— Видишь ли... — начал он непривычно мягким тоном. — Очень странно! Ситуация странная. Тебя... нет!

Карл попытался придать своему лицу озабоченное выражение.

— Так может быть?

— Ошибки нет! Звезды не могут врать! Ты... еще не родился!!!

— Не знаю, что и сказать... — пробормотал Карл.

Деций посмотрел на потолок и произнес с тоской в голосе:

— Почему мне никто не верит! Проклятие какое-то!

— Может, ваша наука... — попытался смягчить напряженность Карл. Ему стало искренне жаль лохматого старика.

Деций мотался по кабинету, воздевал руки вверх и что-то бормотал, сокрушенно покачивая головой. Потом резко остановился.

— Астрология наука будущего! В мире все взаимосвязано! Тронешь цветок на лугу, покачнутся звезды на небе! — почти кричал он.

Потом замолчал и, без всякой связи с предыдущим, добавил:

— Давай спать! Утро вечера светлее!

Но основательно выспаться им не дали.

Арестовали веселую парочку среди ночи, почти под утро. Четверо здоровенных охранников, в шлемах, латах, с длинными копьями, подошли к дому и начали дубасить кулачищами в ворота.

Залаял лохматый пес, заголосила пышнотелая служанка. Деция вместе с Карлом выволокли из постелей и вывели на улицу.

Деций спросонья начал возмущаться. Мол, свободный гражданин свободного города имеет право... Но огромный охранник положил ему на плечо свою лапищу и, глядя в сторону, сказал:

— Молчи, пока стоишь.

И Деций смирился. На время.

Так их и вели через весь город, в окружении четырех охранников с копьями наперевес, как особо опасных государственных преступников.

7

Кристина, застыв как изваяние, стояла в любимом зале перед любимой картиной «Всадница» Брюллова. Волнами мимо проплывали бесшумные стайки школьников. Кристина не обращала на них внимания. В ее ушах звучал цокот копыт могучего коня, волосы ее шевелил волшебный ласковый ветер.

Ах, как бы она хотела жить в том мире! В мире красных амазонок, богатых нарядов, в мире тонких изящных чувств, благородных поступков, полных самоотверженности и самопожертвований. Он существует, тот мир! Он не мог просто так исчезнуть, стать всего лишь живописной этнографической экзотикой.

Но она сможет создать свой мир. Полный волшебных звуков, радостной гармонии и бесконечного движения вперед, ввысь. К сияющим горным вершинам. Где нет зависти и злобы. Где люди добры, справедливы и созидательны. Она уже на пути к этому миру. Осталось совсем немного. Надо только терпеть. Терпеть и много трудиться.

Внезапно все кончилось.

Кристина услышала за спиной намерено бестактное покашливание. Она резко повернулась. Легкий испуг, недоумение, раздражение чередой пробежали по ее прекрасному вдохновенному лицу. Через мгновение она взяла себя в руки. И лицо ее обрело обычное выражение привычной надменной недоступности.

Прямо перед ней стоял с неотразимой наглой улыбкой Майк Кустофф.

Одет он был вполне в своем духе. Белый пиджак, черная рубашка и драные с заплатками на самых неожиданных местах джинсы. Вдобавок ко всему, на шее болтался вызывающе пестрый шарфик, непременный атрибут второсортных поэтов и третьесортных художников.

Кристина непроизвольно поморщилась.

— Опять вы! — не скрывая раздражения, спросила она.

Даже не спросила, констатировала.

— Судьба!

Майк виновато развел руки в стороны. Он знал, его слегка виноватая улыбка неотразимо действует на молоденьких женщин. Почему-то только на молоденьких. На тех, что постарше, нужны совсем другие приемы.

— Я зашел сюда совершенно случайно, — сказал он.

Майк со скучающим видом оглядывал стены, будто искал что-то.

— Присматриваете место для своих работ? — не удержалась Кристина.

— Боже-е, сколько сарказма! — радостно ответил Майк, — Между прочим, милая Кристина, ваш Карл Брюллов никогда бы так не сказал.

Кристина мгновенно бросила на него гневный взгляд, метнула без промаха парочку молний. Резко повернулась и направилась к выходу из зала. Майк еще раз убедился, святое для Кристины имя не следует произносить вслух ни при каких обстоятельствах. Не упоминать, ни словом, ни намеком.

Не упоминай все!

Он поправил на шее пестрый шарфик и решительно двинулся вслед за Кристиной.

«Нет таких крепостей!» — вертелось у него в голове.

Как только вышли на улицу, Майк уверенно пристроился рядом, будто они вместе посещали Третьяковскую галерею. И сейчас вышли, плечом к плечу. А вот теперь в некотором раздумье остановились, не зная, как распорядиться свободным временем.

На Кристине была большая широкополая соломенная шляпа. С розовой лентой под подбородком. Кристине постоянно приходилось придерживать шляпу. То одной рукой, то другой. Смотрелась она под этим соломенным сооружением просто очаровательно. Во вся-

ком случае, все прохожие оглядывались и долго смотрели на нее.

— Вы меня преследуете? — сузив глаза, в упор спросила Кристина.

— Не без этого, — улыбаясь, согласился Майк.

— Какая у вас цель?

— Вообще-то я живу бесцельно... — неуверенно протянул он.

— В отношении меня! Любезный! — повысила голос Кристина, — Чего конкретно вы от меня добиваетесь? Должна предупредить заранее, ваши попытки обречены...

— Можно отвечу на ваш риторический вопрос чуть позже? — тихо попросил Майк.

Кристина промолчала. Молчание, как известно, знак согласия.

— Покатаемся? — предложил Майк, небрежно кивнул в сторону своего роскошного джипа. Разумеется, он расчетливо поставил джип у самого выхода из галереи.

— Предпочитаю гулять пешком! — с достоинством ответила Кристина.

В тот день они неожиданно для самих себя бесконечно долго бродили по улицам и переулкам города. Крестину приятно поразила простота и глубина его суждений о живописи, обширность его знаний. Она будто вновь превратилась в студентку вечерних курсов при Третьяковке. Более того, Кристина была удивлена переменной в ее спутнике. Он повернулся к ней совсем другой гранью, незнакомой и непривычной. Застенчивая улыбка, тактичность, деликатность. Откуда все это в

разухабистом пошловатом тусовочном мазиле? Несколько раз она даже порывалась сказать ему об этом открыто, прямо в глаза:

— Господибогмой! Оказывается, вы нормальный, приятный, контактный человек! Зачем вы напяливаете на себя маску циника и проходимца? Вам это совершенно не к лицу!

Но ничего такого вслух не говорила. Держала дистанцию.

— Кто ваш любимый художник? — неожиданно спросила Кристина.

— Левитан, — не задумываясь, ответил Майк.

Что было абсолютной правдой. Майк с детства любил именно этого художника. Считал его лучшим лирическим пейзажистом русской реалистической школы. Трагическая судьба этого живописца до глубины души всегда трогала Майка. Когда впервые прочел в какой-то книге историю его жизни, даже плакал.

Прожить всего сорок лет! Чудовищно мало для человека. Фантастически мало для живописца. Но он успел создать поистине несколько неувядаемых шедевров русской пейзажной живописи. Хотя, только ли Левитан?

Сколько в России было гениальных художников с драматическими и даже трагическими судьбами! Левитан, Саврасов, Васильев.... Всех и не перечислить.

Очень тоскливо становилось на душе Майка, когда он невольно пытался поставить себя в один ряд с ними. Нет, и еще раз нет! Незачем себе морочить голову. Ссылаться на какие-то внешние обстоятельства. Тебе было

немного дано. Но даже те крохи дара ты разменять на зеленые бумажки. Получай, что заслужил.

Майк никогда об этом не говорил вслух о Левитане и других русских реалистах. В его тусовке открыто признаться в любви к русскому реалисту, признать свою старомодность, подобное означает только одно. Стать всеобщим посмешищем, если не изгоем. Другое дело, Модельяни. На худой конец, Пикассо.

Странное впечатление на редких встречных прохожих в тот жаркий производила эта парочка. Заметно хромящая девушка с красивым лицом. И высокий стройный парень. Он непрерывно размахивал руками, забегал то справа, то слева, заглядывал в лицо девушки. При этом ни на секунду не закрывал рот. Развлекал ее изо всей мочи, как умел.

Больше всего Майк боялся остановиться, замолчать, иссякнуть. По опыту знал, молчание в первую и самую важную встречу с женщиной равносильно самоубийству.

Майк говорил без умолку. Кристина молча слушала. Только изредка испытующе поглядывала на него. А Майк заливался соловьем. Как экскурсовод.

Иван Айвазовский написал четыре тысячи полотен. То-ли, даже шесть. До сих пор никто толком не знает. Подсчитать уже невозможно. Разошлись по частным коллекциям по миру.

Фантастическое было время! Еще учась в Строгановке, Майк был поражен, узнав, что все выдающиеся художники того времени были знакомы друг с другом. И если не дружили, то, уж во всяком случае, приятельствовали. Раскланивались при встречах.

Этот факт поражал!

Костя Коровин и Исаак Левитан были учениками Саврасова. А когда этого, поистине гениального художника свалило с ног пьянство, главная беда русского человека, и его попросту отстранили от преподавания в Училище живописи, ваяния и зодчества, их наставником стал никто иной, сам Поленов. Дух захватывает!

Парочка молодых, тогда еще беззаботных художников постоянно шутила, «Старик Саврасов нас заметил...».

Майк говорил и говорил без умолку. Но Кристина не удивлялась. Можно было только догадаться, эти факты ей достаточно хорошо известны.

Майк и Кристина медленно брели по набережной Москвы-реки. Чуть в стороне, почти у самой воды на скамейке сидела экзотическая парочка. Старик и старушка. Оба в легких спортивных костюмах. Старушка держала в руках пачку вафель, с удовольствием отправляла в рот маленькие пластинки. Бородатый старик, скрестив руки на груди и широко раскинув ноги, мрачно смотрел на воду.

— Посмотри! Какая симпатичная пара! Наверняка, они скоро поженятся.

— Наверняка, уже разведятся! — буркнул старик. — Делят мебель.

— Ты все видишь исключительно в негативном свете. Это просто смешно!

— Саманими розовые очки! Она хромая, не видишь?

— Это лишний раз говорит о его благородстве. Неужели не видишь, он ее любит!

— Он ей и сломал ногу.
— Не говори гадостей! Как у тебя только язык поворачивается!
— Я всегда говорю только правду.
— Опять приступ геморроя? Дать таблетку?
— Нет у меня никакого приступа! Помолчи! Дай спокойно подумать.

— В этом пиджаке вы похожи на официанта! — неожиданно произнесла Кристина.

Было выше сил, стерпеть подобное. Даже от такой неординарной личности. Именно от нее Майк не смог стерпеть. На всех других ему давно было наплевать с Эйфелевой башни. Он медленно снял пиджак, тщательно проверил карманы, вынул все мелочи, распихал их по карманам джинсов, скомкал пиджак, сильно размахнулся и... закинул его далеко-далеко в воду! Почти на середину Москвы-реки.

Кристина тихо вскрикнула. Майк, очень довольный собой, усмехнулся.

— Господибогмой! Что за выходки!? Вам они совершенно не к лицу!

— Знать бы, что мне к лицу, — пробормотал он.

Свернутый в ком белый пиджак тихо покачивался на едва заметных речных волнах. Издали он был похож на сложившего крылья и уснувшего лебедя.

Несколько тактов из балета Чайковского здесь были бы очень кстати.

— Мальчишество какое-то!

Они, не оглядываясь на «лебедя» медленно побрели дальше по набережной. Майк ни на секунду не

закрывал рот. Его будто прорвало. Что он молотил и сам не слышал. Кристина, кажется, тоже. Она с изумлением смотрела на Майка во все глаза. Сделав этот широкий театральный жест, он явно избавился не только от дурацкого пиджака. Освободился от чего-то более важного. Кристина это почувствовала.

Неожиданно Майк остановился, как вкопанный.

— Кристина! — глухим голосом, не глядя на нее, сказал он, — Я не могу без вас! Не гоните меня.

— Не торопитесь, Михаил! — вежливо, но твердо ответила она.

В летнем открытом кафе почти не было посетителей. Две-три парочки с детьми. Рай. Майк неподвижным взглядом смотрел на Кристину. Кристина обзревала окрестности.

Подошла официантка.

— Что желаем?

Майк кивком головы указал на Кристину.

— Пломбир! — сдержанно сказала Кристина. — С клубникой.

— Естественно, то же самое. И два бокала фруктовой воды. С пузырьками.

— Это лишнее, — уточнила Кристина.

— Тогда полтора бокала, — не задумываясь, сказал Майк.

— Полтора, это... как? — недоуменно спросила официантка, — Так не положено!

— Лично мне одного мало, два много, полтора будет в самый раз. Принесите два полных, — терпеливо объяснял Майк.

— Из одного ровно половину вылейте за борт. Одного мне обычно недостаточно, — пояснил он Кристине.

— С ума сойти! — пожав плечами, пробормотала официантка.

— Каждый платит за себя! — строго сказала Кристина.

— Разумеется, естественно. Всегда. Во веки веков. Аминь! — поспешно согласился Майк.

— Для меня это принципиально. Никогда никому ни в чем не была обязана. И впредь не собираюсь.

«Бедная девочка!» — подумал Майк. «Никогда, никому, ни в чем! Не сахарное, видно, у нее было детство. И отрочество с юностью тоже!».

Появилась официантка с подносом. Поставила перед каждым вазочки мороженого с клубникой. Потом, поглядывая на Майка с плохо скрываемым презрением, поставила перед ним бокал воды с пузырьками. Второй, покачивая бедрами, как во время приличной качки, поднесла к борту, на глазок отлила за борт половину бокала, поставила на столик.

— Какие еще заказы, претензии, капризы? — сдержанно спросила она.

— Восторг! — обаятельно улыбнувшись, ответил Майк. И, не удержавшись, добавил, — Чувствую, вам хочется и меня вышвырнуть за борт? Я не ошибся, солнышко?

— С камнем на шее, — в тон ему ответила официантка.

— Само собой.

— Но это запрещено законом!

— Мечтать не запретишь, — понимающе кивнул Майк.

— Все?

— Вы свободны, ласточка! — изысканно вежливо ответил Майк.

Потом, не менее двадцати пяти минут оба, искоса поглядывая друг на друга, молча, поглощали мороженое. И за все это время буквально не произнесли ни единого звука.

Согласитесь, в наше болтливое, суетное, нервное время пара, сидящая в кафе, меланхолично поглощающая мороженое и, при этом не произносящая ни звука!? Подобное встретишь не каждый день. Почти тянет на рекорд во всемирной олимпиаде молчунов. Где-нибудь в Скандинавских странах. Но их диалог не прерывался ни на секунду. Оба это чувствовали. И обоим это очень настораживало. Подобное единение душ встречается крайне редко.

— Сходим в парк Горького? — неожиданно предложил Майк. И сам не ожидал, как-то так, вырвалось. Не иначе по детской привычке.

— Зачем!?

Кристина резко остановилась. Сказать, удивилась, ничего не сказать. Она изумилась, и где-то даже оскорбилась. Будто Майк неожиданно предложил обоим раздеться догола и сигануть в Москву-реку. По причине теплой хорошей погоды.

— Покачаемся на качелях. На колесе обозрения, — пожав плечами, сказал Майк.

— Зайдем в комнату смеха, — в том ему съязвила Кристина.

У нее это всегда блистательно получалось. Язвительная ирония. Но это только для умных. Майк же, в данную минуту, обитал где-то с плоскости митрофанушки. Никак не мог взять верный тон. Не врубался.

— Можно и в комнату смеха. Что особенного?

Майк недоуменно пожал плечами. Он уже вполне созрел, чтоб всерьез обидеться.

— Как вы успели заметить, у меня имеется некоторый физический недостаток. Усугублять его уродливыми отражениями у меня нет ни малейшего желания.

— Кристина! У вас нет недостатков! — чуть не закричал во всю глотку Майк. Во всяком случае, произнес это громко, четко, искренне и очень взволнованно.

— Оставим это! — жестко ответила Кристина.

— Я знаю, что говорю! Все-таки, я художник, как никак. И вдобавок мужчина. Уж поверьте, вы на редкость гармоничная личность!

— Знаю. Но от этого ничуть не легче, — с неподдельной грустью, ответила она.

Впервые за все их встречи Кристина вдруг позволила себе чуть расслабиться. Ей до ужаса захотелось кому-нибудь пожаловаться. На все сразу. На жизнь. На ее несправедливость. На внезапную раннюю смерть мамы. На ежедневную травлю соседок по подъезду.

Долгие годы она терпела. Терпела, терпела. И была вечно одна. Одна, одна, одна. Ни подруг, ни родственников, никого.

И вдруг Кристина не выдержала. Всклипнула каким-то почти звериным всхлипом и бросилась к Майку.

Поскольку была значительно ниже ростом, она уткнулась лицом ему куда-то под мышку и разрыдалась.

— Господибогмой! — едва слышно шептала она, — Господибогмой!

Майк ожидал чего угодно, только не подобного эмоционального всплеска. Он как-то неуклюже, неловко, будто никогда не обнимал женщин, прижал к себе Кристину. И начал, как маленького ребенка гладить по волосам.

— Ничего, ничего. Все в порядке. Вы просто переутомились! — бормотал он.

Майк хотел было поднять ее лицо, чтоб заглянуть в глаза, понять, в чем дело, что случилось. Но Кристина только еще глубже зарылась лицом ему под мышку и продолжала трястись от рыданий. Как городской щенок на даче во время летней грозы.

Приступ рыданий Кристины прекратился так же внезапно, как и начался. Это было как порыв ветра. Налетел, пригнул листву кустов до земли, завертел мусор возле урн, взлохматил прически прохожим и стих. Будто и не было.

Кристина одной рукой, кулачком уперлась Майку в грудь, другой, чуть отвернувшись в сторону, несколько раз с силой провела по лицу. Утерла ладонью слезы и вдруг, резко оттолкнувшись от Майка, быстро зашагала по набережной.

Майк едва успел нагнать ее. Она почти бежала.

— Извините. Со мной бывает. Чрезвычайно редко. Извините, — бормотала она.

— Это я должен просить прощения. Ляпнул что-то, не подумав.

— Нет, нет, — поспешно ответила она, — Господибогмой! Вы совершенно ни при чем. Я должна уметь держать себя в руках в любой ситуации. Просто... просто мне никто никогда не предлагал покачаться на качелях. Кроме мамы.

Прощались около метро очень сдержанно. Кристина смотрела в сторону. Явно не хотела лишний раз демонстрировать свои распухшие красные глаза.

Со стороны эта парочка производила впечатление молодоженов, только-только налаживающих семейную жизнь. Из тех, что вечно выясняют отношения, звереют по пустякам, не желая уступать ни пяди завоеванной территории. И примиряются только ночью в постели. А с утра опять все снова-здорово. Короче, никогда чтоб не кончалось это дивное кино. Бывает, даже сходятся в ближнем кулачном бою. Родственники и знакомые в таких случаях разбегаются по углам, кустам и закоулкам. Чтоб ненароком не попасть под горячую руку.

А все дело в схожести темпераментов! Интеллект, образование, воспитание, служебное положение тут ни при чем. Встретились люди с одинаковыми темпераментами, жди беды. Холерик должен жениться исключительно на какой-нибудь меланхолической особе. И наоборот. Меланхолик должен выискивать себе холерическую особу с взрывным темпераментом. Тогда все будет тип-топ.

Правда и тут бывают исключения. Сангвиники, это те, кто сочетает в себе черты и меланхолика, и холерика, отлично уживаются друг с другом. Если судьба сведет. Но она сангвиников, почему-то крайне редко

сталкивает друг с другом. Если и случается, то выставляет обоих в крайне невыгодном свете.

Но мы довольно крепко отвлеклись куда-то в сторону.

Вернувшись около полуночи в свою мастерскую, Майк застал сидящей в кресле одну из своих предыдущих девиц. А может, пред-предыдущую. В общем, он не помнил.

— Как ты сюда попала? — спокойно спросил он.

Неопознанная девица отхлебнула из горлышка большой бутылки внушительный глоток.

— Сам дал ключи.

Этого Майк тоже не помнил. Более того, не помнил, как зовут девицу. Хоть тресни, не помнил и точка.

— Почему не звонишь? — начала допрос девица.

«Это что-то новое!» — подумал Майк.

Если бы Майк помнил номер ее телефона, возможно бы и позвонил. Растолковал бы, между нами все кончено. Вернее, ничего и не было. Трахнулись, разбежались. Но у девицы, судя по всему, на этот счет было противоположное мнение.

— Хочешь, от меня избавиться? Не выйдет, пупсик!

Девица еще раз хлебнула из бутылки и поднялась с кресла. Пошатнулась и, зловеще улыбаясь, направилась к Майку. Майк усмехнулся, покачал головой.

— Что тебя так веселит, пупсик?

— Я думал...

— Не думаю, что ты думал! — с угрозой сказала девица, — Уверен, что ты вообще умеешь этим заниматься?

— Чем этим, солнышко? — спросил Майк.

На всякий случай Майк назвал ее «солнышком», Имя, хоть тресни, не всплывало в памяти, не вытанцовывалась. Тут же внутренне передернулся. В последнее время «солнышком» он называл только Кристину.

— Думать, дорогой, ненаглядный! Думать! Головой! Прежде чем тащить меня в постель, надо было думать...

«Кто кого тащил, еще вопрос?» — мелькнуло в голове Майка.

— Нам надо поговорить! — жестко заявила девица.

Она остановилась в центре мастерской с бутылкой в руках. Широко расставила ноги и начала покачиваться в каком-то, ей одной ведомом ритме. Как певица на эстраде.

«Интересно, на что именно будет тянуть деньги эта пиявка? Какой из трех штампов? Якобы, беременность с осложнениями? Якобы, смертельная болезнь мамы или двоюродного братика? Необходимость срочной операции за границей? Или, якобы, ее кинули на большие деньги? Она, бедная, наивная, продала квартиру и машину, чтоб выручить лучшую подругу? Разумеется, она осталась без копейки. И, естественно, он как джентльмен должен выручить несчастную из беды! Говорят, Никас Сафронов залетел в подобной ситуации на миллион долларов! Ни фиги себе! Хотя, он-то себе может позволить.

Господи! Как все скучно. Кристина, если б захотела, придумала бы что-нибудь пооригинальнее, покруче».

Сам того, не замечая, вольно или неволью, Майк последние дни все девушек оценивал по десятибалльной шкале. На недосыгаемой вершине той шкалы была, естественно, одна она. Остальные болтались где-то между тройками и четверками. Редко кто из прекрасного пола дотягивал до пятерки. О десятке и говорить не стоит. Там безраздельно господствовала курьер и воспитательница подрастающего поколения вдохновенная девушка Кристина.

— Ты должен дать мне денег! — вернула его на землю незнакомая девица. В прошлом, кажется, знакомая, теперь же, хоть убей.

— Много?

— Очень много.

— Должен?

— Если ты порядочный мужчина.

— Зачем тебе много денег?

— Не могу сказать. Это не моя тайна.

«Четвертый вариант! Тень на плетень!» — подумал Майк.

— Если не дам?

— Будешь последним негодяем и мерзавцем. Настоящие мужчины подобных вопросов девушкам не задают. Сколько, куда, зачем?

— Я не настоящий мужчина. И ты не девушка.

— Кто же я, по-твоему?

— Профессиональная пиявка. В малых дозах пиявки благо. Даже полезно для здоровья. В больших

зло. Могут высосать всю кровь. Извини, — улыбнувшись своей неотразимой улыбкой, закончил Майк.

Лицо девицы перекопилось от злости. Она вмиг протрезвела. Произнеся эту тираду, Майк нарушил все мыслимые правила поведения в его тусовке. Никогда не раздражаться, не злиться, никогда не говорить правду. Так, намеками, сравнениями, параллелями, еще допустимо. Но вот так, прямо в лоб. Фи-и, моветон! Настоящий мужчина так не поступает.

Но теперь Майку было в высшей степени наплевать на все правила. На все тусовки.

— Бойся мести обманутой и оскорбленной женщины, Майк Кустоф-ф-ф-ф! — презрительно бросила девица, перед тем, как оглушительно хлопнуть дверью.

И окончательно уйти не только из квартиры Майка, но и из его жизни.

Причем, в конец его фамилии она, не иначе, в порыве ярости впендюрила целых четыре «Ф-Ф-Ф-Ф!». На одно «Ф» больше, нежели Марыля Родович.

Но Майк так и не вспомнил, кто она такая, эта девица. Хотя, самым честным образом пытался. Нет, нет! Все-таки, как только захлопнулась дверь, Майк, вроде, как бы, вспомнил. Правда, еще через минуту понял свою оплошность.

Он ошибся, перепутал девицу с Ларисой. Эта та была поначалу манекенщицей. И ребенок у нее был. А эта... Нет, Майк решительно не помнил, как ее зовут. Вернее, звали. Кто такая, что их связывало? Слишком стандартная внешность, заимствованные ужимки и прыжки, фразы, многократно слышанные из разных уст.

Одно время Майк всерьез озаботился. Не младенческий ли склероз незаметно подползает? Забывчивость, рассеянность, раздражительность. Налицо все признаки. Но почти сразу успокоился. Не один, и не два из его приятелей жаловались на те же признаки. Они тоже постоянно путали девиц. Кто из них которая? Как кого зовут? Черт их знает!

Мотаются перед глазами уцененные Барби. Сек-энд-хэнд. Все на одно лицо. Кто в этом виноват? У них не только внешность, как под копирку. У них и мозги, вернее, их полное отсутствие общее. И фразы, все взято напрокат. В лучшем случае, в кредит. Все заимствовано. Внутри одни хватательные рефлексy. Как у пиявок.

Майк принял душ, постелил на тахту чистое белье, погасил везде свет и даже отключил оба телефона. Он решил основательно выспаться.

8

Той ночью тонкая линия грозовых облаков у самой линии горизонта укрупнилась и заметно приблизилась к беспечному городу Помпеи. Угрожающе черные, с далекими яростными вспышками молний, уже ровной траурной каймой окружали Помпеи, Везувий и все окрестности. Но жители, все как один, не видели этого. Или не желали видеть. Им лень было поднять сплошь хмельные головы от столов и кружек, и попытаться хотя бы посмотреть на звездное небо. Тогда, хотя бы некоторые из них, заметили. Не могли бы не заметить. Над Помпеями уже которую ночь не бывало чистого звезд-

ного неба. Оно каждую ночь сплошь покрыто черными, угрожающе косматыми облаками.

Впрочем, черное кольцо к утру, как правило, чуть отступало. И с восходом солнца над беспечным городом опять ярко светило ослепительное солнце.

Основательно выспаться Карлу Брюллову в ту ночь в роскошном особняке астролога Деция не дали. Арестовали веселую парочку среди ночи, почти под утро. Четверо здоровенных охранников, в шлемах, латах, с длинными копьями, подошли к дому и начали дубасить кулачищами в ворота.

Залаял лохматый пес, заголосила пышнотелая служанка. Деция вместе с Карлом выволокли из постелей и вывели на улицу.

Деций спросонья начал возмущаться. Мол, свободный гражданин свободного города имеет право... Но огромный охранник положил ему на плечо свою лапищу и, глядя в сторону, сказал:

— Молчи, пока стоишь.

И Деций смирился. На время.

Так их и вели через весь город, в окружении четырех охранников с копьями наперевес, как особо опасных государственных преступников.

Первый помощник правителя Помпей долговязый Сумий, который день пребывал в растерянности, граничащей с паникой. Приближались очередные выборы. Остаться на второй срок Гаю Юлию Полибию было крайне проблематично. Конкуренты всех мастей поджимали и справа, и слева.

Содружество «любителей долго поспать» выдвинуло на выборы своего представителя, лентяя и бездельника Марка Церриния Ваттия! Вот только этого не хватало! Этот самый Ваттий был отменным демагогом и краснобаем, мог взбаламутить общественное мнение в самый неподходящий момент.

Да еще этот, Деций. Со своими мрачными пророчествами тоже мог вконец испортить всю предвыборную компанию. И правитель Помпей Гай Юлий Полибий потребовал от Сумия решительно разобраться с надоедливym сумасшедшим астрологом.

Карла Брюллова и Деция подвели к дворцу правителя Помпей и, без всяких объяснений, втолкнули в подвальное помещение с единственным маленьким окошком почти под самым потолком. На полу лежала только охапка соломы.

Карл долго стоял неподвижно, прислонившись спиной к шершавой стене. Деций, напротив, тут же удобно устроился на соломе, достал из-за пазухи лепешку, завернутую в платок, разломил ее пополам и, подмигнув Карлу, протянул ему половину.

Карл отрицательно покачал головой. Еще никогда в жизни он не попадал в подобные ситуации. Никто и никогда его не арестовывал, никто, кроме деспотичного отца, да и то, в далеком детстве, не смел поднимать на него руку. А тут... Сонные охранники несколько раз давали ему подзатыльники и нагло тыкали тупыми концами копьев в спину. Правда, как-то привычно, равнодушно и беззлобно.

Но все равно, это ничуть не смягчало ситуацию. Карл только глубоко вздохнул и помотал головой.

«Когда встречаешься с неизбежным, приветствуй его обеими руками!» — некстати пронеслось у него в голове. Взглянув на астролога, художник невольно улыбнулся.

Деций с аппетитом поедал лепешку. По всему было видно, он не теряет присутствия духа в любых положениях.

В углу подвала показались мордочки двух любопытных крыс. Но Деций топнул на них ногой и те, вильнув хвостами, скрылись.

— Я разочарован в крысах, — вздохнул Деций. — Переоценивают их умственные способности. Если б они обладали такой интуицией, какую им приписывают, давно бы покинули город. А эти... самые заурядные животные. Почти без мозгов.

Карл тяжело вздохнул и опустился рядом с астрологом на солому. Прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. Через час он уже крепко спал.

— Где вы были на этот раз, Великий Карл?

Глаза Юлии горели неподдельным детским любопытством.

— В тюрьме.

— Господибогмой! За что-о!? — ужаснулась графиня.

— Паникерство и распространение ложных слухов о, якобы, грозящем городу землетрясении. Ну и все такое.

— Господибогмой! — только и смогла прошептать графиня. Потом осторожно поинтересовалась. — Надеюсь, условия там были...

— Вполне, — успокоил ее Карл. — Любовь моя! Каждый порядочный человек хоть раз должен посидеть в тюрьме. Расширяет кругозор, обогащает. Мне, как художнику, подобное просто необходимо. Я бы обязал всех учеников Академии художеств специально...

— Господибогмой! Что вы такое говорите!?

Искусствоведы любых времен абсолютно не ведают, какого напряжения физических и духовных сил стоит создание шедевра. Им лишь бы гармонию алгеброй проверить. А гармония рождается в муках.

Дважды за одну только неделю от перенапряжения Карл терял сознание. Дважды его на носилках уносили из мастерской и в карете графини Самойловой перевозили в номер гостиницы под присмотр местных лекарей.

И только когда на огромном полотне появился общий композиционный набросок будущей картины, обессиленный Карл «Сдался на милость» графини Юлии. Устроил себе римские каникулы.

Возвращение из Неаполя в Рим заняло бесконечную неделю, в течение которой Карл нетерпеливо вздыхал и, по выражению Юлии, постоянно «бил копытами», пока опять не вернулся к работе.

Графиня Юлия медленно прохаживалась по мастерской художника. Взад-вперед, взад-вперед... Длинный шлейф ее прекрасного нового платья, на которое,

кстати, Карл даже не обратил внимания, просто не заметил, шуршал по полу, как волны морского прибоя.

— Может быть, вам стоит пригласить натурщиц? — осторожно поинтересовалась Прекрасная Юлия.

— Моя фантазия богаче.

Карл ни на секунду не отрывался от картона. Из-под его карандаша непрерывным потоком, как из рога изобилия, сыпались все новые и новые наброски... Детали одежд, предметы быта, части зданий, чьи-то глаза, отдельные части лет, куски пейзажей...

Графиня подошла к окну и долго смотрела на крыши вечного города. Был прекрасный яркий солнечный день.

Ах, как хорошо было бы сейчас куда-нибудь поехать!

— Господибогмой! — повернувшись к нему, обиженно заявила графиня. — В чем, в таком случае, состоит моя помощь?

— Просто будьте рядом, — бормотал художник.

Дни летели с такой скоростью, с какой листы бумаги вылетали из-под карандаша Карла.

По Риму начали циркулировать слухи. Карл Брюллов создает нечто масштабное, громоподобное. Наиболее любопытные из газетчиков не раз пытались, под видом разносчиков мелких товаров, проникнуть в мастерскую. Но бдительная Юлия наняла двух дюжих молодцов и поставила их, как «атлантов» на улице у входа.

— Карлуша! Ты опять в запой ударился?

Без стука и приглашения в мастерской художника возникла фигура Михаила Глинки. Будучи ближайшим другом Брюллова, он никогда не утруждал себя уве-

домлениями, просьбами о разрешении и прочими светскими штучками. Ввалился в мастерскую художника, когда ему вздумается. «Запоем» он называл рабочее, творческое состояние. Кстати, и первичным значением этого понятия не брезговал.

— Когда закончишь? — спросил он, мельком взглянув на разбросанные по всей мастерской эскизы и наброски.

— В четверг. После дождя, — раздраженно ответил Карл, ни на секунду не прерывая работы. — Ни днем раньше.

— Тебе впору объявление повесить! — веселился великий композитор. — «Работаю всегда!».

— От такого и слышу! — мрачно бросил Карл.

После визита Михаила Глинки, Карл потребовал от Юлии, чтоб ее «атланты» к нему в мастерскую не пускали больше никого.

— Даже меня? — машинально спросила графиня, заранее уверенная в отрицательном ответе.

Каково же было ее изумление, когда ее любимый Карл, не отрывая остановившегося взгляда от полотна, на котором, кстати, ничего вразумительного еще не было прорисовано, пробормотал:

— Никого означает никого.

Графиня Юлия поначалу растерялась. Потом решила оскорбиться, но все-таки сдержалась.

— Господибогмой! Может быть, мне уехать? — холодно поинтересовалась она. — Скажем, на неделю-другую в Париж.

— Лучше в Берлин.

— Чем Берлин лучше Парижа?

— Берлин отдаленнее от Рима, — ответил художник.

Это было уже откровенной грубостью. Карл по-прежнему, остановившимся взглядом смотрел на полотно. Вернее, в одну какую-то, ему одному видимую, точку на полотне.

Графиня вспыхнула и, хлопнув дверью, чего за ней никогда, ни до, ни после этого происшествия не замечалось, быстро вышла.

Уже на следующее утро она объявила всем знакомым, будто немедленно покидает Рим. Но сборы как-то затянулись...

Разумеется, она не уехала ни в какой Париж. И уж тем более в Берлин. Прекрасная Юлия издали наблюдала за мастерской Карла. Для этой цели она наняла двух частных сыщиков, которые с крыши соседнего дома подглядывали в окна мастерской художника и ежевечерне докладывали графине, что там и как.

Кроме того, она каждый день подсылала свою служанку с набором продуктов, которую та, в плетеной корзинке протискивала в щель двери.

Два частных сыщика лежали на крыше дома, напротив мастерской художника, глазели в окна и лениво переругивались:

— Гляди, гляди! Как петух вышагивает! Смех, одно слово.

— Работа, не бей лежачего. Помазал кисточкой, получи деньги. Побегал бы он, как мы, с утра до вечера за каким-нибудь богатым субъектом. Да еще все замечай, запоминай.

- Петух, одно слово! И грозно так поглядывает!
- Интересно, сколько он получит за эту мазню?
- Мильон!
- Ну, это ты хватил. Я бы за такую пачкотню и одной лиры не дал. Все эти живописцы... бездельники. Им бы побегать, как мы...
- Ну, сегодня-то мы не бегаем. Лежи себе, загорай...
- Обидно! Одни трудятся в поте лица, другие деньги направо налево швыряют.
- Ты о ком это?
- О клиентке нашей, о ком еще! Вот уж у кого денег!!!
- Твое дело маленькое. Наблюдай, все подмечай и подкладывай клиентке. Чужие карманы, не твоя забота.
- Интересно, сколько он получит за эту мазню?
- Заткнись! Смотреть мешаешь.
- Если молчать время бежит слишком медленно
- Не умничай!

9

Для любящих время движется особым образом. Вдохнула у форточки ранним утром ОНА на одном конце города, делая гимнастику, – прошла неделя. ОН, на другом конце города, сильно выдохнул, отложил кисти в сторону – промелькнула другая.

Каждый вечер долгие встречи. Каждую ночь бесконечные разговоры по телефонам. Недели мелькали

рекламными клипов на ТВ. Дни просто с ума сошли. Летели со скоростью взмаха ресниц. Короче, не успели Кристина с Майком перевести дыхание, в пору уже юбилей отмечать. Месяц со дня знакомства.

В тот день Майк подкатил на джипе к детскому центру творчества «Логос». Само собой максимальным эффектом. С угрожающим ревом двигателя, кошачьим визгом тормозов и пронзительным музыкальным сигналом клаксона, «Где же, моя Сулико!». Вдобавок, выйдя из машины, достал сотовый и долго делал вид, меряя шагами двор, будто темпераментно обсуждает какие-то неотложные бизнес-проблемы.

Несколько десятков детских голов одновременно возникли во всех окнах центра. Занятия были явно прерваны раньше времени. Сплющив носы о стекла, детские рожицы застыли в неподвижности. Приземление инопланетного корабля произвело бы, куда меньшее впечатление. А когда из парадной двери вышла сама КрисИванна, и независимой походкой направилась к джипу, приветливо махнув ручкой его владельцу, детские рожицы из всех окон как ветром сдуло. Уже через секунду толпа детей из всех групп высыпала во двор. Кто в чем! Кто в балетных пачках, кто в форме летчика времен отечественной, кто зайчиком, кто белочкой. У большинства девочек в руках почему-то оказались разноцветные мячики.

Когда КрисИванна отчаливала от «Логоса» дети всех групп устроили народное ликование. Кричали девочки «Ура-а!» и в воздух мячики бросали. Мальчишки оглушительно свистели, как на футболе после удачно забитого мяча в ворота бразильцев.

— Сволочь Рублево-Успенская! Сталина на вас нет! — шипела Лариса, свет, Васильевна, глядя из окна на отъезжающий джип последней модели.

Как ни верти, время бежит, годы уже не те, здоровья никакого. А до победы коммунизма во всем мире или хотя бы в одной, отдельно взятой стране, еще трудиться и трудиться. Сил едва ли хватит. Впору организовать новую «Народную волю». И взрывать всех этих олигархов. Без всякой пощады.

Нет, сил уже не хватит. А жаль. Жизнь прошла, а результат?

Джип Майка плавно, медленно и даже, как бы, величественно двигался в узком потоке по запруженным улицам центра. Внушительный корвет в узком канале среди себе подобных и прочей мелочи. Катеров, яхт, ботиков с подвесными моторами.

И только когда вырвались на простор третьего кольца, Майк прибавил газу.

— Пожалуйста, потише. Не люблю быструю езду. И вообще, машин. Я боюсь.

— Со мной вы в полнейшей безопасности, — самоуверенно заявил Майк.

— Не уверена. Сбавьте, пожалуйста, скорость.

Майк согласно кивнул, но и не подумал уменьшить скорость.

— Теперь ваше слово для меня непреложный закон.

— Теперь? Что вы этим хотите сказать?

— Кристина, милая! Нам давно пора перейти на ты. Вам не кажется?

— Хорошо, — пожала плечами она, — Только это ничего не изменит.

Майк только хмыкнул и покачал головой.

— Ну и характер у вас!

— Это не характер, — возразила Кристина, — Способ существования. С детства привыкла никому не доверять.

— Надеюсь, я исключение? — улыбнувшись, спросил Майк.

— Следите лучше за дорогой. Вы безобразно водите.

— Да-а!? Впервые слышу! Я лучший водитель в своем классе.

— Господибогмой! Сколько вас, в вашем классе? Раз, два и обчелся.

Оба быстро посмотрели друг другу в глаза и нервно рассмеялись. Кристина впервые пригласила Майка в гости к себе домой. Официально, так сказать. Майк все понял. Девушка, наконец-то, решилась перейти рубикон, сжечь мосты и все такое. Он слегка заволновался. Если совсем начистоту, волновался очень. О Кристине и говорить нечего.

Первый раз в жизни она пригласила к себе в дом мужчину. Сама! Первая сделала шаг. Конечно, Майк обложил ее со всех сторон, не оставил бедной девушке никакого выбора. Не идти, в самом деле, опять к нему в мастерскую! О той встрече у нее остались исключительно негативные воспоминания.

Кристина долго и тщательно готовилась к визиту Майка. Достала с антресолей раскладной журнальный столик, накрыла его симпатичной вязаной скатертью.

Две салфетки, два бокала, (вино, разумеется, должен принести мужчина, так положено), две свечи в старинных подсвечниках и две розы в продолговатых вазочках, из чудом сохранившихся. Красная и белая. Кристина все продумала. До мелочей. Они будут сидеть при свечах за столиком, пить вино и смотреть друг другу в глаза. А потом.... Потом видно будет.

Разумеется, все пошло по совершенно другому сценарию.

Уже в тесном коридоре, как только вошли, (Кристина не успела даже зажечь свет), Майк схватил ее, крепко прижал к себе и начал целовать. Кристина ничуть не удивилась. Даже когда он поднял ее на руки и понес в комнату.

По пути к тахте, Майк как-то неловко задел ее ногами торшер. Раздался оглушительный грохот. Торшер упал на пол. Вслед за ними с полок начали падать книги.

Нет, Майк не был груб. Он догадывался о состоянии Кристины. Потому обращался с ней отнюдь не так, как с предыдущими девицами. Был максимально осторожен и даже нежен. Но в какой-то момент он потерял голову. Напрочь перестал себя контролировать.

И Везувий взорвался.

Оглушительный грохот был слышен на многие сотни километров. Тучи пепла и град камней обрушились на город. Раскаленная лава отрезала жителям путь к спасению.

— Господибогмой!.. Господибогмой!.. — стонала Кристина.

Она оказалась в самом эпицентре землетрясения. Она лежала распластанная на земле в центре площади Помпей. Она сама была эпицентром. Была землей, которая содрогалась под чудовищными ритмичными колебаниями, идущими сверху, и откуда-то изнутри. Ото всюду. В ее воспаленном сознании яркие вспышки молний выхватывали одно за другим мгновения чудовищной катастрофы...

На фоне огненно-красной лавы, вытекающей из жерла Везувия, по узкой улочке, ведущей к площади, метались обезумевшие от страха люди...

Слева пронеслась колесница со сломанной осью, оставляя за собой только обломки. Седок еще старался удержать испуганных коней, но его молодая жена, сброшенная на мостовую, уже была убита смертельным падением...

Чуть в стороне молодая мать крепко обнимала и прижимала к себе двоих дочерей, в ужасе глядя на надвигающиеся потоки лавы...

Мимо, чуть не наступив на лежащую Кристину, двое юношей пронесли на руках своего отца, дряхлого старика...

Справа какой-то живописец с ящиком красок на голове, похожий на Карла Брюллова, оберегал прелестную молодую женщину, уже теряющую сознание...

Совсем рядом алчный старик, подбирал с мостовой, уже никому ненужное и такое бесполезное сейчас, золото...

Молодая чета, с прижавшимся к коленям матери ребенком, пыталась укрыться плащом от огненного пепла и града камней...

А земля под Кристиной все сильнее и сильнее колебалась, сотрясалась, вибрировала.

В чудовищно нарастающем ритме губельного, вселенского катастрофического танца раскачивались и падали с крыш храмов скульптуры Богов...

Ритм колебаний все нарастал и нарастал.

— Господибогмой! Господибогмой! Господибогмой!

— Может, поцелуешь на прощание? — усмехнувшись, уже на пороге спросил Майк.

— Это лишнее, — твердо ответила она.

Как только за Майком захлопнулась входная дверь, и его шаги стихли на лестнице, Кристина защелкнула на собачку замок, прислонилась спиной к двери и с изумлением и страхом начала прислушиваться к себе.

Несколько секунд стояла в странном оцепенении.

Первая ночь с первым мужчиной в ее жизни не произвела должного впечатления.

Вот так!

Совсем не этого ожидала Кристина, когда мечтала, фантазировала об этом, когда в десятках вариантов представляла себе, как это произойдет, и что именно она при этом будет испытывать. Совсем не этого.

Все произошло как-то очень быстро и слишком примитивно.

Да, да! Точнее не сформулируешь, именно, примитивно.

Кристина не стала подходить к окну, не видела, как садится в свою уродливую машину Майк, не помахала ему рукой. Только когда услышала низкий гул отъез-

жающего джипа, она встряхнулась. Вошла в комнату, внимательно осмотрелась.

Потом начала педантично расставлять все по своим местам. Всех кукол, мишек, все книги, вазочки, шкатулочки. Этот непоседливый Майк с утра успел все предметы в квартире потрогать руками, рассмотреть со всех сторон и, разумеется, все поставить не на свои места. Не так, как они должны стоять. У каждой вещи в квартире Кристины свое точно определенное место. Импровизаций в этом вопросе Кристина не терпела.

Возвращая квартире прежний вид, вытирая несносную пыль, ежедневно невесть откуда возникающую, Кристина чувствовала, она освобождается от психологического давления Майка, от его мощного прессинга.

«Нет, нет!» — мысленно приказывала она себе. «Больше никаких встреч! Одной жить гораздо лучше. С этим типом можно, конечно, встретиться еще раз. Только один раз. И все! Может быть, два. Не больше. Сама не заметишь, как попадешь под его влияние».

Закончив уборку, Кристина подошла к зеркалу и внимательно осмотрела себя.

«Ничего мордашка!»

Потом взяла в шкафу свежее полотенце, вошла в ванную и второй раз приняла душ. Стоя под ниагарскими струями, Кристина мысленно прикидывала. Завтра, на худой конец послезавтра надо непременно сходить к Галине Петровне, подруге матери. Та работала в районной поликлинике. Надо на всякий случай ей показаться.

Кристина была очень чистоплотна. И слегка брезглива. Как домашняя кошка. Патологически боялась, ка-

ких либо последствий после первой ночи с первым мужчиной.

«Больше никаких встреч!» — мысленно повторила она приказ, готовя на кухне традиционный завтрак и параллельно наводя стерильную чистоту.

«Больше не звонить!» — пробормотал себе под нос Майк, втискиваясь в поток машин на Садовом кольце. «Сам не заметишь, как окажешься с хомутом на шее!»

И, разумеется, оба чудовищно заблуждались. Уже через час оба думали исключительно друг о друге. И мысленно постоянно пререкались.

Парадокс характера Майка заключался в одном, на определенном этапе жизни он стал наплевать к материальной стороне этой самой жизни. Вскарabalкался на свою персональную Фудзияму, ну и ладушки. Что есть, то есть. Уровень среднего класса как-то поддерживался сам собой. Деньги были. Постоянно. Приличные деньги. Заказы шли косяком. Работа и вообще вся жизнь обрели некий автоматизм.

Любил ли он деньги? Да, нет. По большому счету, в отличие от всей своей тусовки, ему было глубоко наплевать на них. Разве только свобода. Деньги давали ощущение, пусть и ложное, обманное, но все же ощущение свободы.

Живопись? Страшно было признаться самому себе, но к ней стал равнодушен. К своей персональной живописи, во всяком случае. Где-то глубоко, в самом укромном тайнике души, в заповедной зоне пульсировал еще крохотный живительный родничок энергии, билась еще

некая творческая жилка. Одно время Майк был уверен, все, точка! Он ремесленник, делец, профессиональный мазила. За что боролись, на то и напоролись. Родничок иссяк, творческая жилка биться перестала, атрофировалась за ненадобностью.

Но, нет! С изумлением и радостью и даже некоторым испугом, с момента встречи с Кристиной, он почувствовал! Родничок опять ожил, нервная жилка бьется все сильнее. А когда она совпадает с биением сердца, становится совсем как-то некомфортно. Хочется тут же сотворить нечто из ряда вон. И вовсе не в сфере живописи.

Стало быть, жив еще! Жив, Мишутка!

Свет единственного фонаря со двора шевелил тенями голых веток деревьев на потолке комнаты Кристины. Изломанные темные резкие линии складывались в причудливые абстрактные графические рисунки. И тут же распадались. Можно было бесконечно лежать на спине и разгадывать их смысл.

Кристина и Майк лежали на тахте под белоснежной простыней и сосредоточенно глазели на потолок. Можно подумать, им показывали на нем, как на гигантском экране какой-то увлекательный психологический детектив.

В темноте люди всегда почему-то разговаривают шепотом. Опыт пещерных предков. Не обнаруживать лишний раз себя во враждебном мире.

Майк и Кристина тоже переговаривались шепотом.

— Солнышко! Ты какая-то очень полноценная. Все у тебя просто и ясно. Да, да. И не перебивай, ради

Бога. Легкая хромота только добавляет тебе шарма, обаяния. Даже сексуально, если хочешь. Знаешь, одно время у девиц было модно легкое косоглазие. Почему-то считалось, оно придает им сексапильности.

— Теперь пошла мода на хромоногих? — неожиданно зло спросила Кристина.

— Зачем ты так! Все это не твой стиль.

— Наплевать мне на все моды. Я хромаю по жизни в ногу сама с собой!

Несколько секунд оба сосредоточенно молчали.

Странные разговоры ведут люди в постелях, на ночь глядя. Такой полет мыслей, такие глубины философии, такие интеллектуальные зигзаги, дух захватывает.

— Все-таки, ты наглый. Очень наглый.

— Ничего подобного!

— Самоуверенный, беззастенчивый, наглый тип.

— Внутри я скромный и неуверенный в себе. Даже интеллигентный.

— Внутри!? Господибогмой! Так глубоко внутри, не разглядишь в микроскоп.

— Мы сегодня не в духе?

— Я всегда в духе.

— Что-то не так? Что тебя опять не устраивает?

— Господибогмой! Ты можешь просто помолчать?

Майк глубоко вздохнул и несколько секунд, действительно, сосредоточенно молчал. Потом не выдержал, его распирало желание поговорить. Кристина

напротив, была тиха, задумчива и сосредоточена на чем-то своем, глубоко личном.

— Солнышко! Я хочу сделать тебя счастливой.

— Хвастун! Помолчи!

— Есть у тебя мечта? Чего ты хочешь больше всего в жизни? Скажи, я все могу!

— Господибогмой, помолчи!

— Я очень серьезно. Я очень настырный человек. У меня куча влиятельных друзей. Практически могу все. Есть у тебя конкретное желание? Чего бы ты хотела?

— Чего бы я хотела? — задумчиво произнесла Кристина, — Тебе этого не понять.

— Где уж мне.

Кристина долго молчала. Потом, горько усмехнувшись, тихо сказала:

— Я бы хотела станцевать вальс с Шарлем Азнавуром. Хотя бы один тур.

Именно в эти минуты в аэропорту Шереметьево совершил посадку небольшой частный самолет. В Москву всего на два концерта прилетел всемирно-известный армянин. В смысле, француз. Озверелые толпы поклонниц всех возрастов с утра заполнили лестницы и проходы международного аэропорта. Два параци даже подрались, за самое удобное место перед выходом из VIP-зала.

— Шарль! Мы здесь! Мы тебя люби-им!!!

Еще вчера все желтые вечерние газеты на все лады восторгались этим выдающимся событием. Разумеется, Кристина знала об этом. И, разумеется, об этом выдающемся для любителей шансона событии понятия не имел удачливый художник портретист Майк Кустофф.

Шарль Азнавур остановился в отеле «Ренессанс», что уютно пристроился между бассейном и гигантским спортивным комплексом на Олимпийском проспекте. Самому знаменитому армянину в мире отвели лучшие апартаменты на четверном этаже.

Именно в них останавливалась сама Лайза Минелли, год назад посетившая Москву с кратковременными гастролями. Жители соседних домов, далекие от мира шоу бизнеса, с недоумением наблюдали, как какая-то стройная темноволосая особа в сопровождении многочисленной охраны каждое утро выгуливала свою собачку. Прямо на газоне перед отелем.

Американская звезда наверняка понятия не имела о наших народных обычаях. Это у них там, в америках газоны создаются для того, чтобы на них лежать, прогуливаться и играть в разнообразные игры на свежем воздухе. У нас же газоны существуют исключительно для того, чтобы на них любоваться. Желательно издали. Ступить ногой? Ни-ни! Ни под каким видом. Пронзительный свисток, наручники, камера предварительного заключения с бомжами, потом строгий судья в белом парике и все такое. Вообще, это довольно сложная проблема. Кто для кого? Газон для человека? Или человек для газона! На эту тему немало сломано копий, написано статей и.... Но мы отвлеклись.

Шарль Азнавур приятно поразил обслуживающий персонал отеля скромностью и неприязательностью. Не скандалил, доставлять ежедневно суп в кастрюльке прямо из Парижа не требовал, никаких экзотических блюд себе в номер не заказывал.

Еще в Шереметьево ошеломил всех встречавших тем, что сошел с трапа без всяческой охраны. Слава Богу, принимающая сторона заблаговременно позаботилась, на всякий пожарный заключила договор с охранным предприятием под названием «Беркут». Страшно подумать, что бы сотворили со скромным французом толпы озверелых фанаток. На куски бы разорвали. На память.

— Bravo-o, Азнаву-ур! Bravo-o!!!

—

арль! Шарль! Посмотри на нас! Мы здесь! Мы тебя любим-им!!!

Ш

В квартире Кристины Майк постоянно ощущал себя Гулливером в стране лилипутов. Хотя и старался изо всех сил не нарушить гармонию кукольной обители. Мысленно он почему-то именно так окрестил крохотную однушку Кристины. Не нарушать эту самую гармонию у него не получалось.

Чаще всего, по утрам, пока Кристина что-то колдовала на кухне, он отодвигал к стене журнальный столик, и ставил в центр комнаты кресло. Плюхался в него, закидывал ногу на ногу, рассматривал книжные полки и фантазировал свое будущее.

— А ты служил в армии? — неожиданно появившись в дверях, спросила Кристина.

— Откосил. Как и большинство моих приятелей.

— Если б я была мужчиной... — задумчиво сказала она.

— Твой любимый Карл Брюллов никогда не служил. Это не помешало ему...

— Брюллов гений. У гениев другое предназначение! — жестко ответила Кристина. Она повернулась и ушла на кухню.

10

Как уже было сказано, Прекрасная Юлия не уехала ни в какой Париж. И уж тем более в Берлин. Она издали наблюдала за мастерской Карла. Для этой цели она наняла двух частных сыщиков, которые с крыши соседнего дома подглядывали в окна мастерской художника и ежевечерне докладывали графине, что там и как.

Кроме того, она каждый день подсылала свою служанку с набором продуктов, которую та, в плетеной корзинке протискивала в щель двери.

И еще раз строго-настрого запретила «атлантам» у парадного входа кого бы то ни было пускать к ее любимому Карлу. Ни-ко-го! Ни под каким видом!

Через два дня композитор Михаил Глинка опять объявился перед дверьми мастерской Брюллова. Но «атланты» сомкнули плечи и не пустили великого русского.

Некоторое время великий композитор втолковывал наиболее крупному из «атлантов», почему-то на дикой смеси из французского и немецкого, что, мол, ему надобно повидать своего закадычного друга художника Карла Брюллова. Крупный «атлант» понимающе кивал. Потом молвил на почти русском:

— Моя твоя не понимайт.

Михаил Глинка поднес к его носу свой кулак. Кстати, довольно внушительного размера.

— Щас ка-ак закатаю в лоб, сразу поймешь!

«Атланты» согласно покивали головами, но не пустили. А тот, который покрупнее, достал из-за спины свой кулак, раза в два большего размера, нежели композиторский, и как бы невзначай, почесал им нос.

Великий композитор все понял.

— Мы еще встретимся... на узенькой дорожке! — грозно пообещал он и медленно пошел вдоль по улице.

Карл очнулся лежащим на охапке соломы в мрачном подземелье. Рядом, свернувшись калачиком, спал Деций. Но не успел Карл даже зевнуть, как следует в одиночестве, как астролог проснулся.

— Я не храпел во сне? — озабоченно спросил он.

Усмехнувшись, Карл отрицательно покачал головой.

— Моя покойница жена очень во сне храпела. Так переживала, бедняжка. Бывало, вздрогнет, проснется и испуганно спросит...

О чем именно спрашивала жена, Карлу узнать не довелось.

Со скрипом распахнулась дверь, на пороге возникла фигура охранника.

Узники, стена и охая, поднялись на ноги.

Помощник правителя Сумий был худым, как жердь. Обычно он ходил из угла в угол и постоянно потирал свои костлявые руки, как злодейский персонаж из какой-то дурацкой сказки. Казалось, вот-вот так и зашипит: «Ага-а! Попались!».

— Ага-а! Попались! — зашипел Сумий, как только астролога и художника втокнули к нему в кабинет.

— Как дела, Сумий? — весело спросил Деций. — Интриги все.

— Плохи дела. Твои в особенности, — зло ответил Сумий.

Когда-то Сумий и Деций были друзьями детства. Были даже влюблены в одну соседскую девочку. Теперь же...

— Плохи дела! — продолжал Сумий, потирая руки. — Совсем плохи. Общество расколото. Есть, конечно, истинные патриоты, для которых гражданские права и свободы не пустой звук. И есть другие!

Сумий с какой-то торжествующей злобой посмотрел на Деция.

Ах, как много зависти было в этом взгляде.

Зависти и даже ненависти. Хотя, чему завидовать? Сумия почитали и уважали в Помпеях. Должность первого помощника правителя, куда дальше-то! Выше только Боги. В плане материальном, тоже. Сумий был одним из состоятельных людей города. Входил в десятку и все такое. Жена, множество детей, дом полная чаша. Жизнь состоялась, с какой стороны не посмотри. И все-таки, Сумий до судорог завидовал безалаберному и одинокому Децию.

— Есть некоторые другие! — подняв вверх костлявый указательный палец, вещал Сумий. — Которые с пренебрежением говорят, «этот город!» «Этот город!» А сами не создают. Нет, отнюдь не создают. Только разрушают. Но мы не будем сидеть, сложа руки, молча взирать...

— Мы... это которые? — поинтересовался Деций.
— Власть! — жестко ответил Сумий. — Ответственные государственные служащие, истинные патриоты славного города Помпеи!

Деций неожиданно громко захохотал.

— Вытри лысину, Су-умий!

— Зачем? — недоуменно спросил бывший друг детства.

— За твою ложь с Олимпа на тебя плюют! И Нерон великий, и незабвенный Сулла и остальные, после смерти ставшие Богами.

Сумий покраснел и затрясся, как в лихорадке.

— Тебе надо отрезать язык!

— Руки коротки! Прошли те времена! И вообще... Будешь запугивать, объявлю на площади перед всем народом день и час твоей смерти. Повертись тогда!

Самое смешное, Сумий не на шутку испугался, даже побледнел.

— Зачем же так сразу... Мы ведь друзья детства...

— Таких друзей, сдают в музей! — огрызнулся Деций.

Карлу стоило больших усилий не расхохотаться.

— Приговариваю вас! — возвысил голос Сумий. — К штрафу! В размере двадцати денариев! С каждого!

— Сколько-сколько?! — опешил Деций.

— За возмущение общественного покоя. По двадцать денариев. Пока не заплатите, будете томиться в темнице! Все!!!

Так и сказал, «томиться — в темнице!». Прямо как популярный в том году римский драматург Теренций, не меньше.

Объявились охранники, и повели веселую парочку обратно в подземелье. Деций по пути вырывался, возмущался и кричал, что в знак протеста объявляет голодовку, но охранники его не слушали.

Очутившись в подземелье, Деций тут же плашмя растянулся на охапке соломы и заявил, что непременно умрет в ближайшие два-три дня! Вот тогда все наконец-то поймут! Все оценят, кого они потеряли и все такое!

Но амбициозным планам астролога не суждено было сбыться. Уже после полудня какая-то богатая матрона выкупила из-под ареста обоих бедолаг. Передала через раба необходимую сумму, и смутьянов взащей вытолкали из подземелья. С угрозами. Что, мол, если еще раз попадутся... В следующий раз... И все такое.

Деций долго ломал голову. Кто такая? Почему она это сделала? Потом пришел к выводу. Некоторое время назад, какая-то из жен «сильных мира сего», наверняка, крупных габаритов, переодевшись в простолудинскую одежду, пристроилась к нему в кабачке. И весело провела с ним время. Назло мужу. Теперь отблагодарила.

Других идей в научную голову Деция не приходило.

Вырвавшись из заточения на свободу, новоиспеченные друзья тут же распрощались, и разошлись в разные стороны. Деций успел только предупредить художника. До извержения осталось всего-навсего шесть дней. И он ждет его вечером на традиционный ужин.

Карл торопился поскорее выйти из города, чтоб закончить общую панораму, которую не успел завершить «в прошлый раз».

— Кайл! Когда вернешь долг? Больше ждать не буду.

Карл резко остановился и обернулся. Перед ним стоял дремучий старик с алчными пустыми глазами.

«Ростовщик!» — мгновенно догадался художник. «Наверняка, уже пол города обобрал!».

— Я упеку тебя в долговую тюрьму!

— Верну двадцать пятого! — не моргнув глазом, ответил Карл.

— Двадцать четвертого у нас чего? — медленно прошамкал беззубым ртом алчный старик.

«Двадцать четвертого у вас извержение!» — зло-радно подумал Карл. И не оглядываясь, продолжил свой путь.

Угрожающе черная полоса грозовых облаков, кольцом опоясавшая Помпеи и Везувий, теперь уже заметно увеличилась в размерах. Вспышки далеких молний были уже значительно ярче. Временами, сквозь стрекот цикад и веселое пение птиц, можно было слышать отчетливые раскаты грома. Хотя небо над головой было по-прежнему голубым.

Беспечно голубым.

Карл устроился на том же самом месте, что и в прошлый раз. Сзади раздался приглушенный цокот копыт. На сей раз, всадница Джованна появилась из-за кустов пешком, ведя своего ретивого коня под узцы. Она остановилась за спиной художника. Карл не оглядывался, но по тени увидел, это именно она. Дело было уже ближе к вечеру.

— Тебе надо покинуть город! — решительно заявила всадница.

Карл обернулся и не смог сдержать улыбки. Всадница Джованна была в новом наряде. Напялила на себя тогу взрослой женщины. Старшей сестры или матери. Явно на два размера больше.

— К чему такая спешка? — беспечно спросил художник.

— Отец приказал убить вас обоих. Наемные убийцы уже рыскают по всему городу.

«Только этого не хватало! Погибнуть во цвете лет!?».

— Скоро выборы, — продолжала просвещать его маленькая амазонка. — Вы мешаете предвыборной компании. Вас решено убить.

— Вы в этом уверены, дитя мое?

— Собственными ушами слышала.

— Да-а... Выборы дело серьезное... — протянул художник, ни на минуту не прекращая работать карандашом.

Солнце с каждой минутой садилось все ниже.

— Ты покинешь город?

— С одним условием. Только после вас, прекрасная Джованна!

— Дочь Гая Юлия Полибия не приемлет никаких условий! — гневно воскликнула амазонка. И резко отвернувшись, начала гладить по морде своего ретивого коня.

Карл пожал плечами и промолчал.

— Как тебя зовут, пришелец? — изменившимся тоном спросила всадница.

— Карл. Некоторые называют меня, Великий Карл, — ответил художник.

И сам недовольно поморщился. Хвастуном он никогда не был. Совершенно очевидно, присутствие юной всадницы слегка выбило его из привычного состояния.

— Странное имя. И сам ты тоже... очень странный, — недоверчиво протянула девочка. — Сколько тебе лет?

Карл обернулся. Джованна смотрела в сторону, продолжала гладить своего коня по морде и вздыхала.

— Сейчас подсчитаю... — Карл пошевелил губами, потом решительно заявил. — Мне тысяча восемьсот тридцать девять лет.

— Ты хорошо сохранился, — съязвила амазонка. Естественно, она не поверила тому, что Карл говорит сущую правду.

Некоторое время оба молчали. Солнце уже совсем приблизилось к линии горизонта и, того гляди, как это обычно бывает в южных странах, мгновенно опустятся сумерки.

Ретивый конь прекрасной амазонки нетерпеливо вздыхал и фыркал. Наконец девочка сказала:

— Я согласна.

— На что, дитя мое? — нейтральным тоном спросил художник.

— Позировать тебе! Что еще, — округлив глаза, начала было возмущаться Джованна. — Но если узнает отец...

— Не будем о мрачном, дитя мое! — усмехнулся художник.

Девочка резко повернула голову и долго, испытующе смотрела ему прямо в глаза. Карл едва заметно покивал головой.

— Понимаю, дитя мое. Вам совсем непросто было решиться. Ваши обычаи ничего подобного не позволяют. Понимаю. Но мое условие остается в силе. По завершении работы, вы немедленно покинете город. У нас наверняка есть где-нибудь тетушка, родственница...

Джованна недовольно наморщила носик, но все-таки в знак согласия слегка кивнула головкой.

Тем временем в Помпеях творилось нечто невообразимое. Астролог Деций, от отчаяния, не иначе, взобрался на крышу храма Зевса. Более того, умудрился каким-то непонятным образом вскарабкаться на скульптуру самого громовержца, уселся ему на плечи и принялся орать своим мощным голосом о грядущей катастрофе.

То-то горожане повеселились.

Деций швырял в зевак камнями, доставая их из сумы, перекинутой через плечо. Наглядно демонстрировал согражданам последствия надвигающегося бедствия. Толпа в ответ улюлюкала, смеялась, дразнилась дурными голосами:

— Эй, Деций! Как там на Олимпе? Не дует-ет?

— Де-еций! Свою подру-угу... прихватить забыл!

Деций сыпал отборными проклятиями, перемежая их метанием камнями. В ответ толпа начала швырять в него фруктами.

На шум прибежали вооруженные охранники. Попытались, было разогнать толпу и снять вконец озверевшего Деция со скульптуры.

Ни то, ни другое не удалось.

Горожане обтекали со всех сторон охранников, как вода обтекает камни, и снова сбивались в кучу у храма. А снять Деция с крыши не представлялось возможным. Как он туда вообще забрался без приспособлений и посторонней помощи, осталось загадкой.

Охранники еще некоторое время пошатались по площади, поддавая особо рьяных своими копьями. Потом, не сговариваясь, пошли в ближайший кабачок, окна которого выходили как раз на площадь. Чтоб в случае надобности быть начеку.

Короче, представление с Децием в заглавной роли продолжалось до самого позднего вечера. Каким способом Деций спустился со скульптуры, и с крыши, тоже осталось загадкой.

Карл и Деций сидели на кухне за большим столом. Под глазом у астролога красовался синяк. На лбу довольно большая шишка.

После третьей кружки «помпейского» у Карла закружилась голова. Деций, напротив, чувствовал себя превосходно. У художника возникло стойкое убеждение, астролог пьет вино как воду. И абсолютно не опьянеет, даже если выпьет целую бочку.

Пышнотелая служанка в этот вечер уже не улыбалась. Она вовсе не смотрела на художника. Сосредоточила все свое внимание и заботливость на хозяине дома. Но, увидев, что и на него не действуют «ее чары», по крайней мере, сегодня, и вовсе разобиделась и ушла на кухню.

Художник и астролог остались с глазу на глаз.

— Я понял... кто ты! — неожиданно спокойным тоном заявил он. Но тут же силой помотал головой. — Правда, мне опять не поверят!!!

Карл не нашелся, что ответить. Просто улыбнулся.

— Как я раньше не догадался! — сокрушался Деций. — Ведь это у тебя на лбу написано!

Карл понимающе кивнул. Ему не хотелось обсуждать эту тему.

— Ладно! — вздохнув, сказал Деций. — Давай лучше споем... Вот эту знаешь?

«Жила в одной Империи... красotka Люциана...

Ха-ха, ха-ха, красotka Люциана!..»

Карл отрицательно помотал головой. Такой песни он не знал. Деций слегка погрузтел, но тут же весело вскинулся.

— Тогда ты... Что-нибудь из своих... Давай, давай...

Карл на секунду задумался и, неожиданно для себя самого, запел:

«Однозвучно-о... гремит колокольчик...

И дорога-а... пылится слегка-а...»

Карл в общем-то неплохо пел. Да и слухом его Бог не обидел. Давно замечено, если человек талантлив, то талантлив разнообразно.

«И уныло-о... по ровному полю-у...

Разливается... песнь ямщика-а...»

Была глубокая ночь. Над сонными Помпеями, сквозь стрекот цикад, лилась песня...

Два низких мужских голоса старательно выводили...

«А дорога-а... Предо мной далека-а...
далека-а...
Предо мной... далека-а... далека-а...

11

Майк Кустофф сотворил невозможное. Невозможное и непостижимое для всей осведомленной пишущей об эстраде братии. И просто для фанатов всех мастей. Договорился о встрече с всемирно-известным Азнавуром. Пришлось, конечно, унижаться, кланяться и просить о помощи самого Никаса Сафронова.

Никас Сафронов посещал Россию отнюдь не каждый день. Изловить самого знаменитого работника холста и кисти любому жаждущему стоило большого везения.

Майк Кустофф, чтоб не суетиться попусту, заехал, в ближайшую церковь, поставил свечку и попросил кого следует помочь ему осчастливить одну достойную девушку. Судьба пошла Майку навстречу. Короче, Никас Сафронов пустил в ход, (правда, непонятно с какого перепуга, для какой такой надобности), все свои связи, контакты и обаяние. И вышел на всемирно-известного армянина. В смысле, француза. Но это как кому нравится.

И французский шансонье, и композитор дрогнул. Нарушил свой незыблемый принцип, ни при каких обстоятельствах не встречаться с поклонницами после концерта. Никто не знал, какие доводы пустил в ход Никас Сафронов, какие златые горы посулил. Но факт остается фактом. Шарль Азнавур согласился уделить три

минуты своего драгоценного времени какой-то неизвестной девочке, которая, кстати, сама даже не пела, не сочиняла, ничего такого.

Не иначе, Азнавур, таким образом, решил отблагодарить Никаса за удачный портрет, написанный несколько лет назад в Париже. Вездесущие папарацы, знающие все и вся про всех языки высунули от нетерпения и любопытства. Как сторожевые псы перед кормежкой. Даже тявкать перестали.

Договорившись с Никасом, Майк мысленно сплюнул три раза через левое плечо и постучал костяшками пальцев себя по голове. Чтоб не сглазить. Но сообщать об этом Кристине не спешил. До концерта Шарля Азнавура оставалось еще целых два дня.

Майк и Кристина уже привычно лежали на тахте, укрывшись белоснежной простыней. Майк, как и всегда после близости с женщиной, был чрезвычайно доволен собой. Кристина уже традиционно была тиха и чуть грустна.

— Солнышко! Что мне будет, если я воплощу в жизнь одну из твоих мечт?

— Господибогмой! Помолчи! — поморщилась Кристина, — Ты меня совсем не знаешь. Я не какая-то там... восторженная пустая мечтательница. У меня есть вполне конкретный план жизни.

— Поделись, если не секрет.

— Никакого секрета нет. Выпустить в свет группу молодых людей и девушек, живущих богатой насыщенной духовной жизнью.

— Что потом?

— Потом воспитать и приобщить к лучшим образцам высокого искусства следующих. Потом следующих

— И так до пенсии. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь.

— Господибогмой! А твои портреты? Это что, позволь спросить. Духовные поиски смысла жизни? Или просто тупой конвейер для зарабатывания денег?

— Разумеется, конвейер. Никогда и не скрывал. Я ремесленник.

— Это пошло. Иметь способности и...

— Та-ак! Мы докатились уже до оскорблений!

— Еще нет. Но на грани того. Так что, давай прекратим.

— Мы просто разговариваем, ничего больше.

— Господибогмой! Ты можешь помолчать?

— Я тебя до такой степени раздражаю?

— Вовсе нет. С чего ты взял?

— Такое впечатление напрашивается само собой.

— Убери руки! Подожди!

— Дело, прежде всего!

— Я должна сказать тебе нечто важное!

— После, после!

— Господибогмой! Что такое? Даже договорить не дает!

Если записать разговоры в постели по ночам любой парочки на старую магнитную ленту, ею вполне можно несколько раз по экватору опоясать земной шар. А сколько таких пар в данный момент лежит в постелях, на тахтах и диванах? В одной только столице? А по всей стране? А если приплюсовать сюда Европу со скандинавскими странами? Дух захватывает! О Южной и Се-

верной Америке говорить не будем. Бог с ними. У них там этим делом занимаются уже и в ваннах, и на кухнях, и даже на лестницах. Совсем одичали.

Вот если какое-то инопланетное существо подлетит на корабле к нашей прекрасной голубой планете? Что оно, это самое существо увидит? Вся планета опутана, перемотана в несколько слоев магнитной лентой. Оно, это самое инопланетное существо, разумеется, без труда расшифрует все эти ленты, все эти записи. И что услышит? Какое у него сложится впечатление о нас, землянах?

Чем мы, собственно, занимаемся ночами? До и После этого самого? Вечного, загадочного, необходимого, примитивного, возвышенного, манящего и бесконечного? Решаем теорему Ферма? Обсуждаем насущные философские проблемы? Слышали бы мы самих себя, ох, поубавилось бы у всех нас, (в смысле, человечества), спеси, чванства и амбициозности.

— Все-таки, ты очень наглый тип.

— Все с точностью до наоборот!

— Наглый, наглый!

— Я скромный и даже застенчивый.

— Нет, ты очень наглый. Самоуверенный и даже циничный.

— Тебя что-то не устраивает? Опять чем-то недовольна? Я тебя раздражаю?

— Господибогмой! Я лежу с тобой в постели! Причем уже не в первый раз!

— Помню. Ценю и уважаю. Горд и счастлив.

— Это означает что угодно, только не то, что ты, бедненький, меня раздражаешь!

- А что это означает?
- То самое.
- Это не ответ. Что именно?
- Прекрати этот унижительный инквизиторский допрос. Я вовсе не обязана отвечать.
- Настаиваю. Категорически!
- Господибогмой! Не заставляй меня произносить вслух, это еще не созрело внутри.
- Долго прикажешь ждать? Этого самого созревания.
- Не торопи меня. Я тебе еще не до конца доверяю.
- Приехали! Лежишь со мной в постели, причем уже не в первый раз, как ты выразилась, и не доверяешь?
- Кажется, мы начинаем ссориться? Господибогмой!
- Ну, уж нет! Никогда! Запомни! Никогда у нас с тобой не будет пошлых обывательских бессмысленных ссор. Клянусь!
- Хотелось бы верить.

Врач хирург Игорь Верко был пьяницей профессионалом. Не алкашем, не больным с запоями и распадом личности, именно пьяницей. Пил понемногу, сто-сто пятьдесят в сутки, но ежедневно. Без перерывов на отпуск, отгулы и прочие глупости. Девизы: «Мастерство не пропьешь! Пьянка работе не помеха!» – это о нем. Об Игоре Верко.

Игорь был хирургом от Бога. Сей дар перешел к нему по наследству. И отец, и дед, и, кажется, даже дед

деда были врачами. Природа на Игоре не отдыхала. Сделала лишь некоторое отступление. Начисто лишило его честолюбия, карьеризма и практицизма.

По распределению Игорь попал в маленький травмпункт, что спрятался в одном из переулков вблизи метро «Проспект Мира». Сел на шаткий стул в крохотном кабинете, да так и прирос к нему навечно. Менялось начальство, приходили и уходили медсестры, коллеги. Игорь, как приклеенный сидел на своем шатком стуле и вел бесконечный прием. Вправлял вывихи рук, починал сломанные в драках челюсти, зашивал небольшие раны. Никогда не отказывался дежурить в праздники, с легкостью соглашался на ночные смены.

Игорь отнюдь не был амебой. У него, как и у каждого нормального человека тоже была одна, но пламенная страсть. Вернее, две. Первая — турпоходы. Байдарки, костры, гитары....

«Как здорово, что все мы здесь, сегодня набрались!».

Страсть вторая, как уже сказано, Игорь любил выпить. Со вкусом, с толком, с чувством, с расстановкой. С большим смыслом, короче.

Как каждый профессионал, Игорь постоянно имел при себе изящную плоскую флягу. И прикладывался к ней, когда хотел. Не взирая на место, время и окружение.

Вообще, у нас в России абсолютно пить не умеют. Не привиты нашему народу вкус и чувство меры. Не говоря уж о таких немаловажных частностях, как сам смысл питания, (а смысл-то, как известно, в общении!), предощущение и послевкусие. У нас в большинстве

своим не пьют, нажираются. До поросычьего визга и потери облика человеческого.

«Ох, где был я вчера! Не найти днем с огнем!». Взять на грудь два-три стакана, набить морду лучшему другу, приставать зачем-то к его взрослой дочери. Это по-нашему!

Пьяниц профессионалов в России почти не осталось. Все эмигрировали еще в конце восьмидесятых. И что-то неуловимое, но очень симпатичное исчезло вместе с ними.

Игорь в этом смысле был редчайшим исключением. Впрочем, давно замечено, если человек одарен, (в данном случае дар врача, целителя), он никогда не сопьется, не станет алкашем, не забомжует. Если подобное все-таки случится, стало быть, ошибка вышла. Господь Бог плюнул в его сторону, но промахнулся. Недолет-перелет. Со всяким случается.

Майк быстро прошел по мрачному коридору, не обращая внимания на немногочисленных пациентов, распахнул дверь кабинета хирурга, вошел и плюхнулся на стул.

Игорь Верко ничуть не удивился. Кажется, он вообще не умел удивляться. Он только внимательно, нахмурившись, начал всматриваться в лицо Майка.

— Игорек! У меня важное дело.

— Опять палец сломал? — усмехнулся Игорь.

Десять лет назад Майк, действительно, сломал палец. Неудачно принял подачу, играя в волейбол на пляже в Химках. Сначала решил, пустяки, вывих, само пройдет. Но к вечеру палец распух, как сарделька. Покрылся краснотой и посинел одновременно. Плюс постоянная

ноющая тупая боль. Майк делал холодные компрессы, бинтовал, перебинтовывал, глотал пачками анальгин. Под утро не выдержал побежал в ближайший травмопункт.

Так они и познакомились.

Тогда Игорь Верко мгновенно все понял. Отволок Майка в конец коридора на рентген. Потом сам наложил гипс.

— Скоро пройдет? — морщась, спросил тогда Майк.

— Если сам по себе не отвалится... — задумчиво ответил Игорь, — недели через три. А зачем тебе вообще указательный палец? Указывать народу путь в светлое будущее? Ты кто по профессии?

— Художник, — мрачно ответил тогда Майк.

— Художник от слова «худо», — весело засмеялся Игорь. И традиционно отхлебнул из своей фляги. — Будешь?

Майк тогда отрицательно помотал головой. Игорь очень удивился.

— Ты кто, абстракционист? Терпеть не могу абстракционистов.

— Реалист. Пишу портреты.

— Получается?

Палец он тогда ему вправил. Пытался заодно вправить и мозги. В смысле, направить на путь истинный. Байдарки, выпивка, гитары у костра и все такое. Остальное не стоит нашего внимания. Майк все умности Верко в одно ухо впускал, из другого вылетало. Тогда им владели иные приоритеты. Игорь Верко тогда на время ос-

тавил Майка в покое. Придет время, сам образумится. Научится отличать подлинные ценности от мнимых.

Теперь они сидели в том же тесном кабинете напротив друг друга. Оба улыбались. Как раньше. Будто и не было промелькнувших десяти лет.

— У меня есть девушка.... — кашлянув, начал Майк.

— Когда у тебя, ее не было? — изумился Игорь, — Был такой убогий период?

— Игорек! Послушай! Дело очень важное...

Игорь Верко поднес ко рту свою знаменитую плоскую флягу.

— Хлебнешь?

— Я за рулем, — отрицательно помотал головой Майк. — Понимаешь, она... она не совсем обычная девушка...

— Негритоска с тремя грудями? — весело подхватил Верко, — Художники любят экзотику. Хочешь, чтоб я одну ампутировал?

— Игорек! Перестань! — поморщился Майк, — Я не шучу. Мне сейчас не до твоего тупого юмора. Она... она — совершенство!

Майк и сам не ожидал, из него просто вырвалось это страшное слово, «совершенство». Игорь Верко насторожился. Перестал усмехаться, глотнул еще раз из фляги. Потом, подперев голову рукой, задумчиво уставился на Майка. Приготовился слушать.

— Понимаешь, она... Она — не от мира сего.

— Все не без греха. Извини. Продолжай.

— Я серьезно. Она даже прихрамывает как-то... изящно, грациозно. Словно, дурачится, будто играет, как ребенок.

— Она хромая? А говоришь, «совершенство».

— В том-то и дело...

— Она кто? Бывшая спортсменка, балерина?

— Не думаю. Видишь-ли, Игорек...

— Вижу, ты влюбился, дорогой! По-настоящему. Наконец-то! Поздравляю! Рад за тебя. Тебе этого дела давно пора было хлебнуть. Завидую. Честно говоря, раньше был убежден, ты законченный нарцисс. Она кто?

— Курьер.

— Хромающий курьер? Что-то новое. «Я милую узнаю по походке!».

— Игорь! Перестань! — начал злиться Майк, — У тебя это звучит как-то особенно... запредельно цинично.

— Все врачи циники. Без этого не проживешь, — пожал плечами Верко.

Естественно, в самый неподходящий момент распахнулась дверь кабинета, на пороге возникла медсестра. С неимоверно ярким румянцем на щеках.

— Игорь Палыч! Там мотоциклиста привезли. Весь в кровище...

— Во второй кабинет, — не поворачиваясь, ответил Игорь, — Раздевай его пока.

— Как это!?! — округлив глаза, спросила медсестра, — Я... раздевай?

— Сними штаны, куртку, рубашку....

— У него нога, рука и ухо рваное. Все в крови.

— Будет жить! — не глядя на нее, констатировал Верко, — Если не взяли «по скорой», травмы не смертельные. Иди, иди, готовь его. Раздевай.

— Может, вы сами, Игорь Палыч?

— Привыкай. Выйдешь за алкаша, навыки пригодятся.

— Никогда не выйду за алкаша!

Медсестра резко повернулась и вышла из кабинета.

— Что у твоего «совершенства» с ногой? — спросил Верко, как только за румяной медсестрой захлопнулась дверь.

— Я не знаю, — покачал головой Майк.

— Должен знать. Что, когда, как произошло? Где лечили?

Майк на все вопросы только отрицательно мотал головой. Игорь Верко начал тихо звереть. Он любил во всем ясность, четкость и определенность.

— Хоть какая у нее нога, знаешь? На какую она хромает? Правая, левая?

— Левая.

— Уже что-то! Так, глядишь, дойдем до сути. Что с ней было? Перелом, родовая травма, болезнь? Какой диагноз поставили врачи? В какой больнице.

Майк смотрел на него с какой-то беспредельной тоской. Так собаки смотрят на хозяина, когда чувствуют, тот уезжает и с собой не берет.

— Игорь! Помоги! На тебя вся надежда.

— Что ты хочешь от меня? — заорал Игорь Верко, — Совсем спятил!? Хочешь, чтоб я на расстоянии поставил диагноз? И вылечил ее заочно? Она где сейчас, в коридоре?

Майк опять отрицательно помотал головой.

— Ты действительно по-настоящему влюбился? Окончательно спятил!

Игорь Верко несколько раз шумно вдохнул и выдохнул. Потом отвернулся к окну.

— Так! Начнем сначала. От печки. Кто она?

— Совершенство, — тупо ответил Майк.

— Но хромает на левую ногу, — уточнил Верко.

— Это только подчеркивает ее незаурядность.

— Да-а... — тяжело вздохнув, протянул Верко. Он по-прежнему, не глядя на Майка, сидел, отвернувшись к окну, — Трудно с тобой. С влюбленными и психбольными всегда трудно. Впрочем, это одно и то же. Чего ты хочешь от меня?

— Ты мой друг. Ты хирург от Бога.

— Это я знаю, — прервал Игорь.

— Хочу, чтоб ты избавил ее от хромоты.

Игорь Верко резко повернулся и несколько секунд мрачно и молча, смотрел на Майка.

— Не вижу логики. Говоришь, она — совершенство.

— Безусловно. Ты что, кретин, не понимаешь о чем я говорю!?

— Допустим. Допустим, я, как ты выражаешься, избавлю ее от хромоты. Подниму все свои связи, напрягу друзей врачей, устроим ее в лучшую клинику. Но в таком случае...

— Что? — нервно спросил Майк.

— Она перестанет быть совершенством. Потеряет индивидуальность.

— Прекрати дешевую демагогию!

— Станет заурядностью. Каких пруд пруди.

— Она страдает!!! Ты что, не понимаешь!? Совсем debil?

— Страдания украшают женщин! Совершенства без жертв не бывает.

— Пошел-ка ты... знаешь куда!?

Майк резко поднялся из-за стола и направился к двери.

— погоди, погоди! Не кипятись. Хорошо, хорошо. Дай ее адрес. По своим каналам влезу в ее районную поликлинику. Там в регистратуре должна быть медицинская карта. Я все узнаю. День, два, не больше. Без подробного диагноза со мной никто разговаривать не будет. Хоть это-то ты понимаешь?

После ухода Майка Игорь Верко еще долго неподвижно сидел за столом, усмехался, покачивал головой. Потом достал бумажник, разложил его на столе. Достал из потайного кармана какую-то маленькую фотокартонку, три на четыре. Долго, щурясь, всматривался в нее.

Вывела его из оцепенения все та же румяная медсестра.

— Игорь Палыч! Там мотоциклист...

— Байкер! — не отрывая взгляда от маленькой фотографии, ответил Верко, — Нынче мотоциклистов величают байкерами. Кто там еще?

— Старушка локоть зашибла.

— До утра подождать не может?

— Говорит, весь день маялась.

— Хорошо. Приму. Кто еще?

Как только за Майком закрылась дверь, Игорь почувствовал странную пустоту в груди. Последнее время на него довольно часто наваливалось подобное состояние. Оступения и абсолютного равнодушия ко всему на свете. Даже к самому себе. Будучи довольно эгоистиче-

ской натурой, Игорь всю жизнь делал только то, что доставляло удовольствие. Исключая работу, естественно. Работа – это долг, призвание, крест, что угодно. Игорь не любил распространяться на эту тему, но врачевание для него было чем-то сокровенным, высшим. Скрывая это от всех, он часто иронизировал над собой. Порой очень жестоко. Но внутри относился к работе, как древний эскулап, наделенный свыше божественным даром.

Все остальное – турпоходы на байдарках, приятели, женщины было для Игоря всего лишь необходимым дополнением, приятным гарниром, хобби. Не более того.

Единственное, что изредка тревожило по-настоящему – это внезапная пустота в груди. Какая-то звериная тоска по чему-то упущенному, уже невозможному. Как медик он понимал. Это всего лишь депрессия. Недостаток витаминов, неправильный образ жизни, отсутствие жены и детей, постоянное и неумеренное употребление алкоголя и все такое.

Но почему депрессия навалилась именно сейчас? Сразу после ухода Майка. Позавидовал? Позавидовал! Десятым чувством почуял, у него этого не будет никогда. Он просто не способен влюбиться, очертя голову.

Таким Майка Игорь Верко не видел никогда. Растерянным и одновременно каким-то светящимся от распирающих чувств.

«Надо жить!» — мысленно приказал себе Игорь Верко. И решительно поднялся из-за стола. Пригладил волосы, передернул плечами и быстро вышел из кабинета.

«Пора жениться!» — думал он, направляясь в другой конец коридора во второй кабинет. Оказывать помощь очередному байкеру. «Найду какую-нибудь симпатичную девушку и женюсь! Все! Точка! Решено!».

Игорь Верко стремительно шел по длинному больничному коридору.

В это мгновение он, голый по пояс, сидел в любимой байдарке. Теплый речной ветер старательно массировал упругие мышцы плеч и рук. Порывами сбивал со лба капли соленого пота. Ра-аз, два-а! Ра-аз, два-а! Лево-ой, пра-авой! Лево-ой, пра-авой! Игорь был единственным человеком на планете, который мог работать веслами часами, сутками, месяцами. И ни капли не уставать. Лишь получать истинное удовольствие. Подлинную радость!

Если б проводился международный кругосветный марафон байдарочников, нет вопроса, кто бы занял высшую ступень пьедестала почета. При условии, что все участники на стоянках будут выпивать не менее ста пятидесяти граммов джина.

Игорь Верко подошел к кабинету номер два. Из-за двери доносилось хихиканье молоденькой румяной медсестры.

«В самом деле! Пора жениться!» — подумал Игорь. И решительно распахнул дверь кабинета номер два.

Через два дня Игорь Верко позвонит Майку на мобильник и сообщит пренеприятное известие. Помочь Кристине может только чудо. У нас в стране подобных операций не делают. Время давно упущено. Есть один парень, он делает. Но живет он во Франции. И дерет за

свои услуги такие деньжищи, страшно вслух произнести. Вот такая ситуация.

Ночью над Москвой опять разразилась гроза. Весь вечер и часть ночи, опустевшие улицы мегаполиса освещали яростные вспышки ослепительных молний. Над крышами грохотал без устали оглушительный гром. А утро подарило нервным жителям ослепительное солнце и умиротворяющую тишину-у! Казалось, даже спешащие развести по стройкам материалы многотонные грузовики, и те громяхают как-то тактично, деликатно. Может, просто самим шоферам осточертело жить в постоянном грохоте, шуме и озверелых ревах двигателей.

Субботним вечером во двор пятиэтажки Кристины въехали два огромных роскошных джипа. Оба одновременно пронзительно погудели. Из обоих, небрежно хлопнув дверцами, вышли двое рослых молодых приятных во всех отношениях человека. Оба в вечерних костюмах, с бабочками на шеях, все как положено. Вечные бабы на скамейке у подъезда мгновенно превратились в сидящих каменных идолов с острова Пасхи.

В одном из молодых людей, бородатом, без труда можно было узнать самого модного художника портретиста Никаса Сафронова. Кто ж его не знает? Никас личность публичная. Чуть не каждый день появляется на экранах ТВ.

Короче, двое молодых артистически одетых молодых человека уставились на окна третьего этажа. Потом один из них, длинноволосый и бородатый, стало быть, сам Никас Сафронов сунул пальцы в рот и, как заправский соловей разбойник, свистнул. В то же мгновение в

окне третьего этажа на секунду появилась девичья фигура. Помахала обоим джентльменам ручкой и скрылась. Каменные бабы на скамейке и вовсе дышать перестали.

Даже когда из подъезда вышла Кристина и, приветливо улыбаясь, направилась к молодым рослым джентльменам, каменные бабы и тогда не проронили ни слова. Появилась хилая надежда, они навечно утратили способность извлекать из своих ртов какие-либо членораздельные звуки. На радость мужьям и детям.

До концертного зала «Россия» добирались сразу на двух джипах. Никас Сафронов галантно усадил Кристину в свою машину на переднее сидение. Обходя машину, незаметно показал Майку большой палец, хлопнул дверцей и был таков.

Майк преследовал их в бесконечном вечернем потоке машин. Он судорожно лавировал, подрезал, маневрировал, больше всего, боясь потерять их из вида. Почему-то неотвязно вертелась в голове дикая мысль. Именно в эти минуты он теряет Кристину. На него опять, уже в который раз, неотвратимо наваливалось ощущение страха и беспомощности, которое он испытал тогда в Светлогорске на причале, когда борт «Ракеты» внезапно начал отходить в сторону, а внизу угрожающе темнела полоса воды.

Вот парадный подъезд! (Концертного зала гостиницы «Россия»). По торжественным дням.... Если точнее, по вечерам. А вечер тот, был, действительно торжественным. Удался на славу. Такого количества знаменитостей и просто ТВ-известностей вместительный

концертный зал не выдвигал за всю свою недолгую историю. Недолгую, потому как, где-то через полгода после того незабвенного концерта, самого известного в мире армянина или француза, (как кому нравится), гостиницу с видами из окон на Кремль, взяли, да и разрушили.

Газеты писали, будто все дело в этих пресловутых видах из окон номеров. Мол, нечего кому ни попадя глазеть на святая святых! Мол, не положено! Но это явная глупость. Не те нынче времена на дворе, отнюдь не те.

Короче, было на кого посмотреть. Было, кому чего показать. Много чего было.

Судите сами.

По просторному вестибюлю из конца в конец, как на роликовых коньках метался телеведущий Андрей Малахов. И почему-то испуганным шепотом пытал каждого встречного. И даже любого поперечного:

— Ксюшу, не видели? Ксюшу, не видели?

Которую именно Ксюшу непосвященным было непонятно. Посвященные лишь снисходительно усмехались и пожимали плечами. Искренне жаль беднягу. Несмотря на все его космические рейтинги. Добиться расположения светской львицы Ксении Собчак ему не светило ни при каком раскладе.

Монументом, как и подобает маршалу советской эстрады, в центре вестибюля стоял Иосиф Кобзон. Обозревал публику, сдержанно кивал знакомым.

За его спиной, чуть в стороне мелькала черная мушкетерская шляпа Михаила Боярского, специально прилетевшего из Питера на один вечер.

Две фанатки тут поспорили. На довольно приличную сумму. Снимет Боярский шляпу во время концерта или весь вечер в ней просидит. Всем было известно, первый и последний из мушкетеров шляпы не снимает никогда. Ходят слухи, даже спит в ней.

— Потому что у него лысина! — шипела первая фанатка.

— Сама ты лысина! Это имидж, дура! — рыкала вторая.

— Девочки! Не ссорьтесь! Я точно знаю. Боярский шляпу снять просто не может. Она у него приклеена к парику. Он даже в Кремле на встрече с Президентом не смог ее снять. Хотел, но не смог. Специальный клей, супер-секретный.

Чуть в стороне на диванчике сидели две подружки. Вечно молодая Людмила Гурченко и, на ее фоне уже начинающая стареть, певица Земфира. Девушки вполголоса ворковали о чем-то своем, девичьем.

В трех шагах от них на повышенных тонах пререкались Андрей Макаревич, Станислав Говорухин с неизменной трубкой во рту и Геннадий Хазанов. Проходившие мимо и слышавшие хотя обрывки фраз, были крайне разочарованы. Популярные личности спорили отнюдь не об искусстве или политике. Предметом жесткого диспута был очередной, сто восемнадцатый по счету, проигрыш нашей национальной сборной по футболу. Какая уж тут национальная идея, если мяч в чужие ворота закатить не можем. Позорище!

В просторном вестибюле концертного зала наша троица остановилась в самом центре. Кристина в своем скромном крепдешиновом платье, расчетливо когда-то

перешитом мамой из бабушкиного выходного наряда, в белых по локоть перчатках и изящной шляпке, а ля Вивьен Ли, произвела на весь бомонд шоковое впечатление.

Как выяснилось, сегодня – это самый супер-всхлип моды. Спросите у Вячеслава Зайцева или у Валентина Юдашкина. Они без сомнения подтвердят. Самый самый. Супер супер.

При первом, даже мимолетном взгляде на нее, в ушах у любого, старше сорока, невольно начинала звучать мелодия «Вальс цветов» из фильма «Мост Ватерлоо», с незабвенной Вивьен Ли в главной роли.

«За дружбу старую – до дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина!
За счастье прежних дней!».

Кто такая? Почему не знаем? Откуда? Главное – зачем? Что ей тут делать? Два бравых живописца по бокам только усугубляли общее смятение и возмущение.

Женщины кучковались тройками, четверками. Шипели, как ядовитые змеи:

- Стерва! Новая пиявка Никаса?
- Не похоже. У него вкус получше.
- На какой только помойке отыскал.
- Не завидуй, девушка! От зависти случаются

морщины.

Мужчины в своих кружках вели другие беседы:

— Оба-а на-а! Не перевелись еще девушки в русских селениях!

— Такие в селениях не водятся. Они гнездятся в других местах.

— Знаешь, в каких? Подскажи адрес.

— Легко! Читалка театральной библиотеки, читалка Ленинки, читалка Некрасовской библиотеки, читалка...

— Понял, понял.

Как только к группе мужчин подходила любая из женщин, разговор мгновенно переключался на футбол, хоккей, бизнес, на что угодно. Только не о Кристине.

Под перекрестным обстрелом всей элитной тусовки столицы, Кристина, как и каждая женщина, тут же объявила, ей необходимо срочно попудрить носик. И скрылась своей эксклюзивной летящей прихрамывающей походкой в толпе зрителей и журналистов.

Майк Кустофф и Никас Сафронов долго смотрели ей вслед.

— Где ты откопал это сокровище? — без тени иронии спросил Никас Сафронов Майка.

— Места знать надо, — буркнул тот.

Вокруг шумела, толкалась, клубилась, извивалась гламурная столичная тусовка. Достать билеты на концерт смогли только лучшие из лучших. В смысле, богатые из богатых.

— Пожалуй, я напишу ее портрет, — задумчиво сказал Никас.

— Опоздал. Я уже работаю над ним. И вообще! — довольно резко ответил Майк, — Вас здесь не стояло, ясно?

— Не денег ради, искусства для, — понимающе кивнул Сафронов. — Между прочим, у меня и в мыслях ничего такого. Только портрет.

— Знаем мы вас, — буркнул Майк, — Мы с тобой одного поля ягоды.

— Блажен, кто верует! — ответил Никас.

— Вас здесь не стояло! — зло повторил Майк Кустофф. Уже без капли юмора.

Майк и сам не ожидал от себя подобной агрессии. Никогда за всю жизнь он ни с кем не вступал даже в малейшее соперничество из-за женщин. Всегда был спокоен и уверен. Мое всегда будет при мне. Эта посмотрела на приятеля, хрен с ней, подруга ничуть не хуже. Правда, и не лучше. Все они.... Терять голову, надо быть последним идиотом. Будь она хоть принцессой Дианой. Одна чуть лучше, другая чуть хуже, все они.... Так или приблизительно так рассуждал Майк, пока в его жизни не появилась Кристина.

Кристина в своей старомодной шляпке, тридцатых-сороковых годов, действительно, произвела на всех знакомых, малознакомых и вовсе незнакомых ошеломительное впечатление. После концерта, уже в номере отеля и сам шансонье, и композитор Шарль Азнавур тоже оказался в ряду ошеломленных и потрясенных.

До начала в зале шумела, бурлила, клокотала и переливалась всеми цветами радуги столичная гламурная тусовка. В полном боевом составе. Крики и пiski последней, предпоследней и даже завтрашней моды. Украшения, цены которых зашкаливали за все мыслимые пределы. Множество ноликов, ноликов, ноликов. Кажется, слабый пол ринулся соревноваться, у кого окажется больше этих самых ноликов.

На концерте Кристина сидела в самом первом ряду. Справа Майк Кустофф, слева Никас Сафронов. Два

часа она просидела, не шелохнувшись и, кажется, даже не моргая. Щеки ее пылали, глаза блестели. С какой-то нечеловеческой жадностью ловила несущийся со сцены поток нежности, ностальгии и любви. Боялась упустить хоть каплю этого потока, пропустить хоть одну ноту, взгляд, жест своего кумира.

Господибогмой! Господибогмой!

Она слышала его прерывистое дыхание в паузах, видела бисерные капли пота на его красивом лбу, ощущала даже запах его терпкого мужского одеколona.

— Bravo-o, Азнаву-ур! Bravo-o!!!

— Шарль! Шарль! Мы тебя люби-им!!!

После концерта, как и обещал Никас Сафронов, Кристина в сопровождении его и Майка, оказалась в вестибюле все той же гостиницы «Ренесанс», что обосновалась на Олимпийском проспекте. Она была как в тумане. Почти ничего не видела, почти ничего не запомнила. В ушах ее непрерывно звучал голос Шарля Азнавура.

И музыка, музыка, музыка...

Очнулась Кристина только когда оказалась посреди просторного номера знаменитого француза. А прямо перед ней стоял он сам. Собственной персоной. Стоял и улыбался. Так приветливо и располагающе, будто они были знакомы лет двести, и сейчас вот, наконец-то, после долгого перерыва встретились.

Азнавур подошел к ней совсем близко, взял ее за руку и начал что-то тихо и приветливо говорить. Своим знаменитым, чуть с хрипотцой голосом.

Все присутствующие в номере, а было их помимо Кристины и Азнавура, человек восемь-десять, делали

вид, будто не обращают на эту пару ни малейшего внимания. Все разбились на тройки, и о чем-то тихо вполголоса беседовали. Сами при этом, разумеется, не спускали пристальных взглядов с Азнавура и Кристины.

Азнавур, не выпуская руки Кристины, все говорил, и говорил. Чуть виновато улыбаясь и, глядя ей прямо в глаза. Но никто из присутствующих не понимал ни слова. Дело в том, что Азнавур выражался на каком-то, то ли бретонском, то ли марсельском диалекте. Французский язык в школе изучали все. По учебникам, по букварям. Живая речь живого француза – совсем другая песнь. Слова, вроде, все знакомые, смысла никто не понимал. За исключением самой Кристины. Она, чуть наклонив, как птичка голову набок, внимала словам француза и едва заметно кивала. Она понимала все. Шарль Азнавур – тем более. Остальные присутствующие, как хорошо воспитанные люди, делали вид, все идет как надо.

Потом вдруг Кристина обвела всех присутствующих каким-то торжествующим и одновременно до ужаса испуганным взглядом. На губах ее появилась странная улыбка, смутно напоминающая улыбку самой Джоконды.

А затем она... потеряла сознание.

Первым среагировал, разумеется, знаменитый француз. На то он и француз, не такой-нибудь индус или техасский ковбой.

Азнавур успел подхватить за талию уже бесчувственное хрупкое тело Кристины, прижать к себе. Тем самым он уберег ее от неловкого падения на паркетный

пол. Тот, хоть и был устлан каким-то чудовищно дорогим ковром, но все-таки.

— Bravo-o, Азнаву-ур! Bravo-o!!!

Всем известно, на дворе двадцать первый век, в обморок падать никому ни при каких обстоятельствах не рекомендуется. Согласитесь, падающая в обморок от избытка чувств девушка, нынче такой же... нонсенс, как если бы наш президент свое ежегодное послание депутатам, министрам и прочему народу вдруг начал бы излагать его исключительно отборным матом. Во всем должна быть мера. И соответствие обстоятельствам.

Как из-под земли откуда-то появился помощник эстрадной звезды. Они вдвоем с превеликими осторожностями отнесли Кристину к большому кожаному дивану, и аккуратно уложили на него. Ее голова покоилась на подушке. Откуда-то из воздуха материализовалась служанка. Дала что-то понюхать Кристине, чем-то потерла виски. И исчезла.

Кристина возлежала на диване в позе «Данаи в золотом дожде». Азнавур сидел рядом на краешке, осторожно держал ее за руку и что-то вполголоса говорил, говорил, говорил....

В большом гостиничном номере в тот вечер, как уже сказано, было прилично всякого народа. Человек восемь десять. Все жались по углам, поглядывали на Азнавура с его гостьей, возлежащей на диване, и помалкивали.

Далее произошло еще более невероятное. Об этом еще долгие месяцы переговаривалась вся столичная тусовка. Всемирно-известный француз, не выпуская из

своей руки тонкую и изящную ручку Кристины, сделал своему помощнику какой-то непонятный знак. И что-то едва слышно пробормотал на неизвестном французском диалекте. Потому никто из присутствующих в номере ничего не понял. Кроме мрачного помощника. Тот еще более нахмурился и понимающе кивнул. Подошел к скромно стоящим с бокалами в руках в углу номера Майку Кустоффу и Никасу Сафронову. Взял элегантно последнего под руку и отвел в противоположный угол. Там что-то заговорчески прошептал ему в самое ухо.

Никас Сафронов и бровью не повел. На челе его высоком не отразилось ровным счетом ничего. Но все присутствующие в номере мгновенно догадались.

Что-то случилось! Что-то из ряда вон.

Никас Сафронов поставил бокал с вином на тумбочку, осторожно приблизился к Майку, слегка приобнял его за плечи и как-то очень естественно и непринужденно вывел его из номера в коридор отеля.

— Покурим? — спросил Никас Сафронов Майка Кустоффа.

— Ты же знаешь, я не курю.

— Я тоже, — вздохнул Никас.

Между тем из номера Азнавура один за другим стали выходить гости и посетители. Всех их по очереди как-то очень тактично и деликатно выпроваживал мрачный помощник.

Короче, в коридоре перед закрытой дверью эстрадного певца оказалась все-все гости и посетители. Без исключений. Все стояли и глазели, как бараны на новые ворота, на бирку, которую мрачный и педантичный помощник успел повесить на ручку двери. На ней черным

по белому на нескольких иностранных языках, в том числе и нашем родном русском, было начертано. «Не беспокоить!!!».

Вдобавок мрачный помощник, заложив руки за спину и широко расставив ноги, встал около апартаментов эстрадной знаменитости. Всем своим видом наглядно демонстрировал, он скорее умрет, нежели кого-либо допустит к своему хозяину и повелителю.

Стало быть, в номере остались всего двое. Шарль Азнавур и девушка Кристина.

Вдвоем и наедине.

— Шарль! Мы тебя люби-им!!!

А еще через день ранним утром Азнавур увез Кристину в Париж.

— Bravo-o, Азнаву-ур! Bravo-o!!!

12

— Где мой любимый? — жестко поставила вопрос графиня Юлия перед самой популярной гадалкой Рима, необъятных размеров бабищей по имени Фрида.

Карл пропал несколько дней тому назад. По расчетам Прекрасной Юлии, вернее, по ее внутреннему ощущению, он давно уже должен был вернуться. Но дни шли, тянулись один за другим бесконечной, изматывающей чередой, уже пошла вторая неделя с момента его исчезновения, художник все не объявлялся.

Графиня была натурой решительной и деятельной. Потому, выждав для приличия еще пару дней, без колебаний направилась прямиком к гадалке Фриде.

Ясновидица и предсказательница, вся замотанная в разноцветные одеяния, с бесчисленным количеством бус на кистях рук и шее, восседала на каком-то возвышении посреди неопрятной и темной комнаты, которая уютилась, очевидно, где-то на самых задворках вечного города.

Глаза Фриды, подернутые мутной поволокой, смотрели куда-то далеко-далеко... Словно, сквозь стены и столетия она и впрямь видела то, что ни за какие деньги не удастся увидеть простым смертным.

Кстати, за свои услуги ясновидица заламывала очень приличные суммы. Но графиня Юлия никогда не скупилась ни на какие расходы. Тем более, если речь шла о любимом Карле.

— Где мой любимый Карл? — повторила вопрос Юлия тоном, не терпящим никаких возражений и проволочек.

Фрида вздрогнула, глаза ее слегка прояснились.

— Далеко, далеко... — неожиданно высоким, писклявым голосом нараспев начала она.

Графиня недовольно поморщилась.

— Это я и без вас знаю! — резко перебила ее Юлия. — Где конкретно? С кем? Чем занимается? Какая опасность ему угрожает? Здоров ли? Когда вернется? Я должна знать все! И немедленно!

— Далеко, далеко... — затянула, было опять гадалка, но была решительно прервана решительной Юлией.

— Послушайте, любезная! — повысила голос графиня. — Не морочьте мне голову. Я заплатила вам столько, сколько не зарабатывает ни одна прачка в Риме за три года. За эту сумму я должна знать все!!!

Графиня даже и не думала присаживаться на предложенный ей стул, продолжала нервно расхаживать по темной комнатке.

— Я жду! — со сдержанным гневом, молвила она. — Или вы такая же шарлатанка, как все остальные в Риме? Мне вас рекомендовали с лучшей стороны. Если я ошиблась...

Видя, что дело принимает нешуточный оборот, Фрида тяжело вздохнула и громко хлопнула в ладоши. Мгновенно из-за грязной занавески появилась девочка. На вытянутой ладошке перед собой она держала маленький стеклянный шарик.

— Не знаю, получится ли... — каким-то испуганным голосом пробормотала Фрида и взяла двумя пальцами стеклянный шарик.

Еще во сне Карл Брюллов почувствовал, на него кто-то пристально смотрит. Просто сверлит голову чей-то пронзительный взгляд.

Открыв глаза, Карл увидел графиню Юлию, сидящую на стуле у его изголовья. По-прежнему он был в просторной постели в своей римской квартире. По-прежнему чудовищно болела голова. И по-прежнему на лбу лежал прохладный компресс.

— Карл! Скажите правду! — потребовала Прекрасная Юлия.

— Которую?

— Там... вы встретили женщину, похожую на меня? «И не одну!» — пронеслось в голове художника.

— У вас там... роман? Скажите, я ничуть не обижусь. В конце концов...

«Все-таки, женщины поразительные существа! Как она могла узнать? Женская интуиция и проницательность поистине не имеет никаких границ...» — подумал Карл.

Но вслух сказал:

— Юлия. Вы отлично знаете. Я любил, люблю, и всегда буду любить одну-единственную женщину!

— Господибогмой! Остальные не в счет, так вас понимать?

— Кажется, мы начинаем ссориться... А мне надо работать... Работать, работать и работать... — ответил Карл.

И вспомнив старика из Помпей с двумя послушными сыновьями по бокам, усмехнулся.

Уже уральский промышленник и меценат Демидов бомбардировал из Петербурга письмами с туманными намеками расторгнуть контракт, поскольку художник нарушает все мыслимые сроки...

Уже Общество поощрения художников известило о прекращении перевода денег пенсионеру Брюллову...

Уже ректорат Академии художеств настоятельно требовал немедленного возвращения художника в Россию, дабы тот мог приступить к росписям Исаакиевского собора...

А Карл Брюллов все никак не решался завершить работу.

Первой созерцательницей картины, естественно, была графиня Юлия Самойлова. Несколько дней Карл даже от нее скрывал, что уже положил последний мазок. Прекрасная Юлия внутренним безошибочным

чутьем все поняла и категорически потребовала немедленной демонстрации.

Они были только вдвоем в просторной мастерской художника. Карл усадил ее в кресло напротив картины на значительном расстоянии. Сам долго бродил по мастерской, прицеливаясь, так и эдак, поглядывая на еще закрытый холст с разных ракурсов и бормоча что-то о недостаточности освещения. Наконец, решившись, резким движением сдернул с картины серое полотно и отошел в сторону...

Прошло довольно много времени...

Графиня Юлия Самойлова, первая петербургская красавица беззвучно плакала, сидя в кресле, прижимая ладони к щекам...

Как минимум в четырех женщинах, изображенных на картине, она узнала себя...

— Господибогмой!.. Господибогмой!..

Карл стоял чуть сзади и недовольно хмурился... В его ушах звучали голоса всех людей, изображенных на полотне... И еще множество, множество других...

Яркая вспышка молнии выхватила один только миг чудовищной катастрофы... На фоне огненно-красной лавы, вытекающей из жерла Везувия, по узкой улочке метались обезумевшие от страха люди...

Неслась колесница со сломанной осью, оставляя за собой только обломки. Седок еще старался удержать испуганных коней, но его молодая жена, сброшенная на мостовую, уже была убита смертельным падением...

Молодая мать обнимала двоих дочерей, в ужасе глядя на надвигающиеся потоки лавы...

Двое юношей несли на руках своего отца, дряхлого старика...

Живописец с ящиком красок на голове, портретно похожий на самого автора, оберегал прелестную молодую женщину, уже теряющую сознание...

Алчный старик, подбирал с мостовой, уже никому ненужное и такое бесполезное сейчас, золото...

Молодая чета, с прижавшимся к коленям матери ребенком, пыталась укрыться плащом от огненного пепла и града камней...

Раскачивались и падали скульптуры Богов...

— Господибогмой! — шептала графиня.

Неожиданно Карл схватил кисть, стремительно подошел к полотну и несколькими уверенными мазками положил на мостовую отблески света от вспыхнувшей молнии... Отчего все фигуры еще, как бы, более выдвинулись из холста.

— Господибогмой! — шептала графиня.

Через два часа графиня Юлия Самойлова покинула Рим. В мастерской на столе Карла ожидала записка.

«Любимый Карл! Мой супруг, царство ему небесное, отдал Богу душу. Я обязана отдать ему последние почести.

Р. С. Камень забрала с собой. Не хочу терять еще и Вас».

Прекрасная Юлия и тут не смогла обойтись без папетики. «Последние почести!». Можно подумать, граф Самойлов был не кутилой, мотом и пустым человеком, а выдающимся полководцем.

Ровно в полдень 24 августа 79 года Везувий взорвался. Оглушительный грохот был слышен на многие сотни километров. Тучи пепла и град камней обрушились на город. Раскаленная лава отрезала большинству жителей путь к спасению. Из десяти тысяч горожан спаслись только несколько сотен.

Ровно в полдень 24 августа 1831 года художник Карл Брюллов выставил для обозрения полотно «Последний день Помпеи».

Впечатление было настолько сильным, что большинство покидало мастерскую художника молча. Дамы плакали, мужчины хмурились и подавленно качали головами.

Погода тоже преподнесла свой сюрприз. Нежданно-негаданно над Римом разразилась чудовищной силы гроза. Оглушительный гром и ослепительные вспышки молний словно сопровождали изображенному на полотне. Бурные потоки воды несколько часов падали с небес на вечный город.

К сожалению, на картине не нашлось места лохматому Децию. Карл много раз пытался написать по памяти его портрет, но все как-то не получалось. Безумно трудно было схватить постоянно меняющееся лицо. То гневно-яростное, то по-детски восторженное. С седой бородой и взлохмаченными волосами.

Так бывает. Благородным и честным людям не всегда находится место в истории.

В том году Прекрасная Юлия больше не посещала Рим. И дело было вовсе не в трауре. До Карла доходили слухи, что она уже на третий день катала детей своей

подруги графини Разумовской на длинном шлейфе траурного платья по паркету своего дворца.

В очередной раз она встретились уже в Петербурге.

Петербург встретил Карла Брюллова поистине всенародным ликованием. Позади остались бурные восторги Рима и откровенные признания молодых художников: «Мы все должны у него учиться!».

Позади оvationи Неаполя, чтение стихов в его честь в местном театре и факельное шествие по улицам города.

Позади сдержанно-уважительное признание парижан и награда золотой медалью.

Петербург не ударил в грязь лицом.

«Последний день Помпеи» была повешена в центральном зале Академии художеств. Картину объявили лучшим произведением девятнадцатого столетия. Через парадные двери с раннего утра и до позднего вечера шел народ.

Впервые порог Академии художеств переступали ремесленники и купцы, мастеровые и швеи. Народ все шел и шел... Столетнее здание на берегу Невы не слышало ничего подобного...

Куплеты в честь триумфатора, хор академистов, гром полкового оркестра...

С легкой руки Баратынского по Петербургу, а потом и по всей России пошли гулять стихотворные строчки:

«Принес ты мирные трофеи
С собой в отеческую сень...»

Вовсе незнакомые друг другу люди с заговорщицким видом шептались, как пароль:

«И стал «Последний день Помпеи»

Для русской кисти первый день!».

Александр Пушкин написал стихотворение. Николай Гоголь опубликовал в сборнике «Арабески» блистательную статью.

Бюст Карла Брюллова, увенчанный лавровым венком, считалось необходимым иметь в каждой гостиной высшего света. Его имя постоянно было у всех на устах.

Карлу присвоили почетное звание «академика» и профессора.

На балу у графини Разумовской Великий Карл встретился с Прекрасной Юлией. Их отношения всегда отличались стихийностью и неожиданными сюрпризами. Подчас они не виделись месяцами, годами, но, встретившись, даже не замечали пробежавшего времени. Буквально продолжали разговор с прерванной в прошлый раз фразы. Если таковая была, разумеется. Внутренне они вели между собой постоянно диалог, своеобразную, слегка конфликтную беседу. Она не прерывалась никогда, ни на одно мгновение.

Так случилось и в этот раз. Карл был слегка утомлен и смотрел поверх голов танцующих, когда откуда-то справа появилась Прекрасная Юлия. Она была не одна.

— Моя воспитанница, Джованна! — представила графиня Юлия юную особу художнику.

Карл произвольно вздрогнул. На него смотрели темные, выразительные глаза отчаянной всадницы из Помпей.

Графиня Юлия тут же куда-то отошла, передав на попечение Карла свою воспитанницу.

Воспитанница Джованна, глядя в сторону, как бы невзначай, поправила на шее маленький медальон. Карл успел заметить алый камень, вставленный в изящную оправу. Такой же, как у самой графини Юлии, только меньшего размера.

— Почему не спросишь, сколько мне лет? — спросила Джованна.

— Догадываюсь, — пробормотал Карл.

— Мне тысяча восемьсот четырнадцать лет! — сдержанно, но каким-то торжествующим тоном объявила всадница.

— Вы замечательно сохранились, — констатировал художник.

Что еще он мог сказать в подобной ситуации.

В эту минуту к ним подошла Прекрасная Юлия и как всегда без всяких предисловий, объявила:

— Господибогмой, Карл! Она превосходно обращается с лошастью. Вы должны написать портрет моей воспитанницы. Я так хочу!

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!». Эта фраза чаще других вертелась в голове Карла при общении с Юлией.

Все проходит. Впечатления блекнут, стираются. С годами Карл Павлович все реже вспоминал Помпеи. Другие замыслы и заботы занимали его. Когда вспоминал, голову почему-то гвоздем буравила одна только мысль. Догадался ли Деций спустить с цепи своего лохматого пса перед землетрясением? Или в спешке, укладывая свои бесчисленные таблицы, забыл? И вообще! Что с ним самим случилось?

Карл Брюллов покидал Петербург. Навсегда. Хмурились художники, плакали женщины. Подхватив на росписях Исаакиевского собора воспаление легких, по настоянию врачей, Карл уезжал в Италию. Он уезжал умирать.

Одному из своих друзей он оставил короткую записку.

«Я жил так, чтобы прожить на свете только 40 лет. Вместо 40 лет я прожил 50 лет, следовательно, украл у вечности 10 лет и не имею права жаловаться на судьбу. Мою жизнь можно уподобить свече, которую жгли с двух концов и посередине держали калеными клещами».

Последние дни Карлу снился один и тот же сон. Он снова в Помпеях. Вокруг пестрая, веселая толпа горожан. Он медленно, никуда не торопясь, бредет по центральной улице. Навстречу четверо юношей несут на носилках какую-то знатную матрону. Она из-за балдахина манит его рукой. Карл подходит ближе и видит... это графиня Юлия.

Она что-то говорит ему, что-то веселое, беззаботное. Но слов Карл не слышит, хотя понимает, графиня рассказывает ему нечто чрезвычайно забавное...

Обмахиваясь веером, Прекрасная Юлия продолжает что-то ему рассказывать....

И Карл начинает смеяться. Весело, радостно, легко. Он смеется как никогда в жизни.

— А-а-а!!!

Майк опять летел в пропасть. Где-то там, далеко внизу чернела зловещая вода. Он опять не успел ступить на доски причала, а борт катера неожиданно отошел в сторону. И Кустофф опять полетел вниз. Его тело, бедное измученное несовершенно тело ударялось то о правую стену пропасти, то о левую.

О, Господи! Больно-о! Как больно! Локти и колени разбиты и уже не слушаются! Лицо, наверняка, превратилось в кровавое месиво! Уже и все ребра переломаны, и дышать невозможно! Скорей бы! Скорей бы спасительная вода-а!

— А-а-а!!!

Майк громко застонал и... проснулся.

Таким образом, наш доблестный Майк Кустофф оказался у разбитого корыта.

Делай после этого добрые дела. Воплощай в жизнь фантастические мечтания девиц, начитавшихся романов девятнадцатого века. Даже если они обладательницы бездонных темных глаз. Могла хотя бы позвонить, оставить в дверях записку. Нет, исчезла и все. Будто и не было ее вовсе. Будто все это было нелепым прекрасным сном.

О, женщины, женщины, сказал Шекспир. И он был прав.

Злые тусовочные языки, правда, утверждали с пеной у рта. Мол, ничего такого не было. И быть не могло. Никас Сафронов пребывал в это время в Австралии. И никак не мог при всем желании свести Майка со знаменитым французом. Тем более, познакомить того с ка-

кой-то невзрачной девицей, не входящей даже ни в одну приличную тусовку. Сам Шарль Азнавур тоже ни при каких обстоятельствах, ну, никак не мог, встречаться с этой девицей. Он никогда не нарушал свой незыблемый принцип. Никого не принимал после концерта. Хоть черта с рогами, хоть жену президента, хоть самого Жириновского. Потому ничего этого не было. И быть не могло.

Но это было. Хотя, по всем статьям, быть не могло.

Шарль Азнавур увез девушку Кристину в Париж.

— Браво-о, Азнаву-ур!!!

Майк плохо спал и этой ночью. Почти не спал. Многократно вставал, выходил на кухню, курил и напряженно думал.

Сразу после исчезновения Кристины на Майка навалилась депрессия. Какая-то странная, атипичная, не иначе. Будто подхватил дикий азиатский грипп. Но без температуры.

Первые два дня Майк пластом лежал на тахте и курил одну за одной сигареты. Лежал, не раздеваясь, в чем был, в куртке, джинсах и ботинках. Каждый час протягивал руку в сторону, брал с пола бутылку минеральной и делал пару глотков. И опять курил.

Потом впадал в забытие. Когда выпадал из него, скосив глаза в сторону, видел на циферблате будильника, прошло еще несколько часов.

На автопилоте Майк подъехал к Ново-Иерусалимскому монастырю, въехал во двор и припарковал джип между двумя экскурсионными автобусами.

Последнее время он ловил себя на странных поступках. Нелогичных, нецелесообразных, нелепых. Вот и сейчас. Поставив джип на стоянку, зачем-то достал из бардачка пачку сигарет, распечатал ее, сунул одну в рот и вышел из машины. Уже щелкнул зажигалкой, но вовремя спохватился. Сообразил, на территории монастыря курить запрещено. Майк смял сигарету и, не найдя ничего лучшего, сунул ее в задний карман джинсов. Честно говоря, ни одной урны вокруг не было. Может потому?

Майк вошел внутрь храма и скромно встал в стороне. Народа внутри было совсем немного. Но, скосив глаза, Майк тут же увидел, совсем рядом с ним стоит... Кристина. Со свечой в руке. В длинном подвенечном платье, на голове фата, все как положено. Но в данный момент ее вдохновенное, одухотворенное красивое лицо только раздражало.

— У нас с тобой будет венчание? — шепотом спросила Кристина.

— Мечтать не вредно! — вполголоса буркнул Майк.

И Кристина исчезла. Просто отступила чуть назад и растворилась в воздухе.

Майк вышел из храма, осмотрелся по сторонам. Делать было совершенно нечего.

Вчера выкинул фортель и того глупее. В ларьке неподалеку от дома зачем-то купил бутылку водки. Явно паленой. Зачем? Вразумительно ответить сам себе на этот вопрос он не мог. Принес бутылку домой, поставил на стол. И долго смотрел на нее. Вернее, рассматривал со всех сторон.

Зачем? Утвердиться в собственных глазах? Все могу, чего захочу? Могу опять закурить, хотя уже лет пять, как бросил. Могу вот так просто купить бутылку водки. И выпить ее. Один. В абсолютном одиночестве.

Но пить не хотелось. В мастерской было темно, пыльно и очень запущено. Беспорядок достиг своего апогея.

Разумеется, тут же из-за холстов появилась Кристина в синем замызганном халате, на голове красная косынка. В руках веник с совком и ведро. И начала с озверением наводить чистоту и порядок.

— Настоящий джентльмен должен быть аккуратным и чистоплотным. Неаккуратный и нечистоплотный джентльмен все равно, что распущенная женщина! — каким-то незнакомым сварливым голосом нудила она. Но при этом загадочно улыбалась.

В синем халате и красной косынке она была похожа на девиц с плакатов тридцатых сороковых годов. Как заведенная мела, мела.... Мела во все пределы. Майк перестал усмехаться и довольно мрачно спросил:

— Почему ты меня бросила?

— Джентльмен не задает подобных вопросов, — не переставая орудовать веником и совком, надменно ответила она.

— Почему даже не позвонила? Ни разу?

Кристина на секунду оторвалась от наведения чистоты и показала ему язык.

Майк только тихо посмеялся и покачал головой. Кристина с ведром исчезла.

Телефоны дружно молчали. Объявили забастовку. Оба. И городской, и «Нокия».

Если женщина уходит, виноват мужчина. Какого дьявола! Почему всегда во всем виноваты мы? Мы – слабые, закомплексованные, болезненные существа. Особый вырождающийся вид. Плодиться из пробирок гораздо продуктивнее. И безопаснее. Это уже последнему идиоту ясно. Не то, что женщинам. У них там, говорят, дикие очереди за этим делом. А мы? Живем мало. И по большей части скверно. Стараемся, лезем из кожи вон, а толку?

Чего они все от нас хотят? Постоянно что-то требуют, требуют. Эти темноглазые. Еще кто-то из великих сказал, берегите мужчин! Берегут они нас? Хотя бы щадят? Хрен с маслом. Так и норовят затолкать каблуками в какую-нибудь щель. Чтоб ниже плинтуса. Чтоб сидели, и не высывались.

Впрочем, так нам и надо. Одна надежда на клонирование. Может, при помощи этих штучек удастся человечеству произвести на свет из самих себя нечто более совершенное. Без комплексов, без недостатков, без уродства.

Когда депрессия достигла апогея и лень потным удавом сдавила руки, ноги, шею, Майк нашел в себе силы, поднялся с дивана, сел в машину и поехал по шоссе. Решил проверить свой загородный дом. На все лето он зачем-то, зачем и сам не знал, за символическую плату сдал его малознакомому приятелю с семьей.

Майк заглушил двигатель, вышел из машины и подошел к воротам. Те были наглухо закрыты. Когда он бывал здесь, ворота всегда держал распахнутыми на-

стежь. Заходи, друзья-приятели! Мой дом самый гостеприимный в поселке. Всегда и для всех.

Теперь же за закрытыми воротами слышались визгливые детские голоса. Майк несколько раз дернул за ручку колокольчика, голоса стихли. Когда-то своими руками он прилаживал этот колокольчик полтора дня. Никак не мог добиться безупречной работы.

Ворота со скрипом приоткрылись, в щели показалась физиономия подростка лет десяти.

— Тебе чего? — спросил он.

— Позови кого-нибудь из родителей, — распорядился Майк.

— А ты кто?

— Дед Пихто! Живо давай! — повысил голос Майк.

Ворота закрылись, за ними послышался топот убегающих ног.

«Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» — подумал Майк. «Я в его возрасте взрослым не тыкал».

Майк не узнал собственный дом. Вроде, все то, и в то же время, совершенно другое. Рыжий здоровенный кот лениво лазил по его креслам и дивану. Драл когтями ножки его любимого письменного стола. При этом нагло поглядывал на Майка. Мол, чего приперся? Тебя только здесь не хватало.

А когда Майк увидел в любимом камине обертки от конфет и какую-то промасленную тряпку, настроение вконец испортилось. Он тут лишний, чужой. Вокруг по саду бегали и пронзительно визжали дети.

Майк отказался обедать и, сославшись на крайнюю занятость, покинул свой загородный особняк. Выезжая из поселка, у него почему-то возникло глупое чувство,

будто он уезжает отсюда, из своего загородного насиженного гнезда навсегда.

Суть была в том, что Кристина не вписывалась в интерьер его особняка. Майк не раз представлял себе картинку. Кристина в саду. Задумчиво и сосредоточенно бродит среди цветов. Бережно и нежно ухаживает за ними. Вокруг порхают бабочки, гудят деловые шмели.

Нет, никак не вписывалась Кристина в нынешнее состояние его загородного дома.

«Может, продать его к чертовой матери?» — внезапно с тоской подумал Майк, «Купить избу в дальней деревне. Вести затворнический образ жизни. Как Левитан. Может, удастся написать что-то стоящее? Может, еще не все кончено?».

Майк внезапно разозлился и до упора вдавил в пол педаль газа. Джип обрадовано взревел, как «Боинг» при взлете и радостным урчанием, глотая все новые и новые порции вкусного высокооктанового бензина, помчался по прямому, как стрела шоссе.

«Приделать крылья и взлететь!» — подумал Майк.

И тут же на заднем сидении возникла Кристина. Она обеими руками придерживала свою знаменитую широкополую шляпу и недовольно морщилась.

— Вы не могли бы ехать потише? Голова кружится, — манерно попросила она.

— Голова не задница, не отвалится! — бросил через плечо Майк.

Он еще сильнее вцепился руками в руль и давил, давил на педаль газа.

— Истинный джентльмен никогда не позволит себе подобного! — высокомерно ответила Кристина.

— А твой этот? Армян французского разлива!
Он истинный джентльмен?

— Это,... — с ударением сказала Кристина, —
совсем не то, в чем вы подумали.

— Я о тебе вообще не думаю! Выбросил из го-
ловы.

Кристина придвинулась чуть ближе к переднему
сидению, протянула свою изящную ручку и начала...
гладить Майка по щеке. Только этого не хватало!

— Майк! Милый! — вполголоса сказала она, —
Не надо. Все не так плохо.

— Не называй меня «милый»! — рявкнул Майк.
— Я тебе не «милый»!

Кристина со вздохом убрала руку, отодвинулась
вглубь салона.

— У них в парижках так принято? — не унимался
Майк, — Уводить чужих девушек! Конечно, ему все доз-
волено. Всемирная знаменитость. Что хочу, то и ворочу.
Морду бы ему набить, твоему гению!

Кристина на пассажирском сидении только тяжело
вздыхала.

— И ты, тоже хороша! — злился Майк, — Даже
не позвонила! Ничего не объяснила. В конце концов,
мы цивилизованные люди, могли бы объясниться. Спо-
койно и просто. Я не дебил, не кретин безмозглый, все
могу понять. Почему, почему ты даже не позвонила?

— Ты для меня пройденный этап!

— Ах, ты... стерва-а!!! — ошарашено прошептал
Майк.

— Ну, ты чо, в натуре, совсем оборзел!? — голосом
вокзальной бомжихи ответила она.

Майк на секунду оцепенел. Потом в ярости повернул голову, уже открыл рот, чтоб бросить ей в лицо все обидные, злые, жестокие слова, какие только знал.

Но именно в это мгновение Кристина со вздохом приподнялась над сидением, стала почти прозрачной, и, как струйка дыма медленно вылетела в приоткрытое окно джипа. В салоне остался только запах ее духов. Потом и он выветрился.

Майк встряхнул головой и еще крепче вцепился в руль.

На следующий день он стоял на лестничной площадке второго этажа пятиэтажки и настырно звонил в дверь Кристины. За дверью не было ни звука. Но Майк с упорством, достойным лучшего применения, давил на кнопку звонка.

Давил и давил, будто хотел окончательно вдавить эту треклятую кнопку в стену.

Потом, спустившись на несколько ступенек, присел на них и, опустив голову на руки, сидел в неподвижности неизвестно сколько времени. Может, три минуты. Может, три часа. Дворовой пес, шлявшийся неизвестно где двое суток и теперь покорно ждущий милости хозяев. Алкаш, вернувшийся из вырезвителя, которого склочная, вконец озверевшая жена не пускает на порог собственного дома. Мальчик Мишутка, потерявший ключи, и ждущий у запертой двери пустой квартиры, когда оперная мама вернется домой. А возвращалась она обычно далеко за полночь после спектакля или очередного банкета.

Майк сидел на ступеньках, понурился голову, и ждал.

Ждал, ждал, ждал, ждал.

Он сидел на ступеньках, понутив голову, как Иванушка.

Редкие соседи, спующие вверх-вниз по лестнице, не оставляли этого без внимания.

— Чего ждешь, парень? Криску, чтоль? Так уехала она. Навсегда, говорят.

— Не дождешься ты своей Жульеты! Иди ищи, какую другую.

Майк только недовольно морщился и отмахивался от соседей, как от надоедливых мух. На предложения мужиков отметить это дело, залить горе водкой, излить душу, (может, и полегчает?), только отрицательно мотал головой и отмалчивался.

Сколько дней он провел на ступеньках лестницы перед квартирой Кристины, он и сам не знал. Два, три, может, уже неделю? Майк не помнил.

Каждое утро он садился в джип и, как на работу, ехал во двор пятиэтажки Кристины. Иногда привозил с собой бутылку вина. Прятал ее на европейский манер в бумажный пакет и, время от времени глотал какое-то вино. Какое именно, тоже не помнил. Не все ли равно. Главное затуманить голову. И снять хотя бы на время какую-то непривычную тупую боль, где-то в самой середине груди. Кажется, там находится сердце? Или должно находиться, если оно вообще имеется в наличии.

Разумеется, не обошлось без визита местного участкового мента. В один из дней перед Майком возник, козырнул, и что-то строго спросил молоденький парень в форме. Майк не расслышал, был весь в себе, потому

со вздохом достал бумажник и сунул участковому свой билет члена союза художников. Обычно этого было достаточно, чтоб отвязались.

— Ваша машина припаркована во дворе? — спросил участковый.

Майк молча кивнул. Участковый подозрительно осматривал его с ног до головы.

— Непорядок. В нашем дворе посторонним машинам парковаться нельзя!

— Есть такой закон? — вяло спросил Майк.

— Во избежании! — мрачно молвил участковый. И даже поднял вверх указательный палец.

Потом долго осматривал со всех сторон членский билет Майка. Сравнивал фотографию с оригиналом. Не найдя никаких несоответствий, с вздохом, вернул билет Майку.

— У нас контингент жильцов разнопестрый.... — продолжил участковый.

Он так и выразился, «разнопестрый». Разномастный, стало быть. Ненадежный, короче. В смысле, общественного порядка.

— Могут стекла разбить. Могут шины проколоть! — философски продолжал юный участковый мент.

— Все под Богом ходим! — согласился Майк.

— Лучше не ходите на моем участке. Лучше на другом, каком. Вам стекла побьют, вам наплевать. У вас, по всему видно, денег черт на печку не вскинет. А у меня показатели накроются. Медным тазом.

Майк молчал. Он был до того равнодушен, готов был слушать участкового вечно.

— И долго вы собираетесь здесь сидеть?

— Долго! — кивнул Майк. И собравшись с духом, понизив голос, посвятил участкового в свои далеко идущие планы, — Собираюсь квартиру купить в вашем доме. Конкретно в этом подъезде. У девушки Кристины. Знаете такую?

— Всех знаем, кого надо, — мрачно ответил участковый, — Только, думается мне, в ближайшие годы вы ее не увидите. Эмигрировала за границу. По моим сведениям.

— Я подожду. А вдруг...

— Хозяин, барин!

Молоденький участковый, козырнул и спустился по лестнице.

В один из дней, точнее, ранним утром, Майк не сориентировался, где в данную секунду Кристина, не проснулся еще окончательно. Был абсолютно уверен, она на кухне колдует над овсянкой. И он распахнул настежь дверь ванной.... У себя в мастерской Майк, естественно, никогда не закрывал дверь ванной. У него и запоров изнутри не было. Какой смысл запирается? От кого? Не в коммуналке, чай, живем. Если заглянет под утро какая из девиц, во время принятия хозяином водных процедур, что такого? Как это в том анекдоте? «Чего уставилась? Слесаря не видела, что ли?». То, что он увидел, еще долго будет стоять у него перед глазами. У Майка тогда перехватило дыхание. И даже заболело сердце

«Афродита! Боттичелли!» — вихрем пронеслось тогда у него в голове.

Кристина и вправду была до дикости в эту секунду похожа на прелестную обнаженную молодую девушку со знаменитого холста Боттичелли. Если кто помнит ту

картину. Она не вскрикнула, не смутилась. Может, просто не заметила Майка. Или сделала вид, будто не замечает ошарашенного взгляда Майка. Не видит его самого. Она продолжала стоять, едва укрытая махровым полотенцем, в слегка расслабленной позе, о чем-то задумавшись.

Сердце, сердце. С той секунды Майк явственно начал ощущать, у него болит сердце.

Кстати, бывают люди вообще без сердца. Их так и называют в народе, «бессердечные». Таким, наверняка, жить гораздо легче. Ни тебе шоков, ни стрессов, ни депрессий. Жизнь – сплошное удовольствие. Только Майк Кустофф, к сожалению, не из их числа. У него, все-таки, есть сердце, как ни верти. Не самой лучшей модификации, но все-таки. Ничего, ничего. Побарахлит, покапризничает и заработает на полную катушку. Как любой другой двигатель внутреннего сгорания. А пока....

Надо ждать, ждать. Вдруг....

Где ты сейчас, хромоножка моя, ненаглядная? Ненаглядная и ненавистная. Изящно ковыляешь по Елисейским полям под ручку со своим всемирно-известным кумиром? Или сидишь в летнем кафе под зонтиком и чинно благородно поглощаешь пломбир с клубникой?

Может, и вправду тебе выпал один шанс из тысячи. Вытащила из мешка с кучей черных шаров один единственный белый. Бывает. Что ж, может быть, может быть...

Там тебе, разумеется, комфортнее. Здесь же наша жизнь пока не очень приспособлена для таких, как ты. Здесь надобно ежедневно бороться, выгрызать, толкать

локтями и кулаками соперников. Бороться, бороться. Жизнь – это борьба. Так нас учили в детстве. Иначе, сам не заметишь, как упадешь на самое дно. Помнишь еще нашего классика Алексея Пешкова? Его пьесу «На дне»? Всем нам, за редкими исключениями, предстоит найти свое дно, свое болото. Опуститься, успокоиться и не квакать.

В любом случае, я рад за тебя. Самым искренним образом. Все-таки, я тоже приложил лапу к твоему восхождению на Мон-Мартр. Или где ты сейчас там?

Пришли при случае хотя бы открытку с Эйфелевой башней. Тебе пустяк, мне будет приятно. Хоть одна живая душа помнит обо мне.

Вдруг.... Ох, уж это пресловутое «вдруг». Но в жизни самое важное связано именно с этим «вдруг». Майк медленно поднял голову. Услышал со двора длинный гудок собственной машины. Вспомнил, он оставил джип не запертым. И с опущенными стеклами.

«Наверняка, местные пионеры школьники развлекаются! А может, уже угоняют!» — равнодушно подумал он.

Майк медленно поднялся со ступенек, тщательно отряхнул сзади джинсы и еще медленнее спустился по ступенькам во двор пятиэтажки.

Ослепительно светило солнце.

Выйдя из подъезда, он поднял голову, посмотрел на свою машину и вздрогнул. В салоне его джипа на заднем сидении сидела... Кристина! Она была в широкополой шляпе с темной вуалью, но он сразу узнал ее.

Она медленно обмахивала лицо старинным веером, манила его пальчиком и загадочно улыбалась.

Майк Кустофф, пожалуй, впервые в жизни вдруг почувствовал необычайную легкость в груди, истинную радость без подмеса. Счастье! Счастье и Радость, величиною с небо!

Это волшебное состояние заполнило каждую клеточку его тела.

Стараясь не расплескать, не потревожить это необычайное состояние своей души, Майк медленно, осторожно шаркая кроссовками по пыльному двору, не в силах отвести взгляда от лица Кристины, направился к машине.

Кристина, по-прежнему улыбаясь, с прямой спиной и гордо вскинутой головой, сидела на заднем сидении машины, обмахивалась веером и манила его пальчиком.

Майку казалось, он видит какой-то прекрасный сказочный сон.

Но это был не сон.

Странную картину могли бы наблюдать жители пятиэтажек, в одном из спальных районов мегаполиса. Разумеется, если бы выглянули из своих не всегда опрятных окон. Посреди двора стоял роскошный джип последней модели. На заднем сидении того джипа восседала какая-то благородная дама в одеяниях конца девятнадцатого века. В ней невозможно было узнать девушку Кристину из третьего подъезда.

Благородная дама, слегка приподняв от лица вуаль, улыбалась и манила пальчиком в белой перчатке маленького мальчика с мусорным ведром в руках.

Растерянно улыбаясь, не веря своим глазам, мальчик Миша Мырдин медленно, как бы, нехотя брел к шикарной машине, повинуюсь, зову благородной дамы. Он виновато улыбался и изо всех сил пытался спрятать за спину ненавистное мусорное ведро.

Вот такую загадочную картину могли бы наблюдать жители нескольких пятиэтажек в одном из спальных районов столицы. Но жители пятиэтажек, в большинстве своем ленивы и нелюбопытны. Потому никто этой завораживающей сцены не видел.

Выставка Майка Кустоффа привычного успеха не имела. Хоть он и бросил на это дело немало сил, времени и денег. На большинство портретов никто просто не обращал внимания. Лишь немногие отмечали какой-то странный свет, исходящий от лица девушки на портрете под названием «Мир Кристины».

Одна мрачноватая девица лет тринадцати заявила матери, как только она посмотрит на девушку, у нее в голове тут же начинает звучать голос какого-то старомодного французского певца, имени которого она не знает, поскольку никогда раньше его не слышала.

Строгая мать поморщилась и свистящим шепотом приказала дочери не морочить ей голову своими дурацкими фантазиями.

Беда с этими девицами подростками.

Вы ещё не читали «Лихоманку»? Значит, всё хорошее у вас ещё впереди. Библиотека профессиональных писателей ждёт вас. Удачи!

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!